

Илья Стогоff

Миллиардеры

Пролог

Двадцать лет тому назад

1

Эта история началась двадцать лет назад. Если быть точным, то 17 января 1988 года. В тот вечер, ближе к полуночи, по Первому федеральному телеканалу в эфир вышла программа «Взгляд» – одна из самых рейтинговых программ позднесоветского телевидения. Никто не думал в ту ночь, что история русских миллионеров начнется именно с этого ночного эфира. Тогда вообще никто не думал, что программа станет какой-то особенно запоминающейся.

Программа всегда выходила в прямом эфире. В этот вечер перед камерой сидел журналист по фамилии Политковский. Режиссер сверился с часами и громко сказал в микрофон:

- Три!.. Два!.. Один!.. Работаем!

На экраны была выведена заставка программы. Зазвучала музыка. Политковский улыбнулся в камеру и сказал:

– Здравствуйте, уважаемые телезрители! Сегодня мы покажем вам то, чего вы не видели еще никогда: первого легального советского миллионера.

Камера отъезжает немного назад. Зрители видят, что в студии действительно сидит некий мужчина. Однако лица его не видно: к камере он сидит спиной. «Взгляд» славился тем, что показывал вещи прежде невиданные. Например, именно в эфире «Взгляда» колдун Лонго как-то воскресил мертвого человека. А вот теперь реальный миллионер. Зрители заинтригованно заерзали на диванах.

Политковский задает гостю несколько вопросов. Тот спокойно отвечает. Да, он миллионер. Да, только за прошлый месяц его зарплата составила три миллиона рублей.

- Можете ли вы это доказать? интересуется журналист.
- Пожалуйста! Вот мой партбилет. Взносы за январь... вот здесь, видите?.. указано, что взносы я заплатил с суммы зарплаты в три миллиона рублей. Вот подпись секретаря партийной организации. Все официально.

Три миллиона рублей – на тот момент это был бюджет небольшого города. Представить, будто в сером, тоскливом, поголовно бедном Советском Союзе кто-то может получать такую зарплату, – представить такое было невозможно. И еще невозможнее было поверить, будто такую зарплату получает член коммунистической партии. Не иностранец, не диссидент, не затянутый во фрак капиталист из старых мультиков, а обычный коммунист.

Нет! Невозможно!

– Как вам это удалось? – интересуется Политковский. – Доктор наук у нас в стране получает триста рублей. Мы, тележурналисты, получаем сто восемьдесят. А вы три миллиона? Вы

можете назвать свое имя? Или вы боитесь?

- Нет, отвечает аноним.
- Что «нет»?
- Я ничего не боюсь. Меня зовут Артем Тарасов. Япредседатель одного из московских кооперативов. Ничего плохого я не делаю, и скрываться мне незачем.

Собеседник, скрипя стулом по полу, разворачивается к камере. Софиты освещают его лицо. Обычное круглое лицо немолодого человека. Имя Артем Тарасов пока ничего не говорит жителям СССР, но это лицо они запомнят. Как не запомнить первого легального советского миллионера?

Политковский немного смущен экспромтом Тарасова. Перед началом передачи они договаривались, что светить себя он не станет. Журналист перекладывает несколько бумажек и, чтобы успеть собраться с мыслями, задает ничего не значащий вопрос:

- Ну, расскажите, как конкретно все происходило? Вы пришли платить взносы, и что вам сказал секретарь партийной организации? Или вы не помните?
- Почему? Я прекрасно все помню.

Тарасов усмехается. Что конкретно ему сказал секретарь? Первое время секретарь вообще ничего не мог сказать.

Партийные взносы составляли тогда три процента от зарплаты. Обычно люди сдавали что-нибудь около пяти или десяти рублей. Тарасов принес газетный сверток, внутри которого лежало ровно 90000 советских рублей. Что и составляло взнос с зарплаты ровно в три миллиона рублей.

Сперва секретарь не понял. Потом, когда он осознал, о какой сумме идет речь, ему стало плохо с сердцем. Девяносто тысяч рублей — это было больше, чем секретарь видел за всю предыдущую жизнь. Потом он решительно открыл ящик письменного стола и начал грузить пачки купюр внутрь. Денег было так много, что они не влезли в ящик.

Тарасов смотрел на него с жалостью и презрением. Он пришел сдать государству целый портфель денег, однако это не было ни бесцельным шиком, ни невиданной честностью. Все было проще. Обналичивать крупные суммы частным лицам в Советском Союзе было запрещено. И единственная возможность снимать деньги со счета состояла в том, чтобы оформлять все это как зарплату. А чтобы контролирующие органы не докопались и не обвинили Тарасова в том, что никакая это не зарплата, тот заплатил взносы. Отдал коммунистической партии больше, чем рабочие целого завода. И теперь на любые претензии контролеров мог предъявить документ с подписью секретаря парторганизации. Кто смог бы обвинить его в нечестности?

Однако с суммой Тарасов все-таки переборщил. Зарплата в три миллиона — для СССР это было чересчур. В тот же вечер о взносах было доложено первому секретарю Московского комитета партии. А тот позвонил в ЦК. И уже на следующее утро кооператив Тарасова закрыли, а его счета заморозили. Спустя еще сутки на встрече с трудящимися Киева Михаил Горбачев упомянул о невиданных партвзносах и пообещал всех замешанных в эту историю из-под земли достать и наказать, чтобы другим было неповадно. 2

Конец 1980-х стал для страны нелегким временем. Если говорить начистоту, то Советский Союз умирал. Агонизировала экономика, полностью развалилась система управления, на окраинах шла война, причем никакого просвета впереди видно не было.

Михаил Горбачев возглавил страну в 1985-м. В апреле следующего года он поехал в Тольятти встречаться с рабочими Волжского автозавода. Там молодой и энергичный генеральный секретарь объявил: страна вступает в новый этап своей истории. Он будет называться «перестройка». Этот этап, объяснял рабочим Горбачев, станет «перестройкой всех сфер жизни, перестройкой мыслей, дел и работы».

Перестраивать жизнь страны Горбачев планировал по военному образцу. Ужесточалась ответственность за прогулы и опоздания. На гражданских заводах, так же как на военных, вводилась государственная приемка продукции. Ну, а чтобы от работы ничто не отвлекало, для начала молодой генсек объявил войну традиционному русскому пьянству. Притом что деньги от торговли водкой тогда составляли до четверти доходов казны.

Увидев, что новый Генеральный секретарь всерьез взялся за наведение порядка, население ответило ему искренней симпатией. Но – Горбачев явно родился под несчастливой звездой. Почти сразу после его прихода к власти страну начали сотрясать техногенные катастрофы. Взорвалась Чернобыльская атомная электростанция. Произошло несколько жутких железнодорожных аварий. В Новороссийске в борт роскошного лайнера «Нахимов» впилился грузовой корабль: несколько сотен человеческих жертв за пятнадцать минут. Плюс прямо на Красной площади приземлился самолет немецкого пилота-любителя Матиаса Руста. Все хваленые системы советской противовоздушной обороны парень преодолел играючи.

К середине 1980-х советская техника дошла до последних пределов изношенности. А люди, ее обслуживающие, – до невиданных высот непрофессионализма. Даже по официальной статистике полностью исправным в стране могло считаться всего лишь 4 % оборудования. Иначе говоря, один станок, трактор или самолет из двадцати пяти.

Технику нужно было срочно чинить. На это нужны были деньги. А с деньгами вдруг стало туго. В декабре 1985 года Саудовская Аравия объявила, что отказывается от всех ограничений на добычу нефти. И за следующие восемь месяцев цена на черное золото упала почти в три раза. Для СССР это стало катастрофой.

Доходы от алкоголя исчезли. Доходы от продажи нефти таяли на глазах. Именно сейчас деньги нужны были как никогда — и как раз сейчас деньги вдруг кончились. На продовольствие, сигареты и алкоголь были введены карточки. Население начинало глухо роптать. До этого карточки люди видели только в фильмах про войну. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Борис Гидаспов прямо на заседании Политбюро ЦК КПСС заявил:

– Утром я еду на работу, а по всему городу – очереди. Хвосты в сто, в тысячу человек. Каждый раз я думаю: вот сейчас кто-нибудь первый хрястнет по витрине – и начнется! Заполыхает так, что нам будет уже не спасти страну!

Как выправлять ситуацию, понятно не было. На заседание правительства приглашали экономистов. Но те лишь разводили руками.

- Нужно пользоваться китайским опытом и привлекать иностранные инвестиции! говорили с одной стороны.
- Нужно начать продавать землю, и фермеры завалят страну продовольствием, уверяли с другой.

Кто-то считал, что нужно обратиться за помощью к Западу. Кто-то предлагал ввести военное положение. Внятных схем предложить не мог никто. Полвека страна была отгорожена от остального мира железным занавесом. За это время русские аналитики полностью разучились говорить с западными коллегами на одном языке. Вместо того, чтобы предоставить правительству внятный анализ происходящего, они приводили цитаты из

материалов последнего съезда Компартии. Никто не понимал, что происходит и чем это может кончиться. А ситуация становилась с каждым днем все хуже.

К концу десятилетия экономика развалилась уже полностью. Заводы и шахты встали. За первые два месяца 1990 года в стране прошло шесть тысяч забастовок – по сто штук в день. В крупных городах бушевали табачные и водочные бунты. В Челябинске восставшая толпа разгромила обком партии, и армия не могла восстановить порядок в городе несколько дней подряд. Газеты в ужасе писали, как обнищавшие крестьяне с оглоблями наперевес бросались грабить притормаживающие на поворотах вагоны Транссибирского экспресса.

Два поколения жителей СССР выросли полностью отгороженными от всех ужасов жизни. Войны остались в далеком прошлом. Смысл слов «безработица» или «налоги» понимал далеко не каждый. А теперь по телевизору показывали такое, что прежде не показывали даже в кино, и как жить дальше, никто не понимал.

Окраины выходили из-под власти Москвы. Две из пятнадцати советских республик вели между собой полномасштабную войну: Азербайджан использовал в Нагорном Карабахе танки, а Армения – тяжелую артиллерию. Повсеместно лилась кровь. В Узбекистане резали турок-месхитинцев, в Ошской области киргизы бились с таджиками, в Сумгаите шли армянские погромы, в Крыму бурлили крымские татары, в Молдавии – гагаузы. Ожесточение было таким, что кое-где с убитыхпытались сдирать кожу и, как в фильмах про средневековье, насаживали отпиленные головы на колья ограды.

Архимед говорил, что если бы ему найти точку опоры, то он перевернул бы мир. Что-то похожее пыталось предпринять и руководство СССР. Если бы им хоть одним пальчиком нащупать под ногами твердую почву!.. если бы им удалось уцепиться хоть за что-то!.. найти во всем этом прогнившем мире хоть один здоровый фрагмент! — они бы вытащили страну. Но к концу 1980-х в СССР сгнило уже, похоже, все. Уцепиться было не за что. Армия показала свою полную неприспособленность к новым условиям. Генералы продавали танки на металлолом, а дембеля с автоматами наперевес грабили деревни. Церковь, на которую так надеялись, оказалась ничуть не лучше остального общества. Вместо того чтобы явить чудеса духа, митрополиты бросились к чиновникам выпрашивать налоговые льготы. Еще хуже повела себя интеллигенция. Писатели и философы вынырнули из-под опеки советских цензоров, и вдруг оказалось, что уровень их произведений соответствует разве что деревенскому Дому культуры. О прессе нечего и говорить: никаких независимых массмедиа за следующие двадцать лет в стране так и не появилось. Суды предлагали клиентам гибкие системы скидок на любые виды решений. Милиционеры очень боялись бандитов. Ну и так далее.

Поражено было все. Здоровых органов в умирающем теле не осталось. Ухватиться было не за что. И тут появляется человек, у которого все хорошо. Первый легальный русский миллионер Артем Тарасов возник на экране телевизора и спокойно объявил: да, он зарабатывает в месяц три миллиона рублей. То есть больше, чем сто человек за всю жизнь. Да, ему не жалко расстаться со ста тысячами рублей. Он отдаст эти деньги, а потом просто заработает новые. Потому что ничего сложного в этом нет.

Это грело душу. Зрители программы «Взгляд» смотрели на экран и непроизвольно улыбались. Как бы тяжело ни становилось, приятно было осознавать, что у нас есть собственные миллионеры. Люди, у которых все всегда хорошо. 3

Дальнейшая история страны – это и есть история русских миллионеров. Богатых и прекрасных людей, у которых все всегда хорошо.

Первые бизнесмены из России прорвались в список журнала «Forbes» через десять лет после той нашумевшей передачи «Взгляд» – в 1997-м. К этому времени Артем Тарасов уже

сбежал из страны и жил в Лондоне. Его состояние казалось в новой России уже смешным. Что такое три миллиона рублей по сравнению с миллиардами новых русских?

Вслед за «Forbes» свои «золотые сотни» попробовали составить и отечественные журналы. Сегодня читать их немножко смешно. Размер состояний журналисты оценивали на глазок. Да и как составишь объективный рейтинг, если отечественные бизнесмены поголовно скрывают свои доходы? В результате в число богатеев попадали очень странные персонажи. На звание самого богатого русского претендовали премьер-министр Черномырдин, мэр Лужков, аптечный магнат Брынцалов, финансист Довгань и аферист Мавроди. Люди, которые реально держали в руках финансовые потоки страны, широкой публике долгое время известны не были. До самой середины 2000-х непонятен был даже порядок сумм: сотни миллионов? Миллиарды? Десятки миллиардов?

В книжке, которую вы держите в руках, мы попробуем составить свой собственный рейтинг. Он не будет очень уж точным. Зато (я надеюсь) он будет понятным.

А начнем со стального магната Алексея Мордашова.

Алексей Мордашов

Десятое место:

Алексей Мордашов (1965 года рождения).

Около \$12 миллиардов, «Северсталь»

1

В октябре 2002 года Елена Мордашова опубликовала в газете «Московский комсомолец» свое «Открытое письмо всем женщинам».

Она писала:

Я – бывшая жена олигарха. Не правда ли, звучит гордо? Если, конечно, не акцентировать внимание на слове «бывшая». Но так уж получилось, что это слово в моей жизни играет сегодня ключевую роль. В моем городе оно стало для меня ярлыком. Если хотите – волчьим билетом, печатью отверженности...

Мы с моим 15-летним сыном живем в городе Череповце Вологодской области. Местное телевидение стараемся не смотреть. Там слишком часто показывают самого-самого мужчину нашего края. Самого богатого, самого знаменитого. Рекомендующего себя широкой публике как редкой души человека. Я бы поверила, что этот симпатичный мужчина, гендиректор ОАО «Северсталь» Алексей Мордашов — воплощение благородства, если бы так хорошо не знала его.

Я прожила с ним в законном браке десять лет, а сейчас одна воспитываю старшего сына господина Мордашова.

Мы в разводе вот уже пять лет. Нет, я не жалею ни о чем. Наоборот – агитирую за развод, если брак оборачивается унижением. Но я за цивилизованный развод. В нашей стране развод – это социальная проблема, которая целиком и полностью ложится на плечи бывших жен. И проблема эта особенно наглядна, когда дело касается жен и детей от «старого» брака богатых мужчин.

Бывший муж Елены, Алексей Мордашов, – один изсамых богатых мужчин России. В списке журнала «Forbes» за 2007 год он занимает девятое место среди русских мультимиллиардеров и пятьдесят четвертое место – в мировом рейтинге. Он скупает сталелитейные предприятия в США и Италии. Ему принадлежит больше дюжины заводов и телеканал «Рен-ТВ».

И все же директора сталелитейных заводов редко становятся героями светской хроники. Почитать о скандале в семье киноактера или музыкальной звезды – что может быть банальнее? Но много ли вы знаете о том, как живут жены промышленных магнатов?

Именно поэтому письмо Елены Мордашовой привлекло к себе такое большое внимание. 2

В одном из интервью Мордашов так рассказывал о своем детстве:

- Родители вас любили?
- Любили. Заботились обо мне. Я единственный ребенок в семье. Наверное, они даже любили меня так сильно, что ограничивали этим мою свободу.
- Вы дрались в детстве?
- Нет.
- А обиды были у вас в жизни? Вы обижались на кого-нибудь сильно?
- Да. Обиды были.
- На родителей? Сверстников?
- На кого обижался? Знаете, я не хочу об этом говорить. Нет, не хочу.
- Что у вас была за семья?
- Простая семья. Советский средний класс. Мама работала в управлении сталелитейного комбината. Папа – электриком пятого разряда в одном из цехов. Обычная семья.
 Двухкомнатная квартира. «Москвич» 412-й. Дача с печкой. Два шкафа больших с книжками.
 Летом ездили на юг к морю.
- То есть особых проблем с деньгами, я так понимаю, у вас в семье не было?
- Да нет. Не то чтобы мы жили роскошно, но я не помню, чтобы у семьи были долги. Экономили, конечно, как-то кроили. Но долгов не было, нет. У меня не было ощущения, что денег мало или не хватает. Было место, где лежали эти деньги. Я всегда мог попросить у мамы сколько надо она бы мне дала. А вообще, слово «деньги» очень нечасто произносилось. Много о них не думали.

Это полная правда. В Советском Союзе произносить слово «деньги» было почти так же неприлично, как произносить слово «сифилис». Разбогатеть по-настоящему никому не светило, но никто из-за этого и не переживал. На жизнь хватало – и ладно. Символом процветания был личный автомобиль или хорошая дача. А заводы, шахты, самолеты, газеты и нефтяные скважины – все это принадлежало государству.

Кто-то, конечно, государственной собственностью управлял. Армия чиновников в СССР была огромна: два процента населения страны. Полмиллиона бюрократов высшего уровня и еще четыре-пять миллионов чиновников среднего звена. Именно эти люди стояли во главе заводов и предприятий, управляли денежными и товарными потоками, распределяли блага и определяли, как все мы станем жить дальше.

Первое время руководство страны жестко следило, чтобы чиновники только управляли государственной собственностью, но ни в коем случае не пытались ее присваивать. В 1940–1960-е годы замеченных в злоупотреблениях могли даже расстрелять. Но как уследишь за несколькими миллионами управленцев? Тем более если следить за собой они должны были сами.

Директор завода, просидевший в своем кресле тридцать лет подряд, не мог не относиться к заводу как к своему собственному. Министр, ведавший, например, рыбным хозяйством, вряд ли праздновал Новый год без осетринки на столе – даже если остальное население страны никакой осетрины и в глаза не видало. По сути, никакого социализма в СССР не существовало задолго до Перестройки. Государственная собственность была поделена между чиновниками. Главы регионов, руководители министерств, директора заводов давно научились распоряжаться этой собственностью так, будто она принадлежит лично им.

Время от времени руководство страны пыталось стукнуть кулаком по столу. Заводились уголовные дела, летели головы, из конца в конец страны носились прокурорские бригады. В начале 1980-х по стране прокатилась волна довольно шумных уголовных процессов. Самым известным из них стало «Узбекское дело». Суть там была в том, что руководство Узбекистана мухлевалос переработкой хлопка и обогащалось на том, чем должно было управлять. Только у первого секретаря Бухарского обкома КПСС дома при обысках было обнаружено 130 килограммов золота. В тот раз на нары отправились действительно очень высокопоставленные госчиновники.

Похожие дела были заведены в Казахстане (там мухлевали не с хлопком, а с мехами), в Министерстве рыбного хозяйства и в Комитете по нефтепродуктам. Часть чиновников пыталась приватизировать какую-нибудь отрасль промышленности (например, рыбную или нефтяную). Часть пыталась освоить определенный регион (например, Узбекистан или Москву). Но суть везде была одна и та же: чиновники переставали просто управлять собственностью. Они распоряжались ею, как своей.

Уже к концу 1970-х высшие советские чиновники распределили государственную собственность, использовали ее в собственных интересах, передавали по наследству и боролись с враждебными чиновничьими кланами. Остановить этот процесс было невозможно. В середине 1980-х последовала новая серия арестов: на нары отправились работники Госкомитета по экономическим связям, Министерства внешней торговли и даже МВД. Однако чем дальше, тем менее понятно становилось: а зачем пресекать то, что, в принципе, всех устраивает?

Зачем сажать директоров магазинов за то, что они продают часть товаров не по официальным, а по завышенным ценам, – ведь именно это во всем мире и называется рынок. Зачем лишать должности руководителей министерств за то, что они пытаются делать в своей области дополнительные деньги, – ведь это и есть эффективность работы.

Местные власти хотели, чтобы Москва больше не вмешивалась в их бизнес. Министры и директора желали узаконить то, что и так давно стало фактом. К середине 1980-х многомиллионная армия советских чиновников понимала: жить так, как раньше, больше нельзя. Пора менять правила игры. Полдесятилетия страну сотрясали громкие уголовные процессы, но бороться с чиновниками руками других чиновников — это была глупая затея. Ситуацию было проще легализовать, чем изменить. 3

К середине 1980-х СССР забрел в окончательный тупик. Можно спорить о деталях, но любой, кто застал то время, подтвердит: главным ощущением был недостаток кислорода. Жить как прежде больше никто не хотел.

А самым заметным признаком кризиса стало то, что генсеки Коммунистической партии вдруг

стали один за другим умирать. За два года их умерло трое. В том году, когда скончался предпоследний из них, Константин Черненко, молодой человек по имени Алексей Мордашов приехал из Череповца в Ленинград и поступил в Инженерно-экономический институт.

В Ленинграде для Мордашова началась совершенно другая жизнь. Прежде он жил в крошечном городке, в одной квартире с родителями. Теперь он мог возвращаться к себе в общежитие под утро и ни перед кем не отчитываться, где именно проводит досуг. Досуг Алексей проводил со взрослой девушкой, студенткой пятого курса Леной Митюковой.

Их роман начался в апреле, но протекал бурно. Позже Елена вспоминала, что Алексей писал ей очень нежные письма: «Взял твою футболку, в которой ты ходила, понюхал, и мне стало так тоскливо...» На летние каникулы девушка уехала к себе на родину, в Иркутск, и там поняла, что беременна. Она позвонила Алексею в Ленинград. Он растерялся.

Через месяц Елена вернулась в Ленинград и попробовала поговорить с Мордашовым начистоту. Разговор вышел трудным. Девушка плакала. Алексей молчал. Он только-только окончил второй курс. Впереди было еще три — и вся жизнь! Так рано связывать себя узами брака он не планировал. Тем более с девушкой, которая была старше его на несколько лет. Однако история по тем временам выходила некрасивая. Комсомольцы и отличники забеременевших подружек не бросают. За такое могли отчислить и из института, и из комсомола. Короче говоря, еще через четыре месяца он все-таки сделал девушке предложение.

Родители Алексея восприняли известие о том, что скоро у них родится внук, в общем, мужественно. Рожать новобрачная уехала к ним в Череповец. Там она и стала жить, а Алексей остался в Ленинграде и продолжил образование. 4

Инженерно-экономический институт, в котором учился Мордашов, был не просто скучным советским вузом. Именно здесь в те годы ковалась экономическая доктрина будущей России. Одним из преподавателей у Мордашова был молодой доцент Анатолий Чубайс. При институте он создал «свободные семинары», где обсуждал с приятелями модные западные экономические модели. Среди приятелей Чубайса были заметные фигуры: будущий руководитель Центробанка Игнатьев, будущий советник президента Илларионов и будущий петербургский вице-мэр Маневич.

Иногда из Москвы послушать умных собеседников заскакивали Егор Гайдар и Петр Авен. Первый из них еще не успел занять кресло премьера, а второму было довольно далеко до места в списке «Forbes». Но умные ленинградские ребята нравились москвичам уже тогда. И нет ничего странного, что когда в 1991-м эти двое вошли в правительство, то туда же они позвали поработать и Чубайса.

В советские времена у чиновников существовало два пути улучшить свое материальное положение. Первым путем шла местная власть: эти люди получали деньги со всех предприятий, расположенных у них в регионе. Глава республики мог богатеть на средства, получаемые с заводов, магазинов, нефтяных скважин, портов, хлопковых плантаций, или что там еще было у него в управлении. Вторым путем шли главы министерств: эти богатели на предприятиях, раскиданных по всей стране, но относившихся к одной области. Нефтяной министр богател на нефти, рыбный – на рыбе, ну и так далее.

Когда 36-летний доцент Чубайс вошел в состав правительства, Советский Союз уже развалился. Местные власти хотели, чтобы Москва больше не вмешивалась в их бизнес, – и вот их мечта осуществилась. Бывшие советские республики отделились, бывшие коммунистические боссы стали президентами независимых государств. Средства от своих заводов, скважин и плантаций они теперь могли получать вполне легально. После них свою порцию экономической свободы хотели получить и бывшие министры.

Самым прибыльным бизнесом в России всегда была торговля природными богатствами: газом, нефтью и металлами. Именно газ, нефть и металлы первыми из всей государственной собственности и были переданы в частные руки.

В августе 1989 года Министерство газовой промышленности СССР было преобразовано в государственный концерн «Газпром». Компании принадлежала треть газовых запасов планеты. Стоимость этих запасов оценивается от 300 до 700 миллиардов долларов. Если бы «Газпром» стал полностью частным, то оказался бы богатейшей компанией планеты и Билл Гейтс со своим «Майкрософтом» от зависти сгрыз бы все ногти. Во главе гигантского концерна встал бывший газовый министр Виктор Черномырдин.

Точно так же была реформирована и вторая по доходности область: нефтяная. Через пару лет после реформы «Газпрома» замминистра нефтяной промышленности Вагит Алекперов взялся за создание крупнейшей в стране нефтяной компании «ЛУКОЙЛ». Одновременно с ним заместитель металлургического министра Олег Сосковец создает на базе своего министерства корпорацию «Росчермет».

Схема во всех случаях была проста. Министерство упразднялось. На его обломках создавался государственный концерн. Возглавлял его, как правило, заместитель предыдущего министра. И буквально на глазах унылое советское министерство превращалось в динамичную акционерную компанию. При этом кабинеты, мебель и работники оставались те же самые. Менялось лишь направление денежного потока. Теперь он шел не в государственный бюджет, а в руки акционеров.

Вслед за важнейшими министерствами были реформированы и несколько министерств попроще. Министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения превратилось в акционерное общество «ТЭНМА». Бывший министр Величко стал его генеральным директором, а также председателем совета директоров «Холдингтэмбанка», обслуживающего эту структуру. Руководство Министерства лесной и бумажной промышленности объединило все предприятия отрасли и занялось продажей сырья в Европу. Руководитель Министерства сельскохозяйственного машиностроения оформил на себя половину акций гигантского завода «КамАЗ».

Министерство транспортного строительства было преобразовано в концерн «Трансстрой». Министерство специального строительства – в корпорацию «Минмонтажстрой». Министерство станкостроения – в акционерное общество «Станкоинструмент». Министерство радиопромышленности – в корпорацию «Радиокомплекс». Министерство общего машиностроения – в корпорацию «Рособщемаш». Во главе всех этих концернов и корпораций встали бывшие министры. Люди, прежде управлявшие государственной собственностью, теперь становились ее владельцами. То, что в советские годы приходилось скрывать, теперь можно было делать открыто, в соответствии со всеми законами Российской Федерации. 5

Правительство Егора Гайдара продержалось совсем недолго. В 1992-м кабинет был распущен. Новым премьером стал бывший газовый министр Виктор Черномырдин. Выдвиженцы Гайдара упаковали личные вещи и покинули кабинеты – все, за исключением Анатолия Чубайса. Петербургский доцент не только сохранил свое место, но и принял на себя руководство очень важным процессом: приватизацией, передачей государственной собственности в частные руки.

Теоретически эти руки могли принадлежать кому угодно. Теоретически каждый владелец ваучера мог получить свой маленький кусочек страны. Но на практике приватизация вовсе не стала раздачей бесплатных слонов. Собственниками в новой стране стали те, кто на деле им давно уже был. После приватизации государственная собственность на законных основаниях перешла в руки тех, кто прежде ею только управлял. То есть чиновников.

В советские времена бюрократы имели огромное количество благ. Те, кто управлял страной, ездили на особых машинах, жили в особенных квартирах, отдыхали в особенных пансионатах и отоваривались в особенных магазинах. Но как только чиновник лишался места, тут же улетучивались и блага. Вылетев с должности, вчерашний полубог мог закончить дни в полной нищете.

Жить в вечном страхе чиновникам надоело. В конце 1980-х все, что раньше полагалось им только временно, стало наконец принадлежать им по закону. Дачи, квартиры, земельные участки, дорогие коттеджи в охраняемых зонах — все это стало собственностью тех, кто раньше мог пользоваться этим лишь по праву службы.

Новые русские миллионеры не создавали состояний с нуля, как легенды американского бизнеса. Весь сегодняшний русский капитал — это заводы и предприятия, которые сперва были советскими, а потом перешли в руки своих бывших директоров. По статистике, половина современных крупных предпринимателей до прихода в бизнес работала в органах советской власти. А еще приблизительно треть является выходцами из семей номенклатуры. Тех, кто построил свой бизнес без участия государства, среди нынешних миллиардеров нет ни одного.

Огромная часть собственности в СССР принадлежала не государству, а Коммунистической партии. Эту собственность чиновники оформили на себя в первую очередь. Раз никакой партии больше нет, то почему не приватизировать бесхозное? В 1989–1990-х годах секретариат ЦК партии был завален тысячами заявлений: прошу разрешить мне акционирование типографии, гостиницы, оптового склада, дома отдыха, книжного магазина или автомастерской.

Разрешение на все эти запросы ставилось автоматом. Именно в те годы начал складываться «заповедник миллионеров» на Рублевском шоссе. Причем первыми собственниками роскошных дач в самом дорогом месте страны стали не молодые бизнесмены, а пожилые госчиновники: премьер-министр ельцинского правительства Иван Силаев, пресс-секретарь президента, муж ельцинского спичрайтера...

19 августа 1992 года президент Ельцин выступил с телеобращением к нации. Он объявил, что в стране начинается всеобщая ваучерная приватизация. «Ваучер, – объяснил президент, – это билет в свободную экономику для каждого из нас. России нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров».

К этому моменту наиболее выгодные части советского наследства уже были переведены под контроль бывших советских министров. То, что осталось, выглядело не очень привлекательно. В плане технологий Советский Союз отставал от Европы и США на несколько десятилетий. Чтобы изготовить очень посредственный автомобиль «Москвич», наши рабочие тратили в сорок раз больше человеко-часов, чем американцы на создание красавчика «форда». То, что выпускало большинство русских заводов, продать было невозможно. Трактора, станки, комбайны, автомобили – все это требовало ремонта сразу же, как сходило с конвейера.

Впрочем, и здесь были исключения. Конкурентоспособные, хорошо работающие предприятия в стране, разумеется, имелись. Просто их было немного: приблизительно одно из двадцати. В основном это были военные заводы, а также несколько построенных иностранцами высокотехнологичных производств. Например, суперсовременная клиника «Микрохирургия глаза», которую сразу после открытия приватизировал ее гендиректорврач-офтальмолог Святослав Федоров. Или «Аэрофлот», во главе которой встал зять президента Ельцина Валерий Окулов.

Именно такие предприятия первыми и стали переходить в частные руки. А одной из

жемчужин государственной экономики был гигантский Череповецкий металлургический комбинат. 6

Алексей Мордашов закончил институт в 1988-м. Получив диплом, он вернулся к себе в Череповец и начал работать на металлургическом комбинате. Для начала — экономистом цеха. Должность была крошечная, но нужно ведь было с чего-то начинать, не так ли?

Алексей имел очень располагающую внешность. Открытое русское лицо. Широкая улыбка. Кроме того, молодой человек был действительно очень исполнительным и трудолюбивым. Двадцатитрехлетнего экономиста быстро заметило начальство.

Для начала Мордашова на полгода отправили постажироваться в Австрию, в сталелитейную компанию «Voest Alpine». После возвращения он получил повышение: стал заместителем начальника планового отдела всего огромного комбината. А в 1992 году был назначен уже директором комбината по финансам и экономике.

Понятно, что дело тут не только в деловых качествах. Очень быстро у молодого экономиста возникли теплые личные отношения с директором комбината Юрием Липухиным. Тот относился к Мордашову почти как к сыну. Когда Алексей принимал таинство крещения, Липухин даже стал его крестным отцом. Именно Мордашову пожилой генеральный директор доверил сложное дело – приватизацию металлургического комбината.

В своем «Открытом письме» Елена Мордашова писала о тех временах:

Много лет назад я выходила замуж за студента Алешу Мордашова. Родился сын, жилось нам очень нелегко. Ребенок серьезно болел, на мои плечи легло все – дом, семья, заботы о муже. Днем я выхаживала сына, а вечерами работала уборщицей. За плечами остался институт, диплом с отличием. Жизнь поставила выбор – или семья, или аспирантура и карьера. Конечно, здоровье сына и спокойствие мужа были важнее. Трудясь уборщицей, я зарабатывала нам на квартиру.

Время шло. Мы получили наконец собственное жилье, здоровье сына выправилось. Я устроилась бухгалтером в банк, муж работал на Череповецком металлургическом комбинате. Довольно быстро стал продвигаться по служебной лестнице. Когда он дослужился до финансового директора, начались командировки в Москву. Чередой пошли светские приемы и презентации.

Однажды он вернулся и сказал, что на очередной тусовке чувствовал себя неловко: все вокруг доставали из карманов пачки денег. Мы тогда еще не доросли до столичных масштабов. На следующую презентацию он уехал, взяв обе наши зарплаты. Мы вместе создавали ему имидж.

Это я вставала в четыре-пять утра, готовила ему завтрак, будила и обязательно провожала до дверей. Это я всегда, в любой час ждала его домой. Это я стояла у окна ночами, боясь, чтобы с ним не произошло самое ужасное. После того, как он что-то не поделил с бандитами и начались угрозы, я молила Бога, чтобы Алексей был жив. И однажды я произнесла фразу: «Пусть он будет лучше у любовницы, лишь бы живой!» 7

Правила приватизации, разработанные Анатолием Чубайсом, выглядели вот так. Пятьдесят один процент всех акций комбината был роздан рабочим. Двадцать девять процентов акций должны были пойти с аукциона. А еще двадцать один процент государство оставляет себе.

Если директор Липухин не хотел остаться без комбината, то акции нужно было срочно выкупать. Для того чтобы выкупать, нужны были деньги. Всего предстояло приобрести 22 миллиона акций. Свободных денег, да еще и в таком количестве, у директора не было. Поэтому комбинат (в лице директора Липухина) совместно с гражданином России Алексеем

Мордашовым создал фирму «Северсталь-Инвест».

Задачей фирмы было выкупить акции комбината. Схема там была несложная: комбинат передавал «Северстали» всю свою готовую продукцию (полтора миллиона тонн стали), и та перепродавала ее с пятипроцентной надбавкой. Ну а получившийся плюс Мордашов пускал на покупку акций.

С задачей Алексей справился блестяще. Очень скоро Череповецкий металлургический перешел в собственность принадлежащей ему фирмы «Северсталь-Инвест». Директор Липухин и его крестник должны были стать хозяевами гигантского производства, и они ими стали.

Мордашову было только тридцать, и теперь у него было все, о чем можно мечтать. Он стал владельцем одиннадцатого по стоимости предприятия страны. От старой жизни оставалась только жена. Его бывшая супруга позже рассказывала в одном из интервью:

Любовницы появились сразу, как только стал он финансовым директором. Практически вместе со служебной машиной...

Я прощала первую, вторую. Каждую ночь ждала до утра и со звенящей головой шла на работу. Целый день варилась в котле собственных переживаний. Чувствовала, будто меня выжали, как апельсин, а потом просто выбросили...

Я не могла больше стирать его белье, зная, что муж вернулся от другой женщины. Гладить его рубашки, чтобы, начищенный и блестящий, он снова уходил из дома. Все эти годы он давал мне понять, что я испортила ему жизнь, что вынудила его на себе жениться. У нас давно уже не было супружеских отношений: и ноги у меня росли не из того места, и лицо было нето.

Однажды на Новый год мы сидели вдвоем у телевизора, и муж, глядя на очередное шоу длинноногих мисс, выдал: «Бывают же красавицы, ну почему не со мной, не рядом?»

Я долго плакала, а потом еще долго приходила в себя. Вот так мы встретили новый, 1996 год.

Идея приватизации состояла в том, чтобы миллионы рабочих стали акционерами тех заводов, на которых трудятся. Проблема была в том, что рабочие не желали никем становиться. Стоимость ваучера равнялась бутылке водки. Очень скоро завод вернулся в те руки, которые распоряжались им еще при советской власти: в руки собственного директора. Только теперь уже официально и насовсем.

В 1996 году Мордашов стал гендиректором «Северстали», а бывший директор комбината Липухин занял пост председателя совета директоров. Еще через несколько лет Липухин полностью сдал дела молодому помощнику и переехал жить в Сочи. А Алексей Мордашов превратился в одного из самых богатых людей России.

Михаил	Фридман
--------	---------

Девятое место:

Михаил Фридман (1964 года рождения).

Около \$13,5 миллиарда, «Альфа-Групп»

Начало 1990-х стало странным временем, жутким и чарующим одновременно. Все, что прежде жители СССР могли видеть только в голливудских фильмах, теперь происходило наяву.

В стране появились бандиты, миллионеры, проститутки, игроки на бирже, наемные убийцы, торговцы кокаином и звезды шоу-бизнеса. Кто-то владел собственными яхтами. Кто-то проводил вечера в казино. Одна из газет опубликовала фото человека, повешенного прямо в центре Москвы на фонарном столбе. Под столбом с открытыми ртами застыли прохожие. Другая газета уверяла, что только на карманные расходы у богача Владимира Гусинского в месяц уходит миллион долларов США.

Всего за пару лет после распада СССР в стране появилось огромное количество богатых, очень богатых и фантастически богатых людей. Выручка даже не очень большого казино в те годы составляла до миллиона долларов в месяц. Только-только открывшиеся московские найт-клабы были полны низеньких толстых мужчин, каждого из которых сопровождало по несколько двухметровых моделей. Это люди носили наручные часы, стоимость которых превышала стоимость военного крейсера. Они могли заказать тележурналистам полнометражный документальный фильм о себе или распорядиться, чтобы к ним в сауну приехал спеть кто-нибудь из народных артистов республики.

Откуда они взялись и на чем сделали деньги, понятно не было. Казалось, будто дело в каком-то секрете. Эти странные люди его знают, а остальные – нет. Казалось, будто бизнес – это как волшебство: если ты знаешь правильное заклинание, то деньги можно делать на чем угодно. Но на самом деле это было совсем не так. 2

Будущий банкир Михаил Фридман (шестая строчка в списке журнала «Forbes») родился на крайнем западе СССР, в украинском Львове. Он был поздним и любимым ребенком в очень приличной еврейской семье. Родители Михаила были военными инженерами. Его папа был даже удостоен Государственной премии: разработал системы опознавания для военной авиации. Некоторые газеты писали, что семья Фридманов жила в том же дворе, что и семья Явлинских, родителей будущего главного экономиста России.

Школу Михаил закончил всего с одной четверкой. Он вообще был очень положительным ребенком. Единственное, что могло насторожить советских учителей: Фридман очень рано полюбил рок-н-ролл. По слухам, еще дома, во Львове, он собрал свой первый вокально-инструментальный ансамбль. Правда, фронтмена из полного подростка не вышло: в ансамбле Михаил играл не на гитаре, а на электрооргане.

После школы Фридман поехал в Москву поступать в вуз. Он планировал учиться в Физико-техническом институте, однако не прошел туда по конкурсу. Через год он повторил попытку, но опять неудачно. Тогда, решив не мучиться, Михаил сдал документы в Институт стали и сплавов (МИСиС). Во-первых, там был меньше конкурс, а во-вторых, в этом институте уже учился его двоюродный брат.

МИСиС – это было тоже неплохо. Для такого человека, как Фридман, – даже очень неплохо. В общежитии его соседом был Михаил Грушевский, довольно известный сегодня пародист. В институте была очень сильная команда КВН, и Фридману это нравилось. В интервью газете «Коммерсантъ» он рассказывал о своей студенческой молодости:

- Я занимался билетами на лучшие спектакли. Помните, как это было? Студенты с вечера занимают очередь у театральных касс, а утром подходит толпа из того же вуза и становится к своим в начало очереди.
- Вы тоже стояли в очереди всю ночь?

- Нет! Я координировал. По средам проводил совещания, определял, ставил задачи. Смешно, но я и сейчас заседания провожу по средам, знаете, с тех пор вошло в привычку.
- А как те билеты делили?
- Одну пару билетов получал тот, кто стоял в очереди, а другая причиталась мне.
- Вы билеты перепродавали?
- Как можно! Нет, конечно. Деньги я зарабатывал иначе работая грузчиком в магазине. Там кроме денег еще и продукты всегда под рукой... А билеты менялись на подписки, на талоны, которые, в свою очередь, менялись на грузинское вино из дегустационного зала ВДНХ, ну и так далее.

В столице Фридман расцвел. Воистину Москва былаего городом! Он купил себе ультрамодные брюки «Levi's505». Завел знакомства со столичными модниками и меломанами. А к третьему курсу даже открыл в общежитии своего института ночной клуб «Земляничная поляна». Вернее, это еще не было настоящим найт-клабом, но только потому, что создать официальный найт-клаб в СССР было нереально. В остальном «Поляна» была вполне себе модным местом. Там проводились дискотеки, выступали барды и можно было культурно познакомиться с девушкой.

Ну а когда в конце 1980-х появилась возможность заниматься легальным бизнесом, Фридман не стал упускать и этот шанс. 3

В Советском Союзе никакого бизнеса не было. Первые «новые русские» стали понемногу появляться только в 1988–1989-х годах. У тех, кто собирался разбогатеть, было на тот момент три пути.

Во-первых, в стране появились кооперативы. В мае 1988 года был принят закон «О кооперации». Теперь желающие могли вполне официально заниматься тем, за что раньше сажали в тюрьму: шить поддельные джинсы и кожаные куртки, за деньги показывать эротические фильмы или строить клиентам дачи.

Уже через полтора года в кооперативах работало больше миллиона человек. По всей стране создавались кооперативные лавочки и открывались кооперативные ателье. При этом лишь некоторые фирмы были созданы действительно с нуля. В основном «кооператорами» стали называться те, кто раньше занимался тем же самым, но подпольно. В советские времена этих людей называли «цеховиками» или «теневой экономикой». Прежде их отлавливали и надолго сажали. Теперь времена пошли менее кровожадные, и бывшим подпольщикам государство дозволило свой бизнес легализовать.

Кооперативы были на виду. Многим казалось, будто именно из них и вырастут русские бизнес-империи. Именно в кооперативах начинали многие будущие миллионеры. У Романа Абрамовича была небольшая фирма по изготовлению мягкой игрушки. Михаил Прохоров «варил» джинсы. Владимир Гусинский занимался частным извозом. Но тут была большая проблема. Можно, конечно, разбогатеть и на мягких игрушках или на джинсах stone-wash, другой вопрос, сколько это займет времени?

Поэтому куда интереснее был путь номер два. Одновременно с кооперативами были разрешены новые формы собственности: аренда и совместные предприятия. Это означало, что заводы и фабрики больше не должны быть обязательно государственными. Рабочие какого-нибудь завода теперь могли сами распоряжаться тем, что производят. И даже сбывать часть продукции за границу.

Это было уже лучше, чем строчить джинсы. Разумеется, никакой продукцией никакие рабочие

распоряжаться не стали. Зато, пользуясь этим законом, директор мог взять да и продать на Запад выделенную ему государством солярку. Или под видом лома цветных металлов вывезти за границу все стоящие у него на заводе станки. В 1989 году фирма «Ант» пыталась продать на металлолом даже партию новеньких танков.

Бизнес стоило делать там, где были деньги. У жителей агонизирующего СССР каких-то особенных денег тогда не было. Деньги были либо за границей, либо у государства. Именно на торговле с заграницей начали коваться действительно большие состояния. Первый русский миллионер Артем Тарасов гнал мазут на Запад тысячами тонн. Стартовый бизнес нынешнего мультимиллиардера Виктора Вексельберга состоял в том, что он по \$300 за тонну покупал списанные медные кабели и продавал их в Европе по \$2300. Миллион долларов Вексельберг скопил еще при Советском Союзе.

Впрочем, все эти лазейки опомнившееся государство очень быстро прикрыло. И вообще, серьезные деньги тогда зарабатывались не здесь. По-настоящему золотым дном в конце 1980-х стал третий путь: так называемый «комсомольский бизнес». Двадцать лет назад о нем мало говорили. А сегодня об этой штуке и вообще почти никто не вспоминает. Но самые главные новые русские капиталы были созданы именно тут. 4

В советские времена государство жестко регулировало всю жизнь подданных. Теперь с точно такой же жесткостью государство определяло, кому быть богатым, а кому нет. Советские законы неприступной стеной стояли на пути у тех, кто собирался заняться бизнесом. Но для некоторых людей из этих законов были сделаны исключения. И разумеется, это были не случайные люди, а свои, проверенные кадры. Дело в том, что на смену коммунистам в новой России пришли не капиталисты, а комсомольцы.

Еще в июле 1986 года ЦК КПСС принял решение разрешить комсомолу заниматься научно-техническим творчеством. При горкомах и райкомах начали создаваться так называемые «Центры научно-технического творчества молодежи». Под этим псевдонимом скрывались первые в СССР коммерческие фирмы.

Старшие коммунисты остались решать вопросы большой политики. Вопросами экономики они поручили заняться младшим товарищам: функционерам не партии, а комсомола. Четыре миллиона советских чиновников разделились на две большие группы. Одна половина со временем превратилась в политическую элиту страны, а вторая (помладше) – в бизнес-элиту.

Комсомольским Центрам творчества старшие товарищи предоставили невиданную в СССР экономическую свободу. При этом налогами комсомольская экономика не облагалась. Только им было разрешено вести бизнес с иностранными фирмами. Только им были даны права заниматься банковской деятельностью и даже проводить валютные операции. Прочим категориям граждан за подобные проекты светили крупные тюремные сроки.

В советские времена у государственных чиновников было огромное количество благ: эти люди ездили на особых машинах, жили в особенных квартирах, отдыхали в особенных пансионатах и отоваривались в особенных магазинах. В конце 1980-х у них появилась еще одна привилегия: теперь им разрешалось делать то, что было запрещено остальным.

Всего через год в стране работало уже шестьдесят комсомольских фирм. К 1990-му – 4000 фирм и 17000 комсомольских кооперативов. Среди проектов комсомола имелся коммерческий банк и собственный модный дом. Однако из всех видов творчества комсомольцев больше всего увлекло обналичивать бабки.

Дело в том, что хождение наличных денег в СССР строго контролировалось государством. Предприятие могло быть очень рентабельным и иметь на счетах миллионы. Но снять эти деньги со счета и прибавить зарплату сотрудникам (или хотя бы отремонтировать

собственную столовку) директор не имел права. Зарплаты в СССР имели жесткий потолок, а любая коммерческая деятельность (типа нанять штукатуров для ремонта) заканчивалась уголовной статьей.

Зато комсомольцы превращали цифры на бумаге в хрустящую наличность играючи. Право на обналичку было дано им вполне официально. Теперь чтобы отремонтировать ту самую столовку, директор завода мог обратиться к комсомольцам. Он переводил им на счет безналичную сумму, комсомольцы обналичивали деньги, часть брали себе, а на остальные нанимали бригаду штукатуров. И все были довольны: комсомол получал деньги, директор – новую столовую, а партия могла быть уверена, что весь процесс остается под ее полным контролем.

К концу 1980-х комсомольский капитализм переживал расцвет. Суммы в этой сфере вращались громадные. Только 27 московских Центров научно-технического творчества молодежи заключило контрактов на четверть миллиарда советских рублей. То есть по официальному курсу — почти на несколько сот миллионовдолларов. Именно этим бизнесом занимались в 1980-х будущие миллионеры Михаил Ходорковский и Леонид Невзлин, будущие владельцы шоу-империй Борис Зосимов и Сергей Лисовский, а также будущий замруководителя Администрации Президента Владислав Сурков. На Украине именно так ковались первые денежки «оранжевой принцессы» Юлии Тимошенко, а в Прибалтике с комсомола начинали два главных нынешних латвийских олигарха — Каргин и Красовицкий («Рагех-Вапк»). 5

Приехавший черт знает откуда и носивший подозрительные американские брюки Фридман к «комсомольскому бизнесу» допущен, разумеется, не был. До самого начала 1990-х у него была крошечная фирма «Альфа-Фото»: Фридман пробовал торговать оргтехникой, среднеазиатскими коврами и импортным сахаром, за которым тогда стояли очереди. Сказать, что это был серьезный бизнес, не взялся бы никто. Так бы он и остался коммерсантом средней руки, если бы не помощь одного давнего приятеля.

У себя в институте Фридман создал клуб «Земляничная поляна». А в МГУ точно такой же музыкальный клуб открыл Петр Авен. На этой почве двое бывших студентов много общались в начале 1980-х. Спустя десять лет знакомство возобновилось, и именно с этого момента дела Фридмана пошли в гору.

В отличие от провинциала Фридмана, Авен был москвичом, причем из очень хорошей семьи. Он окончил престижную математическую школу. Говорят, за одной партой с ним сидел будущий глава правительства Егор Гайдар.

Дедушка Егора Гайдара в свое время устанавливал Советскую власть на Дальнем Востоке. Дед Петра Авена был латышским стрелком и устанавливал Советскую власть в центральных районах страны. Вряд ли это сыграло какую-то роль, но внуки двух комиссаров друг другу понравились. Приятельские отношения с Гайдаром у Авена возникли еще в школе. Потом они оба поступили в одну и ту же аспирантуру. А потом, уже при Ельцине, оба они стали работать в первом послесоветском правительстве России.

Правительство начала 1990-х было вообще одним из самых выдающихся в смысле будущих мультимиллиардеров. В нем успел отметиться почти весь нынешний список журнала «Forbes». Михаил Ходорковский работал сначала на посту экономического советника российского премьер-министра, а потом заместителем министра топлива и энергетики. Будущий металлургический король Владимир Лисин был заместителем вице-премьера. Ну а Петр Авен сел в кресло министра внешнеэкономических связей. Интересно, что его заместителем тогда был Михаил Фрадков — нынешний премьер-министр России.

Министерская карьера Авена длилась чуть больше года. Под Рождество 1992-го президент

Ельцин подписал его прошение об отставке. Уйдя с государственной службы, первое время Авен пробовал начать совместный бизнес с Борисом Березовским. Папа Петра Олеговича был членом-корреспондентом Академии наук, а Березовский когда-то учился у папы в аспирантуре. Однако что-то у них там не заладилось, и в 1994-м Авен приходит работать в «Альфа-банк» Михаила Фридмана. 6

В СССР банковская система была устроена примитивно. В стране имелся один-единственный Госбанк, плюс еще два специализированных банка (один держал деньги, предназначенные на строительство, а второй занимался валютными расчетами). Никаких других банков в стране не было. Да в общем-то, Советскому Союзу они были и ни к чему.

Однако в конце 1980-х ситуация меняется. Бывшие советские министры в те годы оперативно превращают свои министерства в акционерные общества. И чтобы не отставать от коллег, бывшие государственные банкиры в то же время и по той же схеме превращают свои учреждения в коммерческие банки. Бывшие чиновники один за другим превращаются в банкиров.

Прежде у каждого из трех советских банков-гигантов имелись сотни и тысячи филиалов по всей стране. Теперь руководители региональных отделений объявляют себя самостоятельными структурами. Уже в 1991-м Промстройбанк, Агропромбанк и Жилсоцбанк отделяются от государства и превращаются в акционерные общества. Госбанк был переименован в Центробанк, и каждое его территориальное отделение становится отдельным коммерческим банком.

Одновременно возникают и банки совершенно иного происхождения. В горбачевском «Законе о кооперации» указывалось, что государство разрешает своим гражданам в том числе и открывать собственные банки. Непонятно, что имели в виду авторы закона, но, прочитав его текст, некоторые безумцы решили попробовать.

24 августа 1988 года в стране был зарегистрирован первый частный коммерческий банк. Он был открыт в казахском городе Чимкенте, и о его дальнейшей судьбе история умалчивает. Еще через день второй коммерческий банк был открыт в Ленинграде. Двенадцатым по счету зарегистрированным коммерческим банком стал «Инкомбанк». Двадцать пятым – банк «Менатеп» Михаила Ходорковского. Сто сороковым – «ОНЭКСИМ-банк» Владимира Потанина. К концу года в стране был открыт уже 41 коммерческий банк, а еще через год их число перевалило за полторы тысячи.

Сперва все эти банки выглядели как шутка. Молоденький комсомольский функционер Михаил Ходорковский имел под началом большой Центр творчества молодежи и собирался заплатить своим «творцам» зарплату. Для этого он обратился в советский Жилсоцбанк за кредитом, однако получил отказ. Государственные деньги государственный банк мог перевести только другому банку, но никак не частным лицам. Тогда Ходорковский взял и просто зарегистрировал на свое имя банк «Менатеп», будущую наиболее мощную финансовую империю ельцинской России.

А «Инкомбанк» и вообще был создан руководством Института народного хозяйства им. Плеханова просто как учебное пособие. Никаких денег в «Инкомбанке» тогда не было. Была организация, больше всего напоминавшая студенческий капустник. На примере своего игрушечного банка студенты должны были изучать механизмы новой экономики. Шуткой «Инкомбанк» перестал быть позже, когда вошел в тысячу крупнейших банков планеты. 7

К началу 1990-х Михаил Фридман махнул рукой на торговлю сахаром и создал на базе своей «Альфы» небольшой банк. Открывать банки тогда было модным занятием. Страна понемножку переходила на денежные отношения. Огромное количество организаций переводило туда-сюда огромное количество денег. И тут было никак не обойтись без банков.

Потому что банки – это ведь и есть такие структуры, которые занимаются хранением и перемещением денег.

А больше всего денег, как и прежде, было у государства. Крупные заводы, торговые фирмы, мэрии городов, внешнеторговые организации и даже армия, милиция и школы с больницами – все теперь имели собственные счета, куда переводили заработанные денежки и откуда снимали то, что собирались потратить. И очень важным был вопрос, на счетах каких именно банков все эти денежки станут храниться. Никаких посторонних рук здесь появиться не могло – и не появилось.

В начале 1990-х в России существовало приблизительно две тысячи банков. Часть из них была крупными, большинство – совсем небольшими. И только семьдесят восемь из них были «уполномоченными». Это означало, что государство уполномочило эти банки вести для него (государства) те или иные операции. Например, хранить деньги российского правительства. Или деньги правительства Москвы. Или получать деньги, полученные от продажи нефти за границу. Или вести расчеты на таможне. Причем тридцать из этих семидесяти восьми банков были уполномочены вести сразу несколько таких операций.

Те, кто перестраивал громоздкую и нежизнеспособную Советскую империю, делали это как умели. Многомиллионная армия бывших советских чиновников разделилась на две большие половинки. Часть из них оставила начальственные посты и ушла в бизнес. Вторая часть посты за собой сохранила. В Европе и США власть и бизнес – это две совершенно разные общественные группы. А в России наоборот – две части одной и той же сплоченной команды.

К 1994 году бывшая советская собственность перешла в руки «красных директоров». А основные финансы — на счета уполномоченных банков. Новые банкиры приватизировали финансы так же, как директора сталелитейных гигантов приватизировали свои заводы. Уполномоченные банки очень быстро превратились в огромные и всемогущие финансовые империи. Банки, допущенные в число «уполномоченных», могли смотреть в завтрашний день без тени сомнения. Даже самые незначительные операции с государственными деньгами приносили им бешеные прибыли. При этом никакого криминала в этих операциях не было. Все происходило четко по закону.

Основные игроки на этом поле определились довольно быстро. Наиболее мощными из них стали банк «Менатеп» Михаила Ходорковского и «Мост-банк» Владимира Гусинского. Лишь немного отставали от них «ОНЭКСИМ» Владимира Потанина и «Альфа-банк», который возглавляли Михаил Фридман с Петром Авеном. Дальше, на ближайшие десять лет, вся история России будет определяться борьбой между именно этими игроками.

Владимир Евтушенков

Восьмое место:

Владимир Евтушенков (1949 года рождения).

Около \$8,5 миллиарда, АФК «Система»

1

В 1989 году от рака скончалась жена московского чиновника Юрия Лужкова. Супруги прожили в браке больше тридцати лет, а потом произошло это горе.

С будущей женой Лужков познакомился еще студентом. Они вместе учились в Институте

нефтехимической и газовой промышленности. Девушку звали Марина Башилова. Ее папа работал в Министерстве химической промышленности. Тестю было приятно, что муж дочери продолжит его дело. После свадьбы Лужков переехал жить в большую квартиру новых родственников, расположенную неподалеку от Кремля.

Молодожены начали вместе работать в НИИ пластмасс. Впрочем, очень скоро из института энергичный Лужков ушел на повышение. Уже в двадцать восемь лет он стал завотделом Министерства химической промышленности. А Марина Лужкова так и проработала в НИИ до конца жизни.

Мужу она родила двух сыновей. На работе особенно ничем не выделялась. Так прошло несколько десятилетий. В стране началась Перестройка, Лужков начал политическую карьеру, рухнула берлинская Стена, и именно в этом году врачи диагностировали у Марины рак. Всего через несколько месяцев она умерла. 2

Россия всегда узнавала о том, какая она, из иностранных газет. Это, в общем-то, естественно. Чтобы узнать, что у вас испачкалось лицо, вам придется посмотреться в зеркало. Таким зеркалом для России всегда был Запад.

В 1989 году рухнула Стена, разделявшая Берлин на Восточный и Западный, – и вместе с ней рухнул весь предыдущий мир. То, что еще вчера казалось фантастикой, сегодня запросто показывали по телевизору. Жуткая, ощетинившаяся ракетами Россия раскрыла объятия цивилизованному миру. Во главе «империи зла» встал моложавый и прогрессивный лидер Михаил Горбачев. Этот человек больше не угрожает похоронить США, а, наоборот, сам заводит разговоры о новом мировом порядке.

Хитом того года стала песня Стинга «Русские тоже любят детей». А раз так, раз они действительно любят, то и «холодной войне» конец! То, что было, – прошло. Отныне все будет новым!

Падение Стены стало для европейцев и американцев датой начала нового мира. Для них это событие, может быть, даже более важно, чем падение зданий Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года. Под впечатлением от происходившего тогда американский социолог Френсис Фукуяма даже написал книгу с говорящим названием «Конец истории». И общий восторг оказался настолько заразительным, что русские тоже заговорили: ну, наверное, да... наверное, при Горбачеве предыдущий мир действительно кончился, а на свет родился совсем новый.

В конце 1980-х внешняя политика нашей страны действительно развернулась на сто восемьдесят градусов. Однако фокус в том, что политика внутренняя от этого почти не изменилась. Россия перестала быть для Запада «империей зла», но сама страна при этом вовсе не стала иной.

Думать, будто современная Россия родилась в результате Перестройки, было бы не совсем правильно. Да, после Перестройки в России появилось много таких штук, о которых прежде никто и не слыхивал. Например, собственный президент или русская двадцатка журнала «Forbes». Да, страна в те годы изменилась настолько, что ее уже не узнать. Но какие-то фундаментальные вещи при этом остались нетронутыми. В России вообще очень редко что-то меняется всерьез.

Люди, которые в 1980-х затевали реформы, вовсе не собирались отменять советский строй. Зачем ломать то, что работает? Речь шла только о том, чтобы провести апгрейд: устранить некоторые недостатки и обновить систему. Убрать то, что мешает нормально жить дальше. А мешала прежде всего допотопная, давным-давно никому не интересная коммунистическая идеология. Мешала куча совершенно непонятных ограничений, вроде запрета быть богатым или носить американские джинсы. Мешал железный занавес: люди хотели ездить за границу

и спокойно продавать туда сырье. Вот это изменить следовало. А убирать сам советский строй – какой в этом был смысл?

Тем более что быстро построить в России какой-то другой строй было бы и нереально. Для этого не было ни подходящих людей, ни четкого плана. Со времен Ивана Грозного в России выстраивалась модель, которая подходила ей больше всего. Больше всего эта система напоминала армию: послушное рядовое население, офицеры-чиновники и один-единственный лидер на самом верху. Каждый четко знает свое место. Каждый четко выполняет полученные приказы. Этой машине были по плечу задачи любой сложности: хоть сибирские реки перенаправить в Среднюю Азию, хоть государственную собственность приватизировать. Вот если бы из советской системы убрать некоторые минусы (мечтали те, кто затеял Перестройку), она была бы и вообще безупречна. 3

Худо-бедно, но во времена Горбачева и Ельцина реформировать советскую систему все-таки удалось. Правда, по ходу реформирования с карты исчезла сама страна, в которой эти реформы происходили. Гигантский Советский Союз распался, и на его месте появилось пятнадцать совершенно новых государств.

Официально СССР прекратил существование 8 декабря 1991 года. В этот день в белорусском заповеднике Беловежская Пуща президенты России, Украины и Белоруссии подписали «Заявление» о том, что прежнего Советского Союза больше нет и отныне отношения между республиками станут строиться на совершенно иных основаниях. На каких именно – покажет время. Однако на самом деле СССР прекратил существование задолго до подписания беловежского заявления.

Французская колониальная империя развалилась в 1960-х. Британская перестала существовать еще раньше. Наша страна все это время умудрялась не только держать под контролем гигантские территории и десятки разбегающихся народов, но даже и присоединять иногда какую-нибудь новую землицу. Однако к середине 1980-х центральная власть в Москве ненадолго отвлеклась на иные проблемы. И (почувствовав ослабление железной хватки) окраины тут же заговорили о суверенитете.

Первой в мае 1986 года восстала Якутия. Три дня подряд якуты били русских, разогнали выдвинутые против них части милиции и (неслыханное дело!) даже попытались взять штурмом здание обкома партии. К зиме того же года волнения охватили Казахстан. В столице республики все стены были расписаны лозунгами «Казахстан для казахов!». А когда милиция попробовала блокировать беспорядки, то двое сотрудников были растерзаны, а остальных пинками прогнали через все центральные улицы столицы. Еще через год в Прибалтике и на Кавказе появились Народные фронты: организации, прямо заявляющие, что их цель – выйти из СССР. И как можно скорее!

Усмирять взбунтовавшиеся окраины – для любой великой державы это занятие привычное. И в царской России, и в СССР подобные смуты каждый раз душились быстро и надежно. Разумеется, московским властям ничего не стоило отправить во все перечисленные республики десантников и танки – и попробовали бы после этого там заикнуться о независимости! Да только к концу 1980-х решать проблему вот так просто уже не получалось.

Высшие советские бюрократы давно распределили между собой основную государственную собственность, использовали ее в собственных интересах, передавали по наследству и боролись с враждебными чиновничьими кланами. Прежде в стране был только один центр. Теперь огромная армия советских чиновников разбилась на несколько больших команд. Одна (самая значительная) сидела в Москве, но теперь ей противостояло еще пятнадцать точно таких же команд, только местных. В каждой республике команда была своя. И все эти люди больше не хотели играть по устаревшим правилам.

Команды с окраин не хотели, чтобы кто-то вмешивался в их жизнь. Им надоело, что из Москвы может приехать бригада прокуроров и поломать весь тонко настроенный местный бизнес. И вот это была уже серьезная проблема. Танками разогнать собравшихся на площади горлопанов было бы несложно. Но что московские чиновники должны были делать с точно такими же чиновниками, как они сами, если теперь те просто отказывались выполнять приказы?

Первой о государственной независимости объявила Грузия. 9 марта 1990 года там был принят Акт о суверенитете. Через два дня о независимости от Москвы объявила Литва. Еще через три недели – Эстония, а потом и Латвия. Однако и это еще было бы ничего, да только сразу после них Декларацию о государственном суверенитете приняла Россия. 12 июня президент России Борис Ельцин объявил независимой от СССР не какую-нибудь там окраину, а самый что ни на есть центр – саму Российскую Федерацию.

В Москве в тот момент жило сразу два президента: советский президент Горбачев и российский президент Ельцин. Местные команды возникли не только на Кавказе или в Прибалтике. Больше всего чиновников было в самой России, и уж эти чиновники были повлиятельнее и посообразительнее окраинных коллег. Разумеется, у этих людей тоже были свои интересы, которым горбачевское Политбюро со своими непонятными коммунистическими установками только мешало. Борис Ельцин и его команда ставили вопрос ребром: не пора ли пересмотреть правила игры?

К весне 1991 года центральная власть контролировала от силы девять из пятнадцати советских республик. Горбачев и его люди все еще не считали ситуацию совсем уж катастрофической. Им все еще казалось, что десантный полк запросто решит все эти недоразумения. Сперва войска были введены в Тбилиси. Солдаты атаковали безоружную толпу и саперными лопатками зарубили 19 человек, в основном женщин. После этого о том, чтобы грузины остались в составе СССР, не могло быть и речи.

Еще топорнее решался вопрос с Прибалтикой. Зимой 1991-го литовские коммунисты обратились к Горбачеву с просьбой вмешаться и наконец навести в республике порядок. Президент СССР не мог не удовлетворить просьбу простого народа. В Литву двинулись подразделения Советской армии и КГБ. По пути четырнадцать человек было убито. Генералы отрапортовали: конституционный порядок восстановлен.

Это был тот же самый сценарий, по которому в 1920-х к России присоединяли Украину, в 1940-х – Прибалтику, а еще позже Венгрию и Чехословакию. Народ обращается к мудрому и справедливому вождю, и тот взмахом руки дарует подданным стабильность и процветание. Мир давно изменился, а руководство СССР все еще жило представлениями времен Второй мировой. Горбачеву все еще казалось, будто на этот раз все обойдется так же, как в 1920-х и 1940-х. Однако ничего, кроме конфуза, из вильнюсской операции не вышло.

Применение силы вызывало не страх, а возмущение. Когда кровь полилась в Тбилиси и Вильнюсе, протестовать против этого вышли москвичи и ленинградцы. Российский президент Борис Ельцин публично поддержал свободолюбивых литовцев. После этого газеты начали в открытую называть советского президента Горбачева фашистом. Короче, военную операцию пришлось свернуть. Независимость Литвы стала фактом.

Постепенно Горбачев понимал: корень проблемы не в Литве и не в Грузии. Корень проблем в самой Москве. До тех пор, пока в столице существует несколько борющихся между собой команд, о наведении порядка в остальной стране нечего и мечтать. И ровно через восемь месяцев после Вильнюса тот же самый сценарий он решил повторить в Москве. 4

Чтобы убедиться, что никакого Советского Союза давно не существует, в 1991 году было достаточно выглянуть в окно. Республики расползались, местные чиновничьи команды и в

грош не ставили распоряжения москвичей.

В марте был проведен референдум. Горбачев задал населению прямой вопрос: что будем делать с СССР? Больше половины населения Москвы, Петербурга и Екатеринбурга ответили, что жить в Союзе больше не желают. Прибалтика, Грузия и Молдавия участвовать в референдуме просто отказались. «За Союз» высказались только послушные жители Средней Азии и русской глубинки.

Впрочем, результаты референдума – это было уже кое-что. Горбачев предпринимает последнюю попытку удержаться у власти. На 20 августа было назначено подписание так называемого «Союзного договора». Было ясно, что часть республик из-под власти Москвы все-таки уйдет. Поделать тут ничего нельзя. Зато с оставшимися можно попробовать договориться. Пусть в таком усеченном виде, но СССР был бы сохранен.

На 20 августа 1991 года намечалась встреча президентов республик и ряд торжественных мероприятий. Но за несколько недель до этого план поменялся. Может быть, все-таки удастся сохранить не часть, а все целиком? – мучился Горбачев. Может быть, пара десантных дивизий все-таки смогут сыграть свою роль? В прежние времена этот аргумент срабатывал, может, сработает и сейчас, а?

Утром 19 августа по всем каналам телевидения был показан балет Чайковского «Лебединое озеро», а к полудню население узнало, что в стране вводится чрезвычайное положение. Сильный центр снова попытался задавить взбунтовавшуюся республику. Только на этот раз мятежной была не Грузия и не Литва, а Российская Федерация во главе с Борисом Ельциным.

Сам Горбачев ввязываться во все это не собирался и на время уехал в Крым. Власть в его отсутствие перешла к Комитету по чрезвычайному положению. Члены комитета показались в телевизоре и сообщили, что порядок в стране восстановлен. Теперь местные чиновники снова станут исполнять московские приказы, и вообще все будет как раньше.

Равнодушное население приняло эту новость как должное. Спорить никто даже не подумал. Все было как и прежде – как и всегда. Первые несколько часов никто не сомневался, что вся эта лавочка с суверенитетами действительно вот сейчас прикроется. Руководство ГКЧП отдавало приказы, и никому даже в голову не приходило, будто эти приказы можно не выполнять.

С тем, что спорить глупо, сперва согласился даже президент Российской Федерации Борис Ельцин. Однако уже к обеду стало ясно: все это не наведение порядка, а какой-то цирк. По телевизору показывали членов комитета – у них тряслись руки. Двигаясь к центру Москвы, танки останавливались на красный свет и пропускали пешеходов. Не демонстрация силы, а черт знает что.

Армия и чиновники были готовы подчиняться приказам, только никто не понимал чьим. И тогда Ельцин взял инициативу в свои руки. «Моим!» – объявил он. Подъехав на работу, он вскарабкался на танк и объявил, что настоящая власть – это не те, кого показывают по телевизору, а он! Приказы, как и раньше, будут отдаваться и исполняться. Только теперь это будут ЕГО приказы.

На окраинах развалившейся империи власть давно уже принадлежала местным бюрократическим кланам. Теперь власть сменилась и в самом центре. В Москве (так же как в Тбилиси, Алма-Ате и Вильнюсе) победили чиновники нового поколения. Жить по старым правилам и играть во все эти коммунистические игры они не собирались. Новое время требовало новых правил. 5

Все, что происходило 19-21 августа, газеты сразу же стали называть «антиконституционный

путч». А переход власти к Ельцину был назван «рождением новой России». Население восприняло это так же равнодушно, как до этого воспринимало заявления самого ГКЧП. Горбачев был отправлен на пенсию, а победители стали обустраивать жизнь в стране.

Оказалось, что это не так-то просто. Победителей было так много, и все они были так не похожи друг на друга, что очень скоро первоначальная команда Ельцина раскололась. Чиновники, вместе одолевшие Горбачева, теперь принялись враждовать друг с другом.

Осенью 1992 года депутаты Верховного Совета вызвали к себе на заседание Юрия Лужкова. Этот человек был еще очень мало кому известен. Московским мэром он стал почти случайно: предыдущий мэр Гавриил Попов летом ушел в отставку, и Лужков, перескочив через ступенечку, сел в его кресло. Однако просидел недолго: теперь в отставку собирались отправить уже самого Лужкова. Депутаты собирались снять его с должности и сослать послом в Канаду. Собственно, для этого Лужков и был приглашен на заседание.

Одет он был в дорогой костюм и галстук-бабочку. На трибуну поднялся совсем без волнения. Говорил уверенно и по делу. А когда речь зашла об отставке, просто рассмеялся оппонентам в лицо: «Руки коротки! Меня выбирали москвичи. Только они и в силах меня снять».

Снимать москвичи его не стали. Наоборот! Всего через четыре года популярность Лужкова в столице била все рекорды. Следующие пятнадцать лет Лужков стабильно входил в тройку самых популярных политиков страны, а к 1999-му даже занял в этом рейтинге высшую строчку.

Прежде чем стать мэром, Лужков почти тридцать лет проработал в химической промышленности. Даже зарегистрировал несколько небольших изобретений. Может быть, со временем он даже стал бы химическим министром СССР, но тут началась Перестройка, и Лужков ушел в городскую политику. Борис Ельцин замечает талантливого администратора, и вскоре Лужков становится первым заместителем председателя Мосгорисполкома.

Должность была высокая и хлопотная. Чем только не приходилось заниматься Юрию Михайловичу! Например, раз в месяц он должен был участвовать в заседаниях Комитета по работе с московскими кооператорами.

Больше всего эти заседания напоминали спектакль очень авангардного театра. Они проходили в огромном актовом зале. На сцене стоял большой стол, а в зал набивалось несколько сотен коммерсантов. Члены комиссии торжественно поднимались на сцену и рассаживались за столом. Но главное действие происходило не на сцене, а, наоборот, в зале: там ругались, качали права, спорили и заискивающе улыбались первые московские бизнесмены. Представление начиналось в девять утра, а заканчивалось к полуночи.

Вникать во все тонкости зампредседателю исполкома было, конечно, не по рангу. Помимо самого Лужкова в комиссию входило еще три сотрудника, они-то и занимались текущими вопросами. Вернее, это были не сотрудники, а девушки-сотрудницы. Одну из них звали Елена Батурина.

Елена Батурина родилась 8 марта, в Международный женский день. Ее родители были обычными рабочими, и после школы Лена тоже полтора года отработала фрезеровщицей. Помимо нее в семье росли еще брат и старшая сестра. Муж этой сестры, Владимир Евтушенков, тогда работал у Лужкова в Мосгорисполкоме. Он-то и познакомил родственницу с начальником.

И Лужков, и Батурина в интервью много раз утверждали, что служебного романа между ними не было. В кооперативном комитете они просто вместе работали, а роман начался позже, уже после того, как Лужков овдовел. Свадьбу сыграли в 1991-м. Разница в возрасте между супругами составляла 31 год. Впрочем, какое это имеет значение? Через год после свадьбы у

Лужковых родилась дочка, а еще через два – вторая. Молодожен не мог нарадоваться своему счастью. Тем более что и его политическая карьера приблизительно в это же время круто пошла в гору. 6

Москва — самый крупный город Европы. Сколько точно народу здесь живет, не знает никто: оценки колеблются от 12 до 14 миллионов человек. То есть население Москвы приблизительно в два раза больше населения Лондона и в шесть раз больше населения Рима. Огромный, ультрасовременный, динамичный, постоянно меняющийся — аналитики любят сравнивать Москву не со старыми европейскими столицами, а с азиатскими драконами, типа Шанхая или Куала-Лумпура.

Кроме того, Москва – самый интернациональный город России. Азербайджанцев в Москве живет больше, чем в Баку, узбеков – больше, чем в Бухаре, а одних только украинских проституток здесь столько же, сколько народу живет во всем Чернигове. Огромное население, собственные законы, отдельное правительство: можно сказать, что Москва это не город, а довольно большое независимое государство.

Налоги, собранные в Москве, дают до 80 процентов госбюджета. А бюджет самой Москвы равен почти половине бюджета всей России. В Москве живет сто тысяч человек, чье личное состояние превышает миллион долларов. Но главное, именно здесь живут полмиллиона федеральных чиновников – людей, определяющих, каким курсом дальше будет идти страна. В других странах столицы тоже играют важную роль. Но такой концентрации власти и влияния, как в Москве, нет нигде в мире.

В конце 1980-х единая армия советских чиновников разделилась на пятнадцать конкурирующих команд – по числу советских республик. Республикам разрешили уйти, но после этого новые команды стали возникать уже внутри самой России. Сразу после августа 1991-го о независимости от Москвы объявила Чечня. Чуть позже отгородились Татарстан и Башкирия. Собственную политику начали проводить Урал, Поволжье и Дальний Восток. Россия разваливалась так же, как только что развалился СССР. Главы регионов больше не желали делиться с Центром деньгами и властью. Они желали приватизировать свои регионы так же, как директора крупных заводов приватизировали в те годы свои предприятия.

В 1992-м приватизация в стране началась официально. Управлял этим процессом федеральный чиновник Анатолий Чубайс. Его распоряжения исполнялись от Камчатки до Кубани. И только московская команда заявила сразу: Чубайс нам не указ. Как именно жить у себя в городе, мы уж как-нибудь разберемся без него.

Еще в июле 1991 года Мосгорисполком (председателем которого тогда был Юрий Лужков) принял «Решение о собственности города Москвы». Все, что только смогли вспомнить, было объявлено не федеральной, а столичной собственностью: здания, земля, имущество заводов и предприятий, водопровод и канализация, электричество и газ, весь транспорт, все деньги на всех счетах всех банков, памятники природы и истории, рестораны, школы, экспонаты музеев, информационные базы и вообще все-все-все. Московские власти отгородились от всей остальной страны и объявили, что свое добро никому не отдадут. Для приезжих была введена обязательная регистрация, что-то вроде визы. За нарушение этого положения Лужков даже предлагал ввести уголовное наказание. Приехал в Москву, задержался дольше, чем разрешено, – и сел в тюрьму. 7

Надо признать, что московская команда свое дело знала. От приватизации московской собственности ею было получено приблизительно в десять раз больше денег, чем Чубайс получил от приватизации собственности по всей стране. Этими деньгами нужно было как-то распоряжаться. И тут московским властям было не обойтись без помощи новорожденного русского бизнеса. Тем более что непроходимой пропасти между властью и бизнесом тогда еще не существовало.

Выбор мэрии пал на «Мост-банк» принадлежащий бывшему театральному режиссеру Владимиру Гусинскому. Первое время похвастаться выдающимися достижениями «Мост» не мог. В 1993-м банк Гусинского не входил даже в сотню крупнейших банков страны. Однако уже через год дела пошли: счета в «Мосте» открыли Департамент финансов правительства Москвы, столичная милиция и ГАИ, а также еще несколько московских управлений. Офис банка теперь располагался прямо в зданиях мэрии на Новом Арбате, а сам Гусинский стал председателем Совета представителей уполномоченных банков при мэре Москвы.

Жаль, но такая замечательная жизнь длилась недолго. Успехи Гусинского очень раздражали другого крупного финансиста — Бориса Березовского. Если Гусинский делал ставку на сотрудничество с московской командой, то о Березовском газеты писали, что он близок к команде президента Ельцина.

В ноябре 1994-го между банкирами началась война. Действия велись в несколько этапов и закончились полной победой Березовского.

Сперва «Российская газета» опубликовала материал, в котором мэра Лужкова обвиняли в планах по захвату президентского кресла. Финансистом переворота в статье называли Гусинского. Березовский проследил, чтобы статья обязательно попалась на глаза президенту, ну а дальше все уже покатилось само.

Ельцин вызвал начальника своей охраны генерала Коржакова и распорядился привести зарвавшегося финансиста в чувство. Еще через день, 2 декабря, Гусинский выехал с дачи и направился в центр Москвы. Его кортеж состоял из «мерседеса», джипа и «форда», в которых ехала его охрана. На въезде в город телохранители заметили, что за их кортежем следует «хвост». Последовала погоня на высокой скорости. Машины президентской Службы безопасности пытались вклиниться между автомобилем Гусинского и его телохранителями. С грехом пополам кортеж добрался до здания группы «Мост».

Гусинский вбежал внутрь, а его телохранители остались держать оборону. Люди Коржакова окружили здание и перекрыли выходы. Водители и охранники Гусинского закрылись в машинах. После многочисленных угроз их вытащили из машин и велели лечь на землю. Телекамеры засняли эпизод, как один из нападающих с размаху бьет в пах лежащего на земле охранника.

Сам Коржаков позднее вспоминал:

Водитель бронированного «мерседеса» Гусинского закрылся в машине. На предложение выйти ответил категорическим отказом. Тогда ему положили на крышу гранату. Он выскочил как ошпаренный! Хотя граната была безопасной – в нее даже не вставили запал.

Из своего кабинета Гусинский начал звонить в московский РУБОП. Вскоре приехали крепкие парни, они бросились на нападающих, но те показали им удостоверения, и рубоповцам пришлось долго извиняться. В отчаянии Гусинский позвонил своему другу Евгению Савостьянову, начальнику столичного управления ФСБ. Вскоре приехали еще более крепкие спецслужбисты. Эти разговаривать не стали: сразу открыли стрельбу, продырявили шины автомобилей и надавали рукояткой пистолета по голове одному из людей в маске. Но, увидев удостоверения, тоже предпочли не связываться. Гусинский с ужасом наблюдал, как они садятся в машины и уезжают.

Кончилось все только через несколько часов. Совсем ночью люди Коржакова сняли наконец осаду и уехали. Пленных сотрудников «Моста» они увезли с собой. Трое из них позже попали в больницу. Сразу после этого эпизода Гусинский бежал из страны и пять месяцев прожил в Лондоне.

Некоторое время после этого инцидента Лужков еще пытался отстоять свое право самому

выбирать себе друзей. Однако становилось ясно, что дело того не стоит. Деньги московской мэрии были переведены из «Моста» на счета других банков. 8

А вскоре после этого начала восходить звезда Владимира Евтушенкова. Попробовав строить отношения с банкирами, власть убедилась: дело это ненадежное. Городским имуществом должны управлять люди, которым город доверяет.

После того, как мэр женился на сестре его жены, служебное положение Евтушенкова практически не изменилось. Как и раньше, он работал в Московском городском управлении по науке и технологиям. И только в 1994-м возглавил новую структуру: акционерную финансовую компанию «Система». Это было общее дитя сразу нескольких подразделений правительства Москвы.

К 1996-му АФК «Система» превратилась в гигантскую многоотраслевую финансово-промышленную корпорацию. Туда входили научно-исследовательские институты, туристические фирмы, коммерческие банки, универмаг «Детский мир» и еще двести наименований фирм. То, что не удалось банкиру Гусинскому, с блеском осуществил бывший чиновник Мосгорисполкома Евтушенков. Сегодня его состояние оценивается приблизительно в восемь с половиной миллиардов долларов, и это при том, что он единственный из русских мультимиллиардеров, кто не занимается торговлей сырьем. Сам Евтушенков любит повторять, что секрет такого успеха не родственные отношения с мэром, а удачно подобранная команда.

К концу 1990-х на «Систему» работало 70000 человек. Как и в московском правительстве, здесь занято огромное количество бывших партийных и комсомольских функционеров. Служба безопасности укомплектована бывшими офицерами советских спецслужб. В одном из аналитических отделов в 1990-х работал даже самый последний председатель советского КГБ Крючков. А его бывший первый заместитель, генерал Филипп Бобков, руководил теперь службой безопасности «Мост-банка». Вице-президентом «Системы» стал Вагиф Гуссейнов, который раньше работал председателем КГБ Азербайджана. Стоит ли удивляться таким зигзагам в их карьере? Страны, безопасность которой они всю жизнь охраняли, больше нет. А уходить на пенсию им еще рано. И что прикажете делать?

В советские времена в стране была всего одна команда чиновников, спаянная жесткой дисциплиной и подчиненная единому центру. А к началу 1990-х таких команд в стране появилось множество. Часто враждующих между собой, но всегда объединенных общим прошлым. Потому что любые чиновники, любые бизнесмены и вообще все, кто хоть что-то представляет собой в современной России, – это непременно бывшие члены советской Коммунистической партии.

Большую часть XX века в России существовала всего одна партия: Коммунистическая партия Советского Союза. Эта организация давно не была политической партией — Коммунистическая партия и была самим государством. К 1990 году ее численность составляла двадцать миллионов человек. То есть почти восемь процентов населения. Членами КПСС были все до единого руководители государства. И все до единого директора заводов и председатели колхозов. Популярные артисты, космонавты, военные, телеведущие и даже некоторые представители духовенства — все, кто сегодня называется «элитой государства», были обязаны состоять членами этого закрытого клуба.

КПСС была распущена больше пятнадцати лет назад. Бывшие коммунисты выкинули партбилеты, но сами никуда не делись. Даже через десять лет после распада СССР власть в бывших советских республиках по-прежнему принадлежала членам последнего советского Политбюро. В Закавказье президентами были бывшие члены ЦК Шеварднадзе и Алиев. В Молдавии – секретарь ЦК Лучинский. В Средней Азии – член Политбюро Назарбаев, первый секретарь Компартии Ниязов, член ЦК Керимов. В России – бывший председатель

Московского горкома Борис Ельцин. Решительно оттерты от власти бывшие члены КПСС были только в Прибалтике. В остальных республиках у власти остались те же самые люди.

После падения Третьего рейха бывшим нацистам было запрещено работать в государственных структурах. Германия долго и тяжело выздоравливала от прошлого, но все-таки выздоровела. В России пытались провести что-то похожее. В 1992-м Конституционный суд даже рассматривал «Дело КПСС» и решал: признать Компартию преступной организацией или не признавать? Но проблема России состояла в том, что взять новых управленцев, не запятнанных сотрудничеством с прежним государством, было просто негде. И коммунисты остались работать на тех же самых местах.

Бывшие члены ЦК возглавили республики. Чиновники рангом поменьше и кресла заняли поскромнее. Например, они могли поработать в аппарате московского правительства. Почти все его нынешние руководители – это бывшие секретари московских райкомов и председатели райсоветов.

Валерий Шанцев, долгое время работавший вице-мэром, до 1991 года был секретарем Московского горкома КПСС. Борис Никольский, который в отсутствие Лужкова вел заседания московского правительства, также был секретарем горкома (отвечал за строительство). Московский вице-премьер Иосиф Орджоникидзе — бывший секретарь ЦК комсомола. Префект Западного административного округа Брячихин — бывший первый секретарь Севастопольского райкома КПСС. Ну и так далее.

Люди, которые в 1980-х затевали Перестройку, вовсе не собирались отменять советский строй. Зачем отменять то, что работает? Речь шла только о том, чтобы провести апгрейд: устранить некоторые недостатки и обновить систему. Убрать то, что мешает нормально жить дальше. И вот этот план осуществился. СССР развалился и стал историей. А в руководстве уже новых государств те же самые люди продолжали делать то же самое дело. Территория страны съежилась, но система и люди остались теми же самыми.

Послушное население. Огромная армия чиновников. И один-единственный лидер на самом верху. Каждый четко знает свое место. Каждый четко выполняет полученные приказы. В свое время так управлялась Российская империя. Так же выглядел русский коммунизм. Стоит ли удивляться, что точно таким же получился и отечественный капитализм?

Михаил Прохоров

Седьмое место:

Михаил Прохоров (1965 года рождения).

Около \$15 миллиардов, до 2007 года – концерн «Норильский никель»

1

Год русского мультимиллиардера расписан по месяцам. Где будут проводиться пасхальные каникулы, летний отпуск, осенний шопинг и куда семья поедет встречать Новый год – каждый раз это известно заранее.

Исключения, конечно, бывают. Банкиры из «Альфы» могут отправиться в экстрим-тур на джипах по джунглям Амазонии. Металлургический магнат Лисин предпочитает спортивную стрельбу в русской средней полосе. Кто-то вместе со знакомыми депутатами Госдумы решает прокатиться на вертолетах по Антарктиде. Кто-то чувствует, что устал, и прямо посреди года

уезжает понырять с аквалангом. Оригиналы могут заказать для прогулки дирижабль, причем чтобы во время полета им пела Дженнифер Лопес. Но в целом такие исключения – большая редкость. Свой календарь богатые русские менять не любят.

Июль-август — это всегда французский Лазурный берег: яхты, Каннский кинофестиваль, Монако, Ницца, Сен-Тропе, вечеринки под пальмами... Богачи, как мальчишки, гоняют по набережным на супердорогих авто. Жены мультимиллиардеров стоят в очереди за хорошим трикотажем для своих собачек. Есть и любители развлечься по-настоящему. В 2006-м одного из состоятельных русских туристов доставили в полицию за то, что он испражнялся в искусственную реку, протекавшую посреди ночного клуба.

К сентябрю все перемещаются на остров Сардиния. «Русскими» здесь считаются дорогущий курорт Таормина и пляжи на островке Искья. Стоимость стандартного номера в местных отелях «Cala di Volpe» или «Romazino» никогда не опускается ниже 1000 евро. Однако в отелях богатые сидят редко – предпочитают ходить в гости друг к другу. Считается, что самые развеселые вечеринки проходят у водочного магната Рустама Тарико на его яхте «Terrible». Пару лет назад Тарико взял да и на один день увез тысячу своих гостей в Нью-Йорк. Там, у подножия статуи Свободы, он устроил дегустацию своей новой водки с белужьей икрой, перепелиными яйцами, осетром и молочным поросенком.

В конце лета на Сардинии проводится «Бал цветов» (день рождения одного объявленного в федеральный розыск бизнесмена), и после этого тусовка возвращается в Москву. Перед началом горнолыжного сезона всем необходимо передохнуть.

Начало декабря стоит проводить в Дубае. В тамошнем семизвездочном отеле «Burj-al-Arab» (самом высоком в мире) русские мультимиллиардеры бронируют двести VIP-номеров из двухсот пяти. Стоимость такого номера на десять ночей превышает сорок тысяч долларов, но дело того стоит. Внутри гостиницы сплошь красное дерево, натуральная кожа и очень много золота. У каждого гостя — собственный дворецкий. В ресторане за ужином поет группа «ВИА Гра».

Размявшись в Дубае, богатые решают, что пора наконец вставать на лыжи. Этот вид спорта – национальное развлечение богатых русских. А рождественские каникулы в Альпах – главное событие всего года. Ну, а французский горнолыжный курорт Куршевель – главное место сбора всех, кто метит в русскую сотню журнала «Forbes».

Каждую осень начинаются разговоры, что уж в этом-то году в Куршевель никто точно ни ногой! Потому что сколько можно! Нет, ну какой, на фиг, Куршевель, а? В этом году все будет наконец совсем иначе! В 2006-м кое-кто даже попробовал действительно все поменять. Некоторые отправились не во французские, а в австрийские Альпы. Кто-то предпочел швейцарский Сент-Мориц. Идея состояла в том, что трасса в Сент-Морице – одна из лучших, а осточертевших москвичей почти нет. И вообще, местные бабушки там наряжают мопсов в норковые жилетки со стразами, а в киоске возле лыжной трассы торгуют шампанским самое меньшее по \$400 за бутылку.

Однако уже к концу декабря стало понятно, что Австрия и Швейцария — это не совсем то. Через недельку богатые горнолыжники решили, что в Куршевель заскочить все-таки стоит. Хотя бы на денек, просто повидать знакомых. И в результате к новому, 2007 году все опять были в Куршевеле. 2

Кажется, будто этот прекрасный распорядок жизни возник совсем недавно. Большую часть XX века русские задыхались под властью серого и скучного коммунистического строя и по-настоящему повеселиться смогли, только сломав этот строй к чертовой матери. Но на самом деле люди, приезжающие сегодня в Куршевель и на Сардинию, если и страдали от коммунистического пресса, то не очень сильно. Их личный капитализм начался задолго до

того, как развалился СССР.

Курорт Куршевель был открыт финансистом Владимиром Потаниным. Именно он первым обратил внимание на этот милый городок, а уже вслед за Потаниным сюда потянулись и остальные мультимиллиардеры. К горным лыжам и вообще здоровому образу жизни Владимир Олегович привык с детства. Его отец в советские времена был торговым представителем в теплой и беззаботной Новой Зеландии. В школу будущий банкир пошел в Турции. Это была особая школа для детей дипломатов.

В те годы лучше советских чиновников жили только дети советских чиновников. У бюрократов было очень много привилегий, и самой приятной была привилегия устроить детям безоблачное будущее. Сыновья и дочери номенклатуры ходили в особые школы, потом учились в особых вузах, а получив образование, уезжали из СССР работать за границу. Дипломатами, торговыми представителями, журналистами – кому что нравилось. Главное, что эта «золотая молодежь» пользовалась всеми плюсами советского строя, никогда не соприкасаясь с его минусами.

Самым особым из всех вузов страны был Московский институт международных отношений. Дипломатов готовили именно здесь, и с улицы в этот вуз можно было даже не соваться. Лишь чуть-чуть уступал ему в престижности Финансовый институт. В 1983-м на факультет международных экономических отношений сюда поступило сразу несколько замечательных молодых людей: будущий первый заместитель председателя Банка России (убит в сентябре 2006 года), будущий вице-президент нефтяной компании «СИДАНКО» Дмитрий Маслов, будущий глава агропромышленной компании «Агрос» Дмитрий Ушаков и несколько будущих топ-менеджеров холдинга «Интеррос» – Олег Касьянов, Дмитрий Антонов и Владимир Шматович. Все они были молоды, энергичны, талантливы. И все они были детьми хороших родителей. А еще в этой группе учились Михаил Прохоров и Александр Хлопонин.

Хлопонин был сыном советских торговых представителей. В паспорте в графе «Место рождения» у него значится «Город Коломбо. Республика Цейлон». Сам Хлопонин позже вспоминал, что с Прохоровым он познакомился на экзамене по географии, когда довольно громко сказал соседу по парте: «Слышь, длинный! Дай списать!»

Прохоров в ответ недовольно скривился. Росту в нем действительно было больше двух метров. Но это вовсе не значило, будто незнакомые люди имеют право называть его «длинным». Списать он не дал. Впрочем, вскоре молодые люди все равно подружились. Вместе ездили в стройотряд. Вместе пробовали делать бизнес. И даже одновременно начали ухаживать за одной и той же девушкой – красавицей грузинкой Натальей Купарадзе.

Наталья училась на том же факультете, но в другой группе. Сперва вроде бы больше шансов было у Прохорова (высокий, видный, остроумный), но замуж в итоге девушка вышла все-таки за Хлопонина. Ростом Александр был ниже, зато ухаживать умел по-настоящему. Как-то (уже после свадьбы) он принес жене вполне официальный сертификат, удостоверяющий, что в созвездии Рыбы ее именем названа звезда. Довольно крупная. Слегка зеленоватая. Ну, кто против такого устоит? 3

История с девушкой поссорить приятелей не смогла. У супругов Хлопониных вскоре после окончания института родилась дочь. А высокий и веселый Прохоров окончательно убедился, что семейная жизнь – не для него. Бизнес приятели продолжали делать все равно вместе.

Получив диплом, Прохоров устроился на работу в Международный банк экономического сотрудничества. Этот банк специализировался на работе с европейскими коммунистическими странами. Непосредственным начальником Прохорова был старший экономист Владимир Потанин.

Потанин был немного старше Прохорова и свой институт закончил уже несколько лет назад. У

него группа тоже была ничего: вместе с Потаниным учились Андрей Брежнев (внук генсека) и Алексей Митрофанов (нынешний заместитель Жириновского). К концу 1980-х у Потанина уже имелся некоторый опыт, и он прекрасно видел, что происходит вокруг. Бывшие советские министры в те годы оперативно превращают свои министерства в акционерные общества, а бывшие государственные банкиры по той же схеме превращают свои учреждения в коммерческие банки.

Потанин и Прохоров решили, что отставать от коллег было бы неразумно. К тому времени Потанин вместе с сослуживцами из министерства уже основал международную торговую компанию «Интеррос». Теперь он решил расширить бизнес и открыть собственный банк. На руинах двух главных внешнеторговых банков СССР он вместе с Прохоровым создает новые структуры: «ОНЭКСИМ-банк» и МФК. Руководить первым Потанин стал лично. Во главе второго встали институтские приятели Прохоров и Хлопонин. Клиенты (приблизительно сорок крупнейших российских экспортеров) достались банкам от советских предков. Ну и всего через несколько лет «ОНЭКСИМ» с МФК занимали третье и четвертое места в рейтинге крупнейших русских финансовых империй. 4

В начале 1990-х в России существовало приблизительно две тысячи коммерческих банков. Часть из них была крупными, большинство – совсем небольшими. А четыре-пять постепенно превратились в громадныефинансовые империи. Наиболее мощными из них стали банк «Менатеп» Михаила Ходорковского, «Мост-банк» Владимира Гусинского, «ОНЭКСИМ» Владимира Потанина и «Альфа-банк», который возглавлял Михаил Фридман.

Чтобы денежки росли, их нужно было во что-то вкладывать. Денежки, которые лежат без движения, очень быстро превращаются в ноль. Хорошо тем, кто вложился в беспроигрышные сектора, типа московской недвижимости, – а что было делать остальным? Приблизительно с 1994—1995 годов банкиры начинают пристально вглядываться в российские регионы. Вернее, не вообще в регионы, а конкретно в Западную Сибирь.

Урал, Сибирь и Дальний Восток составляют три четверти территории России. Именно там сосредоточены все природные ресурсы, за счет которых сегодня живет страна. Однако в газетах об этих местах пишут редко, да и народу тут живет совсем немного: всего семь миллионов человек. То есть население всей Сибири в два раза меньше, чем население одной Москвы.

Бесконечная тайга и тундра. Зима длится одиннадцать месяцев в году. В Якутии температура в январе ниже, чем в Антарктиде. Плюс полное отсутствие коммуникаций. При Сталине силами зеков власть пыталась проложить трассу из Якутска в Магадан. На метр дороги здесь приходится три могилы – местные жители говорят, что по трассе, как по кладбищу, нужно ходить без шапки. Но, несмотря на такие жертвы, в эксплуатацию дорога так и не была введена.

Назвать все эти земли исконно русскими можно лишь с натяжкой. На Дальнем Востоке наши войска сумели закрепиться всего сто пятьдесят лет назад. А последние вооруженные восстания сибирских племен, не желавших входить в состав России, закончились только перед Второй мировой. Зато именно здесь сосредоточены все русские запасы газа и нефти. Да и военные заводы власть предпочитала строить тоже по ту сторону Уральского хребта.

В Советском Союзе две трети промышленности работали на армию. Это были самые лучшие, самые работоспособные предприятия. Но теперь страна рассыпалась, армия была практически распущена, а заводы встали. Сотни тысяч людей остались без работы и без зарплаты. Своих денег, чтобы все это разгрести, в стране не было. Нужно было привлекать инвестиции.

Как только прежняя коммунистическая власть со всеми своими дурацкими ограничениями

пала, руки в сторону Сибири тут же протянули западные гиганты: «Royal Dutch/Shell», «Exxon», «British Petroleum», «Amoco», «Chevron» и «Техасо». Если бы им удалось здесь закрепиться, русская экономика уже никогда не воскресла бы из мертвых. Впрочем, протиснуться к сибирским месторождениям позволено им не было. Работать здесь начали иностранцы, но не большие корпорации, а мелкие жуликоватые типы, чьи фирмы были зарегистрированы где-нибудь в Западном Самоа или на Каймановых островах. И вот хуже этого быть не могло уже ничто.

В 1992-м в Москве открылся офис небольшой финансовой компании «TWG». Хозяевами там были двое братьев Рубенов. Происхождение их темно: мама братьев родом была из Ирака, сами они родились в Индии, первоначальный капитал сделали на торговле коврами, а разбогатели на спекуляциях с недвижимостью в Лондоне. Теперь их интересовало, нельзя ли как-то погреть руки на руинах советской экономики? Как оказалось, можно.

Летом к ним в офис заглянул предприниматель Лев Черной. В детстве этот мужчина перенес тяжелейший полиомиелит. Болезнь изувечила его тело, зато закалила характер. Бизнес Лев делал тоже вместе с братом. Братья Черные быстро нашли общий язык с братьями Рубенами. И те и другие были евреи. И те и другие родились на азиатских окраинах великих империй: Рубены в Бомбее, Черные – в Ташкенте. А главное, у них были схожие взгляды на ведение бизнеса.

Первое время братья Черные торговали лесом и рыбой. До знакомства с Рубенами им не хватало капитала, чтобы развернуться по-настоящему. Теперь деньги наконец появились. Четверо братьев решили инвестировать в российскую алюминиевую промышленность. Результаты превзошли все ожидания. Уже через два года их компании принадлежали блокирующие пакеты акций всех самых крупных российских алюминиевых комбинатов. Из никому не известной карликовой компании «TWG» превратилась в третью по величине алюминиевую империю в мире.

Суды по тем давним сделкам тянутся до сих пор. Но общая схема бизнеса понятна. В сибирских городках бывшие директора оформляли заводы на себя и превращались в первых русских миллионеров. Из рук директора завод мог уплыть только в одном-единственном случае: если на то было особое распоряжение московских властей. Поэтому тот, у кого были хорошие друзья в столице, мог вести свой бизнес очень уверенно.

Братья Рубены отыскали выход на людей, принимающих решения, и вскоре унаследовали двадцать из тридцати крупнейших советских металлургических предприятий. Теперь они контролировали две трети производства алюминия в стране. Их сотрудники интересовались добычей угля, производством хрома, выплавкой железа и глиноземными предприятиями. Влияние «TWG» распространялось не только на Россию, но и на Казахстан с Украиной. Причем в Казахстане их предприятия давали до 20 % валового национального продукта.

Братья превратились в крупнейших клиентов Российской железной дороги. Все, до чего они смогли дотянуться, паковалось и вывозилось из страны. В интервью журналу «Fortune» Дэвид Рубен восклицал: «Всего за четыре года мы увеличили оборот до \$6 миллиардов в год! Мы могли превратиться в крупнейшую в мире промышленную группу!»

Может быть, они бы и превратились. Но на пути иностранных жуликов очень быстро встали отечественные бандиты. 5

Единственная железнодорожная ветка через Сибирь называется Транссибирская магистраль. Она внесена в Книгу рекордов Гиннесса как самая протяженная в мире. От Владивостока до Москвы поезд идет по Транссибу больше недели. В пути состав делает больше пятидесяти остановок: города, городки, поселки, разъезды, какие-то странные платформы без названий. Десятки абсолютно одинаковых унылых населенных пунктов.

Советская власть никогда особенно не парилась насчет интересов собственных граждан. Если возникала необходимость, людей просто забрасывали туда, где намечалась следующая стройка народного хозяйства: в тундру, пустыню, тайгу, горы, на целину или полярную льдину. А уж как они там обустроятся – вопрос десятый.

Постепенно на месте первого десанта вырастал еще один городок. Отныне жизнь его будет вертеться вокруг градообразующего предприятия: завода, шахты, порта, газовой скважины или крупного железнодорожного узла. Единственное жилье в таких городках – тюремного вида бараки. Никакой социальной инфраструктуры. Одинокий Дом культуры и несколько поликлиник. Утром все до единого мужчины города отправляются работать на главное городское предприятие. Вечером население пьет водку и ложится спать. Уже в девять вечера на улице не встретишь ни души.

Пока сильная государственная власть поддерживала производство, градообразующие предприятия работали. Шестеренки гигантского государственного механизма хоть и со скрипом, но вращались. Но как только центр ослаб, механизм начал давать сбои. Еще в 1989-м все было ОК, а всего через пару лет советская экономика уже полностью развалилась. Экономические связи распались. Никто теперь не понимал, откуда получать запчасти и куда отсылать готовую продукцию. Для жителей зауральских промышленных городков это стало катастрофой. Никаких других возможностей заработать там просто не было, а уехать куда-нибудь еще у людей банально не хватало денег.

В советские времена государство продавало природные богатства за границу и на вырученные средства заботилось о населении. Теперь заводы и скважины переходили в частные руки. Никаких обязательств перед жителями Сибири у новых владельцев не было. Их цель состояла в том, чтобы вложить средства и получить быстрый плюс. А закупать новое оборудование, заботиться об экологии или хотя бы просто вовремя платить зарплату – ничего этого делать они не собирались. Не потому, что были циничны и бездушны, – просто это был не их бизнес.

В СССР Братский алюминиевый завод считался одним из самых прибыльных в стране. А к середине 1990-х по документам вдруг оказался настолько нерентабельным, что его долги составили \$600 миллионов. Почему так? – удивлялись аудиторы. Сами не понимаем! – грустно разводили руками бухгалтеры братьев Черных.

Одним из флагманов русской экономики прежде был Волжский автозавод, выпускавший главный отечественный автомобиль «Жигули». Спрос был настолько громадным, что в 1992-м очередь желающих приобрести автомобиль растягивалась на десять лет. Казалось, уж этот-то завод будет процветать. Однако уже в 1990-м торговля автомобилями перешла в руки бизнесмена Березовского, методы которого не сильно отличались от методов братьев Рубенов. И к 1997 году завод стал крупнейшим в России налоговым должником, а Березовский – одним из самых богатых людей России.

В советские времена рабочие считались элитой общества. Их зарплаты были выше, чем у госчиновников, преподавателей вузов и модных журналистов. Но к 1992-му все это осталось в прошлом. До самого конца десятилетия никаких зарплат рабочие больше не увидят. Газеты объясняли: дело в том, что коммунистическое государство развалилось. А в новом, капиталистическом, рабочим никто и ничего не должен. 6

Русские всегда с подозрением относились к собственному государству. Слишком уж удушливы были его объятия. Но когда жесткая советская империя развалилась, мало кто этому обрадовался. Как жить вовсе без государства, понятно тоже не было.

Кто-то стал ходить на митинги и требовать, чтобы Советский Союз вернули назад. Люди постарше просто спились. А молодежь попробовала создать вместо одного большого

государства несколько собственных, поменьше. В начале 1990-х по стране начали возникать «организованные преступные группировки».

Способы цивилизованного урегулирования конфликтов (например, суды) появятся в стране лишь спустя десятилетие. В те годы внятных законов просто не существовало. Да и невнятных тоже. Что именно считать криминалом и как вообще вести себя в новых условиях, каждый решал для себя сам. Ну а поскольку в Сибири чуть ли не две трети населения – потомки ссыльных, то и формы переговоров там были куда жестче, чем в других местах.

Государство развалилось. Москва занималась своими делами и на то, что творится в регионах, внимания не обращала. Чиновники за смешные взятки передавали гигантские заводы черт знает кому. Международные жулики выкачивали из заводов всю прибыль и исчезали. Что могли противопоставить всему этому местные жители? Только опыт, вынесенный из подростковых драк район на район. Только умение собраться всем вместе и навалять врагу по первое число.

Путь, который прошли русские бригады, многократно воспет сериалами и гангста-рэп-клипами. Несколько молодых спортсменов решают, что пора брать биографию в собственные руки. Для начала они ставят под контроль ближайший к их микрорайону кооперативный ресторанчик. Через пару лет ребята становятся по-настоящему крутыми. Теперь у них есть джип и мобильный телефон. Швейцары ближайшего казино называют их по имени-отчеству. В Москве или Петербурге карьера ребят на этом и заканчивалась. Там подняться еще выше пацанам никогда в жизни не дали бы чиновники. Там быстро появились СОБР и ОМОН, а против спецназа шансов у братвы не было. Но в регионах в начале 1990-х чиновники прежней силы уже не имели. И ребята стали брать под контроль не только магазины и кафе, но и стратегические предприятия. А кто бы им помешал?

Рубены спокойно вели свой бизнес два года подряд. Делали они это так нечистоплотно, что деятельность «TWG» стала причиной расследований аж в семи государствах мира. В Сибири расследовать ничего не стали. Просто в офисы стали приходить крепкие ребята в спортивных костюмах, которые говорили, что пора поделиться деньгами. То, что упустили чиновники, теперь взялись возвращать бандиты.

«Алюминиевые войны» середины десятилетия обернулись жуткой кровью. Во время перераспределения отрасли погибло столько людей, что в Красноярске под них отведен целый участок на главном местном кладбище. Одних только предводителей бригад там похоронено больше тридцати человек.

Уже в 1994-м братьям Черным пришлось бежать из страны и осесть в Израиле. Их наследие начали прибирать к рукам совсем другие люди. Сперва место «TWG» попробовала занять тоже иностранная структура «AIOS». Летом 1995 года главный представитель «AIOS» в России Феликс Львов собирался слетать в Швейцарию. Он приехал в аэропорт Шереметьево-2, прошел таможенный и паспортный контроль и ждал вызова на рейс. К нему подошли двое, показали удостоверения и предложили на минутку отойти. Несколько дней спустя мужчина, ждавший автобус на остановке неподалеку от аэропорта, отошел пописать в кусты и обнаружил там разлагающийся труп Львова. Лезть после этого в алюминиевые дела «AIOS» не рискнула, через год объявила о своем банкротстве и исчезла.

То же самое происходило по всей стране. Войны велись вокруг каждого из гигантов советской промышленности. Директоров заводов отстреливали дюжинами. А хозяевами промышленности становились люди, еще вчера крутившие наперстки на рынке. 7

В конце 1980-х все понимали, что жить так, как раньше, больше нельзя, невыносимо, нет сил, и пусть будет что угодно, лишь бы не советская власть. Но всего через несколько лет вдруг выяснилось, что и новые правила – это тоже совсем не здорово.

До Перестройки в стране была всего одна сила: четырехмиллионная армия советских бюрократов. Внутри нее могли существовать различные группы, которые могли даже враждовать между собой. Но сути дела это не меняло: единый центр отдавал приказы, и не было силы, способной его ослушаться.

К концу 1980-х все поменялось. Единая бюрократия раскололась на несколько враждующих кланов. В бывших советских республиках власть теперь была своя, в каждом большом субъекте России – своя. Директора заводов боролись с министерствами, банкиры боролись с директорами заводов. Всего за несколько лет картина стала удивительно пестрой. И это было скорее хорошо. Потому что когда вся власть сосредоточена в одних руках, это называется диктатура, а если распределена между многими силами – это и есть демократия.

К середине 1990-х борющихся сил в России было уже очень много. Но русских такая демократия не радовала, а пугала. Впервые в истории России чиновники не были полными хозяевами положения. Да вот только от власти их оттерли не политики нового образца, не высоколобые интеллектуалы и не общественные организации, а лысые пацаны с набитыми кулаками.

Впрочем, в регионах люди были рады и этому. После предыдущего беспредела появление местной братвы воспринималось как избавление от тягостного кошмара. Когда от иностранных жуликов бизнес переходил к местным ребятам, бабки хоть и утекали за границу, но все же не в таком объеме, как раньше. Бандиты строили себе коттеджи – и платили деньги строителям. Они открывали найт-клабы и казино, но иногда и столовые для стариков. Бритоголовые спортсмены начинали дружить с местной властью, покупали местные газеты и телеканалы, и население видело, что наконец-то появились люди, способные хоть что-то противопоставить царящему беспределу.

Города в Сибири маленькие. Все всех знают. И любой местный там был «своим», а любой приезжий – «чужаком». Дочери генералов милиции выходили замуж за городских «смотрящих», а молодые милиционеры ходили в те же самые качалки, что и их приятели-бандюки. Это для московских начальников братва была криминалом, с которым нужно бороться. На Урале и в Сибири местных бандитов воспринимали просто как силу, которая не пустит в город чужих. Защитит родной завод, построенный дедами, и наведет порядок.

Странно ли, что очень скоро в мэры провинциальных городов стали выдвигаться неприятные люди с поломанными носами и странными татуировками на пальцах? 8

А еще, помимо иностранных жуликов и местных бандитов, за сибирские промышленные предприятия в те же годы боролась и третья сила: московские банкиры. К середине 1990-х несколько столичных финансовых империй достигли уже такого могущества, что готовы были скупать бывшую советскую собственность целыми областями. Активнее других этим занимался холдинг «Интеррос», возглавляемый Владимиром Потаниным.

Годы шли. Из молодого экономиста Потанин давно превратился в одного из самых состоятельных людей России. Разбогатеть удалось и его компаньонам, институтским приятелям Прохорову и Хлопонину. Если теперь газеты упоминали их фамилии, то непременно с добавлением множества титулов: генеральный директор того да председатель совета директоров сего. На протяжении всех 1990-х их карьеры развивались почти параллельно, а потом Прохоров с головой ушел в бизнес, а Хлопонин решил перейти на государственную службу.

В 2001-м он был избран главой администрации Таймырского автономного округа. Таймыр – далекая, холодная, безжизненная и ничем не интересная территория. За исключением того, что именно на Таймыре располагались все производственные мощности холдинга

«Интеррос». До тех пор, пока власть над этим далеким полуостровом находилась в чужих руках, положение столичных банкиров совсем уж прочным считаться не могло.

А власть над далекими территориями тогда находилась черт знает в чьих руках. Получив контроль над промышленными гигантами, местная братва толпами поперла в государственные структуры. На парламентских выборах 1995 года пятая часть кандидатов в депутаты имела криминальное прошлое. В предвыборных списках значилось до шестидесяти лидеров организованных преступных группировок. За время работы этой Думы были убиты трое депутатов и десять их помощников. Один депутат (Сергей Скорочкин) прославился тем, что лично застрелил в своем округе двух человек.

К концу 1990-х регионы превратились в неподконтрольные Москве удельные княжества. Власть пыталась с этим бороться. Если мэром города выбирался совсем уж откровенный бандит, его президентским указом снимали и отправляли в тюрьму. Но победить эту тенденцию было невозможно. Наученные горьким опытом сибиряки не желали подчиняться московским кандидатам. Пусть лучше будет бандит, зато свой.

И тогда с начала 2000-х годов свои кандидатуры на посты губернаторов стали выдвигать сами московские финансисты. Может быть, хоть так удастся что-то изменить, объясняли они интересующимся журналистам. На должности Таймырского головы Хлопонин пробыл всего год, а потом ушел на повышение. Осенью 2002-го он стал губернатором самого крупного в стране Красноярского края.

Сегодня Хлопонин – молодой, но очень серьезный государственный чиновник. Он счастлив в браке, растит замечательную дочь. А вот его бывший институтский товарищ Прохоров стать серьезным все никак не соберется. Светская львица Ксения Собчак как-то рассказывала по телевизору, что девушки иногда называют финансиста Миша-Праздник. Потому что вся жизнь Прохорова – это и есть одна бесконечная вечеринка. В июле – Лазурный берег, в августе – Сардиния, в рождественские каникулы – непременный Куршевель. 9

Куршевель — это совсем небольшой городок во Французских Альпах. Первым из богатых русских еще в середине 1990-х на него наткнулся Владимир Потанин. Курорт идеально подходил для катания на лыжах. Общая протяженность куршевельской трассы — 600 км. Для сравнения: в популярном у менее богатых русских Шамони — только 152 км.

Потанин стал приезжать в Куршевель на Новый год, вдоволь катался на любимых лыжах, а потом мог задержаться еще на недельку, чтобы с несколькими близкими друзьями отметить заодно и день рождения. День рождения у Владимира Олеговича 3 января. Друзей с каждым годом становилось все больше. Вслед за друзьями потянулись подружки, приятели подружек, звезды, чтобы спеть на вечеринках, папарацци, чтобы сфотографировать, как те поют, модели, чтобы было не скучно, и агенты моделей, потому что невозможно упустить такой шанс. Потом просто те, кто услышал про Куршевель от приятелей, потом те, кто узнал о нем из телевизора, – далее все подряд.

На самом деле Куршевель – это не один поселок, а три. Сперва вы попадаете в уютный, почти деревенский Куршевель-1550. Затем, на высоте 1650 метров, вы окажетесь в лесном Куршевеле. Ну, а поднявшись еще на двести метров, вы увидите уже настоящий Куршевель-1850 – место, где даже туалетная бумага в отелях помечена логотипами самых дорогих марок Вселенной.

Газета «Московский комсомолец» так описывала местную атмосферу:

Пробки из «мерседесов» с джипами охраны на узеньких улицах, отдых среди лиц с обложки по космическим ценам, культовый клуб «Le Caves», вечеринки Михаила Прохорова, где рекой льется шампанское «Kristal» (от 700 евро бутылка), украденные лыжи тверского губернатора Дмитрия Зеленина, подбитый в драке глаз сына Виктора Христенко и самые красивые

девушки континента на веранде каждого кафе. Певец Валерий Меладзе на лыжах не катается и спускается с гор пешком. Певица Глюкоза, наоборот, катается и прячется с мужем от папарацци. Хор кубанских казаков надрывается на ужине Романа Абрамовича, а из проезжающих по улицам машин с московскими номерами доносится шлягер Ромы Зверя: «Девочки-мальчики танцуют...»

Каждый год в Куршевель приезжает две тысячи русских с ежемесячным доходом от полумиллиона долларов. И еще двадцать пять тысяч горнолыжников, которые зарабатывают \$100 тысяч в месяц. Именно под этих людей в Куршевеле все и заточено.

Номера в двух главных местных отелях стоят от тысячи до шести тысяч евро за сутки. Есть и дешевле (есть даже номера по 120 евро в сутки), но как раз там жить никто не желает. Ски-пасс (билет на катание в Трех долинах) обойдется в 42 евро в день. Детский сад (8 часов с обедом) – 38 евро. Аренда лыжной экипировки – 80 евро в сутки. Горячий шоколад в лобби-баре – 16 евро. Общая стоимость проживания – приблизительно четыре тысячи евро в день.

Просыпаются в Куршевеле поздно, около двух часов дня. Совсем не вставать на лыжи, а только тусоваться считается моветоном. К четырем часам солнце садится и катание на лыжах плавно перетекает в посиделки в модном кафе «Tremplin». Специально для русских хозяева имеют в меню несколько видов блинов: с устрицами, икрой и морепродуктами. После посиделок в баре все возвращаются в отели, переодеваются и отправляются в клуб развлечься. Вечеринки в Куршевеле проходят каждый день и на любой вкус.

На Новый год основная вечеринка проходит в клубе «Les Airelles». Столик у стенки здесь стоит 700 евро, а место в центре зала – в три раза дороже. В 2006-м этот столик достался казахским мультимиллиардерам Александру Машкевичу и Фаттаху Шодиеву. Впрочем, особого ухарства здесь обычно не бывает. Новый год – это только начало праздничной недели. Русские туристы берегут силы.

2 января день рождения у мультимиллиардера Олега Дерипаски. Но в Куршевеле он отмечает свой праздник редко. Еще сутки спустя – день рождения Владимира Потанина. Однако и это тоже не повод для шумного веселья. Каждый год Потанин снимает в Куршевеле одно и то же Шале-де-Пре. Отдыхает очень спокойно, ведет здоровый образ жизни и рано ложится спать. В 2007-м поздравить его заскочил принц Монако Альберт и несколько британских промышленников. 5 января день рождения у жены Олега Дерипаски, красавицы и светской львицы Полины. Справляет она его обычно в дорогущем клубе «Голубка».

Ну а еще через день, шестого января, стартуют действительно громкие вечеринки. Русские богатые начинают отмечать православное Рождество, куршевельский праздник номер один. По всему курорту проходит множество мероприятий, отовсюду слышится русская музыка. В 2006 году на празднике, который устраивало окружение президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, пел Элтон Джон. В следующем году все было скромнее. В ресторане «La Luna» рижский бизнесмен Давид Каплан устроил концерт группы «Uma2rman» и фейерверк. Ресторан «Бержери» был арендован бизнесменом Шеффлером, там он отмечал праздник со своей новой девушкой, нью-йоркской моделью, которую отбил у одного из молодых Ротшильдов. Но самая роскошная вечеринка была, конечно, у самого веселого мультимиллиардера Михаила Прохорова в клубе «Les Caves».

Свои party Прохоров всегда проводит только здесь, уже девять лет подряд. Желающие поучаствовать специально самолетами прилетают в Куршевель на одну ночь. Никакой камерности, вечеринки Прохорова – это только танцы и только красивые девушки! Плей-лист для своих вечеринок хозяин составляет всегда лично. И конечно, места англоязычным песням на русское Рождество нет, только русская классика от групп «Ласковый май» и «Мираж»! Французы и немцы натягивали на головы подушки и пытались скрыться от

бесконечно повторяемой песни «Белые розы».

Ненадолго разбредясь по отелям, чтобы вздремнуть, уже к двум часам следующего дня гости Прохорова опять были на центральной площади. Они опохмелялись вином по цене приблизительно тысяча евро за глоток и снова слушали музыку. Специально для after-party в Куршевель прилетели «Звери» — любимая группа Михаила Дмитриевича. Концерт продолжался полтора часа. Было довольно холодно, но никто не расходился. Напротив огромной сцены специально для русских построили трехметровый ледяной Кремль. Покатавшись с горочек, гости пошли в ресторан «Мыс Горн». Там в тот вечер выступала группа «Сплин». Из ресторана все переместились в развлекательный комплекс «Le Forum». Потанин играл в хоккей, а гости Прохорова приблизительно до трех часов утра катали шары в боулинге. Победитель мини-турнира получал пятилитровую бутылку шампанского «Шато Лафит Ротшильд» 1943 года разлива (27000 евро).

Ну, а совсем уже ночью компания отправилась в отель «Le Byblos». В компании был Прохоров и множество красивых девушек. Там в отеле шумная вечеринка шумно и закончилась. Седьмого января 2007 года около семи утра человек, занимающий 42-ю строчку в списке самых богатых людей планеты, был арестован. В номер вошли жандармы с собаками, на Прохорова были надеты наручники, после чего он был отправлен из Куршевеля вниз, в долину, и заперт там в полицейском участке.

Аресты вызвали шок. Куршевель богатые русские давно привыкли считать почти субъектом Российской Федерации. Представить, будто главный весельчак мог быть здесь арестован, – нет, представить подобное было невозможно!

Французы объясняли: Прохорова подозревают в организации международной сети сводничества. Зачем ему это нужно?! – хватались за голову русские. Красивый, молодой, холостой и такой богатый – да любая девушка сочтет за счастье ответить на его ухаживания. Все равно нужно разобраться, отвечали французы.

Всего задержано было двадцать шесть человек, из них одиннадцать девушек-красавиц. Сперва говорили, что среди них есть проститутки и даже несовершеннолетние. Но уже к обеду следующего дня все это было опровергнуто. Утром половину задержанных отпустили. Сам Прохоров просидел столько, сколько было возможно по закону, – четверо суток. Но в результате безо всякого предъявления обвинений на свободу вышел и он.

Каждую осень среди богатых русских начинаются разговоры, что уж в этом-то году в Куршевель никто точно ни ногой! Потому что сколько можно! Нет, ну какой, на фиг, Куршевель, а? В этом году все будет наконец совсем иначе! Черт его знает, может быть, после всех этих событий тусовка действительно выберет себе какое-нибудь новое место для зимних каникул?

Шестое место:

Владимир Потанин

Владимир Потанин (1961 года рождения).

Около \$15 миллиардов, «Интеррос»

1

К середине 1990-х Россия была совершенно непохожа на саму себя пятилетней давности.

Прежде она была могучей, суровой и грозной. Но при этом – серой и тоскливой. Жизнь была небогатой, но сытой, предсказуемой, но скучной. Во что Россия превратилась теперь, одной фразой и не расскажешь.

Все очень быстро менялось: те, кто еще вчера ходил на партийные собрания, теперь катались на яхтах по теплому Средиземному морю. Люди, еще несколько лет назад не имевшие ни единого партвзыскания, теперь бродили по клубам в сопровождении ослепительных блондинок, причем каждую ночь новых.

Впрочем, новые русские вовсе не всегда были развязными плейбоями. Скажем, Владимир Потанин, именно в те годы ставший одним из богатейших людей России, всегда отличался большой сдержанностью. Семья. Здоровый образ жизни. Верность старым друзьям. Девяносто процентов времени он проводил на работе, а если и отдыхал, то не в пропахшем кокаином притоне, а дома с умной книжкой или где-нибудь на хоккейном катке.

Конец двадцатого века в России газеты называют «эпохой Ельцина». Хотя куда больше этому времени подошло бы название «эра банкиров». Развитие страны находилось в руках людей вроде Потанина – энергичных, трудолюбивых и способных к нестандартным решениям. Потому что сам Борис Николаевич особого участия в жизни страны не принимал. 2

Большая карьера Бориса Ельцина началась с работы в Свердловском комитете Коммунистической партии. В 1968 году он стал там заведующим отделом строительства. Ельцину было уже тридцать семь лет. У него в семье росли две дочки-школьницы. Он был взрослым, сложившимся человеком. Глядя на него, вы бы никогда не догадались, что когда-нибудь именно этот уральский строитель станет первым лицом капиталистической России.

В Советском Союзе делать карьеру без партийного билета было невозможно. Даже строительную карьеру на Урале. Только поэтому Борис Николаевич и написал заявление о приеме в КПСС. Партийным функционером он никогда не был. В те годы, когда его ровесник Михаил Горбачев (оба они 1931 года рождения), перескакивая через ступенечку, взбирался по служебной лестнице, Ельцин просто строил. Ему нравилось заниматься хозяйством, лазать вместе с подчиненными по бетонным конструкциям, орать на прорабов и выбивать из поставщиков стройматериалы. Именно при Ельцине нынешний Екатеринбург приобрел свой внешний вид: были построены метро, два новых района, драматический театр, Дворец молодежи, десятки километров автострад.

По работе Ельцин близко сошелся с первым секретарем горкома Рябовым. Тому энергичный строитель понравился. Если в этом кругу вообще бывает дружба, то можно сказать, что Ельцины и Рябовы начали дружить семьями. Сперва Рябов ввел нового товарища в состав горкома. А уходя на повышение в Москву, рекомендовал Ельцина в первые секретари. В 1976-м Борис Николаевич возглавил Свердловскую партийную организацию.

На самом деле даже эта должность была для Ельцина чересчур. Что бы там ни писали газеты, он никогда не был карьеристом. Взобраться на самый верх вовсе не было смыслом его жизни. Бориса Николаевича манили простые радости. Банька. Посидеть с мужиками. Может быть, съездить на охоту. Но даже управлять такой огромной областью, как Урал, для него было уже сложновато. Так что когда его начали звать на повышение, сперва Ельцин просто отказался. Его полностью устраивала та жизнь, которую он вел. Менять что бы то ни было Ельцину не хотелось.

3 апреля 1985 года ему позвонили из Москвы и предложили поработать на нового Генерального секретаря Горбачева. Тому была необходима собственная команда, а людей не хватало. Ельцин ответил, что у него и дома еще не все дела переделаны. Так с людьми из ЦК разговаривать было не принято. На следующий день в Свердловск позвонил Егор Лигачев

(второй человек в партии после Горбачева). Звонок раздался, когда Ельцин в служебной машине ехал на работу. Трубка ласковым голосом поинтересовалась, не хочет ли Борис Николаевич положить партбилет на стол? Ну, и уже очень скоро Ельцин приступил к работе в Москве.

Дальше все происходило очень быстро. 23 января 1986 года Горбачев провел заседание Политбюро ЦК, на котором предложил снять первого секретаря Московского горкома Гришина и назначить на его место своего человека: молодого и работящего уральца Ельцина Бориса Николаевича. Присутствующие проголосовали единогласно «за».

Ну, Москва так Москва, крякнул Ельцин и засучил рукава. Открытый, улыбчивый провинциал еще не овладел азами московских игр. В столице ему хотелось вести себя так же, как он привык у себя на Урале. Несколько раз Ельцин прокатился с простыми людьми в троллейбусе. Постоял в очереди в продовольственном магазине. Размахивая правой рукой, на которой не хватало двух пальцев, пообещал наказать плохо работающих чиновников. Такое поведение идеально укладывалось в русские представления о добром царе. Новый председатель горкома моментально стал любимцем москвичей.

Но одно дело заведовать строительством на Урале, и совсем другое – руководить крупнейшим городом Европы. Запала Ельцину хватило всего на год-полтора. Главное, чем должен заниматься чиновник, – изучать документы. Ельцин этому искусству так никогда и не научился. И подковерным чиновничьим играм тоже. По-человечески он был очень негибким, обидчивым и вообще – некомандным игроком. Ему хотелось, как дома, в Свердловске, лазать по стройкам и видеть результаты работы. А если этого не было, Ельцин начинал пить.

Позже в своих мемуарах он признавался:

Меня не покидало ощущение, будто я какой-то чужак среди всех этих людей. Я не вписывался в их рамки каких-то непонятных мне отношений.

Уже в сентябре 1987-го он пишет Горбачеву письмо, в котором просит освободить его от занимаемой должности. Горбачев за последние месяцы тоже изрядно разочаровался в уральском выдвиженце. Однако письмо все-таки не подписывает.

Ельцин начинает вести себя совершенно по-детски. Он капризничает, портит отношения с большинством членов Политбюро, демонстративно хамит Егору Лигачеву. Москва раздражает его все сильнее. Жене вечерами он постоянно говорит о том, как скучает по родным краям. Дело кончилось тем, что на ноябрьском Пленуме с руководством ЦК он переругался уже публично. Ельцин выступил с заявлением о том, что никаких реальных результатов горбачевской Перестройки что-то не видно, – ну и вылетел с должности.

Двадцать лет подряд он жил так же, как жили сотни тысяч высших советских чиновников. Служебная дачка. Машина с шофером. Жена отоваривается в спецраспределителе. Теперь все это должно было исчезнуть. Ельцин запаниковал. Через четыре месяца после скандала его вывели из состава Политбюро. Охрану отобрали. С престижного правительственного автомобиля «ЗИЛ» Ельцину пришлось пересесть на менее престижную «Чайку». Первое время Горбачев отдал ему свою собственную дачу. Теперь ее пришлось оставить. Семья переехала на меньшую жилплощадь.

Как жить дальше, Ельцин не понимал. Ему ведь было уже пятьдесят семь. Впереди маячила только нищая старость. Когда Ельцин полностью осознал, что больше никакой работы, никакой карьеры у него не будет, а будет только пенсия где-нибудь на даче под Свердловском, то попытался покончить с собой. 9 ноября он попробовал всадить себе в грудь острые ножницы. Окровавленного, потерявшего много крови Ельцина увезли в Центральную клиническую больницу. Шрам на груди останется у него на всю оставшуюся жизнь. Тогда Борис Николаевич еще не знал, что карьера его не закончена, а только

начинается. 3

В советские времена в стране существовала всего одна партия – коммунистическая. Она была громоздка, неповоротлива и слишком уж огромна. Конкурировать ей было не с кем, бояться некого. А как известно, в доме, где нет кота, мыши умирают от ожирения. При Горбачеве политическую систему было решено немножко встряхнуть. Не так чтобы всерьез, а только чтобы чиновники наконец зашевелились.

Коммунисты собрались на XIX партконференцию, а потом на I съезд народных депутатов. Там часть депутатов объявила о создании Межрегиональной депутатской группы. Спустя еще несколько месяцев на базе группы была сформирована первая в стране некоммунистическая партия «Демократическая Россия». Чуть позже оформилось и противоположное политическое крыло. Осенью 1989-го на съезде появилось депутатское объединение «Коммунисты России». Одна большая партия разделилась на две поменьше.

В то время воздух пах романтикой и всем казалось, что если чуточку поднапрячься, то скоро наша жизнь станет похожа на американское кино из видеопроката. Коммунисты до смерти надоели, и хотелось чего-нибудь новенького. В Москве и Ленинграде «Демократическая Россия» была бешено популярна: партия собирала от шестидесяти до девяноста процентов голосов. Никто не хотел верить, что перед ними всего лишь левая половинка КПСС, – «демократов» воспринимали как апостолов совершенно новой эры.

Радостные революции в тот момент происходили по всей Восточной Европе. Коммунистические режимы рушились. К власти приходили те, кто еще вчера был никем. В Польше – рабочий-сварщик Лех Валенса. В Чехии – драматург-диссидент Вацлав Гавел. В Грузии – писатель Звиад Гамсахурдиа. И только в России на смену коммунистам из ЦК пришли другие коммунисты из того же самого ЦК. 4

Борьба Горбачева со своим бывшим протеже длилась несколько лет – и закончилась его полным поражением. К началу 1990-х из безработного партийного функционера Ельцин превратился в президента страны, и теперь уже он мог решать, на какой даче Горбачев жить станет, а на какой – нет.

Дальше страна начала стремительно меняться, но сам Ельцин никакого участия в этом не принимал. В 1991-м он достиг пенсионного возраста и, хотя официально уходить на пенсию не стал, все равно решил, что имеет право немножко отдохнуть. В стране перераспределяли собственность, появлялись финансовые империи и менялся расклад политических сил. А Борис Николаевич ездил на рыбалку, отдыхал на озере Селигер, мог на пару часиков заскочить на работу, но после обеда каждый раз ложился вздремнуть. Никаких попыток хотя бы сделать вид, будто он контролирует ситуацию, президент не предпринимал.

Телохранитель Ельцина генерал Коржаков позже вспоминал:

Сколько лет я знаю Бориса Николаевича, он пил каждый день. Его обычное утро начиналось всегда одинаково. Приезжаем в Кремль, он кричит: «Дима, ланч!» Повар Самарин на подносе выносит сто грамм водки в аэрофлотовском стаканчике, яичницу, маленькую баночку икры и несколько кусочков бородинского хлеба с обрезанными корками.

Так продолжалось несколько лет подряд. Ельцин несколько раз повторял, что его первый президентский срок будет и последним. Переизбираться он не станет, это точно. Но чем ближе становились новые выборы, тем взволнованнее выглядело президентское окружение. Если Борис Николаевич уйдет, задавались вопросом они, то как же все будет дальше, а?

В конце 1995 года в стране прошли парламентские выборы. Безоговорочную победу на них одержали коммунисты. Лидер Компартии Геннадий Зюганов сразу после этого триумфа отправился на экономический форум в Давос. Там его встречали как будущего русского

президента. Именно с Зюгановым все добивались встречи, именно его мнением интересовались. А Ельцин... Ну что Ельцин?.. Случайно оказавшийся во главе страны, он должен был освободить место следующему поколению.

Так считали все. Вернее, почти все. 5

К тому моменту по новым капиталистическим правилам страна жила уже пять лет. Главным итогом первой этой пятилетки стало появление в России нескольких гигантских финансовых империй: «Менатеп», «ОНЭКСИМ», «Альфа», «Мост» и еще парочка. Все эти банки были неимоверно богаты. Но при этом их богатство было немножечко виртуальным. Оно измерялось не в собственности, а в цифрах на бумаге. Собственность, как и раньше, оставалась в руках директоров заводов или в руках самого государства.

В марте 1995 года Владимир Потанин предложил изменить это положение вещей. К тому моменту Потанину было 34 года. Кажется, будто немного, хотя на самом деле позади был огромный путь. Начав со службы советского чиновника, он одним из первых почувствовал, что времена изменились. И уже в 1992-м им были созданы два крупнейших в новой России коммерческих банка. Потанин всегда шел на полшага впереди остальных. И теперь именно он предложил правительству идею «залоговых аукционов».

Ничто не предвещало, что это заседание кабинета министров изменит лицо страны. Потанин пришел на заседание не один, а вместе со вторым богатейшим банкиром страны Михаилом Ходорковским. Тот занял место за столом и дальше в основном молчал. Говорить за них обоих стал Потанин. На первый взгляд ничего революционного в его предложении не было. Что мог предложить правительству банкир? Разумеется, кредит. Потанин предлагал дать правительству в долг, но в залог просил акции некоторых государственных предприятий. Правительство в деньгах нуждалось. Предложение было принято.

К тому времени государственная собственность переводилась в частные руки уже несколько лет подряд. Огромное количество заводов, пароходств, шахт и горно-обогатительных предприятий уже перестало быть государственными. Директора и министры, которые прежде всем этим только управляли, стали наконец законными собственниками. Однако государство удержало в своих руках стратегические отрасли: нефть и газ. На эти отрасли существовала государственная монополия. Близко подходить к ней посторонним не разрешалось.

В первой половине 1990-х состояния ковались на металлах. Алексей Мордашов разбогател на стали. Владимир Лисин – на чугуне. Братья Черные и братья Рубены – на алюминии. Искандер Махмудов – на меди. Все это были, конечно, лакомые кусочки, но все-таки не самые лакомые. Потому что самыми лакомыми были нефть и газ. Вот тут можно было подняться уже всерьез.

Именно этими активами теперь предлагали поделиться банкиры – Потанин и промолчавший все заседание Ходорковский. Они ссудят государство сумой в \$600–700 миллионов. А взамен на аукцион будут выставлены акции стратегических нефтяных предприятий. Правительство ответило согласием. Как позже выяснится, на это у него были свои причины.

Подобный шанс выпадает финансисту единожды в жизни. С марта по сентябрь главы банковских империй совещались между собой и с чиновниками. Дело было серьезное, допустить прокол никому не хотелось. За полгода заинтересованные стороны провели десятки совещаний, и к началу аукционов все со всеми обо всем договорились.

На самом первом аукционе были выставлены акции нефтяной компании ЮКОС, второй по величине в России. ЮКОС достался банку «Менатеп», которым управлял Михаил Ходорковский. Стартовая цена акций составляла 150 миллионов долларов, а заплатил «Менатеп» 159 миллионов. Другие банкиры предлагали куда большие деньги. Фридман и Авен из «Альфа-банка», объединившись с несколькими коллегами, собирались заплатить 350

миллионов, однако их просто не допустили до участия в аукционе. Из банкира Ходорковский превратился в нефтяного магната.

Следующий аукцион был посвящен металлургическому гиганту «Норильский никель». Это была чуть ли не крупнейшая в мире компания по производству цветных металлов: треть мировых запасов никеля, больше половины мировых запасов палладия, пятая часть мировой платины, а также 95 % всего кобальта и больше половины всей русской меди. Завод был богат настолько, что на собственные налоговые отчисления содержал весь бескрайний Красноярский край.

Теперь купить «Норильский никель» планировал «ОНЭКСИМ-банк» Владимира Потанина. При стартовой цене в 170 миллионов долларов «ОНЭКСИМом» было заплачено за завод \$170100000 – всего на сто тысяч больше. Что вообще происходит?! – возмущались наблюдатели. Банк «Российский кредит» предлагал 355 миллионов долларов, но его тоже не допустили до аукциона – как так можно! Все эти завывания участникиаукциона пропустили мимо ушей. Когда на следующем аукционе решалась судьба нефтяной компании «СИДАНКО», банк «Российский кредит» опять подал заявку, и она опять не была принята, а «СИДАНКО» досталась тоже «ОНЭКСИМу».

Последним из залоговых аукционов была продажа акций компании «Сибнефть». Эта компания имела крупнейшие в мире разведанные запасы углеводородов, они равнялись запасам американских гигантов «Атосо» и «Mobil», вместе взятых. За «Сибнефть» боролись «Инкомбанк» и финансист Борис Березовский. Первые предлагали 175 миллионов долларов, а второй – сто миллионов триста тысяч, но победа досталась все равно Березовскому. Через какое-то время он передал компанию своему младшему партнеру Роману Абрамовичу.

В середине 1990-х в стране существовало пять-шесть больших финансовых империй. Сперва все они шли голова к голове: успехи были почти равными. Но после залоговых аукционов судьба банкиров разделилась. У тех, кто смог обзавестись собственностью, дальше все было хорошо. Ходорковский, Потанин и Березовский со временем превратились в богатейших людей страны. Те, кого до аукционов не допустили, со сцены вскоре сошли. Банки «Российский кредит», «Столичный» или «Инкомбанк» тоже неплохо начинали, но до конца десятилетия ни один из них не дожил. 6

Залоговые аукционы были фантастически прибыльной затеей. И при этом от них с самого начала пахло каким-то жульничеством. Строго охраняемые государственные активы передавались банкам приблизительно в пятнадцать раз дешевле самой минимальной цены. Да еще и без всякого конкурса. Все, кто имел отношение к этим операциям, следующие десять лет только и делали, что оправдывались и пытались миллионными взносами на благотворительность хоть как-то оттереть заляпанную репутацию. Впрочем, все это будет позже. На тот момент главная цель была достигнута. А главной целью в конце 1995 года было переизбрание президента Ельцина на второй срок.

Накануне выборов рейтинг Бориса Николаевича составлял меньше трех процентов. В списке наиболее вероятных претендентов на пост президента он занимал пятую строчку. И плюс ко всему перед новым, 1996 годом он пережил еще один инфаркт. Казалось, нет силы, способной сделать из обрюзгшего, тяжелобольного, давно утерявшего контроль над ситуацией Ельцина победителя тяжелейшей президентской гонки. Но теперь это была проблема не Ельцина, а тех банкиров, которым не хотелось терять только что приобретенные компании.

Ход мысли тут очень прост. После залоговых аукционов банкиры вовсе не стали хозяевами предприятий. Они одолжили правительству денег, а правительство дало им в залог акции. Пока что дало не насовсем, а только в залог, понимаете? Официально предприятия переходили в их собственность только после президентских выборов 1996 года. А если

власть в стране поменяется, то никаких компаний банкирам и не видать!

Банкиры тяжело вздохнули и принялись решать проблему. Пятнадцатого февраля 1996 года Ельцин отправился в свой родной Свердловск, чтобы заявить: он принял решение. Он выдвинет свою кандидатуру на президентских выборах. День выдался холодный. Президент еще не оправился после недавно перенесенного инфаркта, третьего за несколько месяцев. Его голос был слабым. Шансов на победу в выборах не было никаких.

Какой-то единой команды вокруг Ельцина никогда не существовало. К середине 1990-х за влияние на президента боролось несколько групп с диаметрально противоположными интересами. Эти разные люди предлагали разные пути выхода из сложившейся ситуации.

Самой влиятельной группой к началу 1996 года были старые офицеры еще советской закалки: телохранитель президента Коржаков, начальник спецслужб Барсуков, министр обороны Грачев. Любые затруднения эти крепкие мужчины привыкли решать с помощью отряда автоматчиков. Так они решили проблему Верховного Совета в 1993-м. Так же собирались решить проблему Чечни в 1995-м. Такие же планы были у них и на президентские выборы 1996-го. Трезво оценив шансы Бориса Николаевича, они выступили с инициативой выборы отменить, а оппонентов арестовать.

Совершенно в другую сторону думали банкиры-победители залоговых аукционов. Выборы выиграть, конечно, необходимо, считали они. Но связываться с армией для этого совсем не нужно. Когда проблемы начинают решаться танками, бизнес может сильно пострадать. Да и потом, что такое все на свете танки против всего одного чемодана с долларовыми купюрами?

Первым делом в Россию были приглашены западные имиджмейкеры: Тим Белл, проведший кампанию Маргарет Тэтчер в 1979 году, и американцы, работавшие на выборах калифорнийского губернатора в 1994 году. Именно эти люди придумали кампанию «Голосуй или проиграешь!». Вернее, они не придумали ее, а просто перевели на русский рекламный слоган «Choose or Loose». Им казалось, что рок-н-ролл, летящие шарики и клипы на МТV – это все, что нужно для убедительной победы. Американцы вообще плохо понимали, в какую страну приехали.

Выборы 1996 года, по сути, были первыми настоящими выборами в России. Власть не очень понимала, как играть во все эти западные штучки, а народ не до конца разобрался, чего же от него хотят. В Европе избирательная система оттачивалась на протяжении последних трехсот – четырехсот лет. Наивно было бы думать, что русские научатся всему за четыре года.

Клипы на музыкальных каналах, конечно, запустили и рок-группы отправили в тур по стране. Пожилой и больной Ельцин даже станцевал твист в компании певца Евгения Осина. На эти цели банкиры выделили несколько сотен миллионов долларов. Но постепенно банкиры и их аналитики понимали: так в России дела не делаются. Необходим совсем иной путь.

К весне Ельцин подписал несколько указов: о повышении стипендии студентам, о предоставлении бесплатных участков дачникам, о возмещении ущерба вкладчикам пирамид, о выделении квартир тем, кто с советских времен стоял в очереди на квартиру, и о переходе к профессиональной армии. Телевизор объявлял, что война в Чечне скоро закончится, а Союзное государство с Белоруссией (такой мини-СССР) появится буквально на днях.

Американцы от удивления разевали рты: «Вы что, собираетесь все это выполнять?»

Им объясняли: нет, не собираемся. Это просто предвыборная технология. Рот у американцев разевался еще шире. О подобных технологиях прежде они не слыхивали.

После 1996 года никакие западные имиджмейкеры в серьезных русских выборах больше не

участвовали. У России собственная специфика, иностранный опыт у нас вряд ли пригодится. Не очень-то прижились и сами выборы. Там, где на протяжении всей истории страны существовала только одна команда, из чего выбирать? На региональных выборах население до сих пор предпочитает отдавать голоса местным Робин Гудам с переломанными носами. Просто потому, что свои и понятные. На федеральных голосование обычно проходит так, как хочет власть. Ну и зачем тут американские специалисты?

Третьего июля 1996 года во втором туре выборов Борис Ельцин одержал победу. Несмотря на то что предыдущие несколько лет он даже и не думал исполнять свои обязанности, теперь за него проголосовало 54 процента избирателей. Просто потому, что в России все так устроено: если власть хорошенько просит, ее дисциплинированный народ будет просто не в состоянии ей отказать.

А еще через несколько месяцев банкиры-победители залоговых аукционов стали законными собственниками купленных компаний. Для страны начиналась совершенно новая страница истории.

Сулейман Керимов

Пятое место:

Сулейман Керимов (1966 года рождения).

Около \$13 миллиардов, «Нафта – Москва»

1

В субботу, 25 ноября 2006 года, эту новость передали все отечественные новостные агентства:

Страшная автокатастрофа случилась на Английской набережной (Promenade de Anglais) в курортной французской Ницце. По неизвестной причине на участке, где максимально допустимая скорость составляет 50 км/ч, «Ferrari», за рулем которого находился депутат Госдумы РФ Сулейман Керимов, потерял управление, съехал с дороги, затем врезался в дерево и загорелся. ДТП произошло около 17.30 по московскому времени (15.30 по местному). Судьба Керимова пока неизвестна. Сообщают лишь, что депутат очень серьезно пострадал, но насколько серьезно — неизвестно.

Сперва не было известно даже, выжил Керимов или нет. Подробности автокатастрофы выяснялись лишь постепенно. Сулейман Керимов, занимающий, по данным журнала «Forbes», седьмое место в рейтинге российских мультимиллиардеров, находился за рулем элитного автомобиля «Ferrari Enzo». Он ехал из аэропорта Ниццы в город, однако в пути произошла катастрофа.

К месту происшествия съехались репортеры. В лицо нахмуренным французским полицейским они пихали свои микрофоны, а те только пожимали плечами. Что тут можно сказать? Судя по всему, водитель пошел наобгон, но не учел, что прошел дождь и трасса была скользкой. А шел он быстро. На этом участке Английской набережной стоит ограничение 50 километров в час. Да только какие там пятьдесят километров, когда у тебя спортивный «Ferrari Enzo»?! Он потыркался справа-слева, попробовал перестроиться в крайний левый ряд, вжал газ до отказа, пошел на обгон, а дорога мокрая. Ну и вылетел за ограждение. Добавить нечего.

Репортеры кивали головами. Камера разворачивалась и показывала само место

происшествия. Автомобиль вылетел за ограждение и налетел на дерево. Удар пришелся на ту часть, где расположен бензобак. И почти сразу машина загорелась. Вернее, сперва она развалилась на части, а потом вспыхнула. Керимов смог самостоятельно выбраться из салона и катался по траве, объятый пламенем. Двадцатичетырехлетняя француженка (к вечеру журналисты выяснят ее имя... Натали!.. девушку звали Натали!..) успела притормозить, выскочить, достать из багажника огнетушитель и подбежала к Керимову. Если бы не она, неизвестно, чем бы все кончилось. Пожар был настолько сильным, что клубы дыма были видны из аэропорта Ниццы, откуда к месту аварии примчались пожарные и «скорая». В результате образовавшейся на месте аварии пробки въезд в Ниццу был блокирован в течение примерно двух часов. «Ferrari Enzo» стоимостью 675000 евро восстановлению не подлежит.

- Вы уверены, что это не было покушением? продолжали настаивать репортеры, а следователи не понимали вопроса.
- Покушение? Нет, вряд ли это было покушение. Почему вы об этом спрашиваете?
- Ну, все-таки за рулем был Керимов.
- А кто он такой, этот Керимов? Русский миллиардер? Не знаю. Нет, вряд ли это было покушение. Хотя полностью, конечно, эту версию исключать нельзя.

Самого пострадавшего сразу же вертолетом отправили в больницу De la Timone. Репортеры сообщали, что у Керимова повреждено семьдесят процентов кожи, а кроме того, он получил черепно-мозговую травму. В госпитале Керимов был подключен к аппарату искусственного дыхания и введен в состояние искусственной комы. Обычно так делают, чтобы пациент не мучился от боли.

«Состояние мсье Керимова вызывает очень серьезные опасения, – отчитывался перед телекамерами врач. – В течение ближайших сорока восьми часов мы хотели бы воздержаться от прогнозов».

На ближайший месяц для русских телеканалов и газет эта новость стала номером один... 2

...А ровно за десять лет до страшной катастрофыв Ницце газеты с таким же пылом обсуждали итогитолько что прошедших президентских выборов. В 1996-м во главе страны вновь встал Борис Ельцин. Газеты и телевизор обрадованно сообщили, что капитализм в России наконец достроен. Апгрейд Советского Союза завершен, можно полюбоваться на то, что получилось.

Той осенью, почти сразу после выборов финансист Борис Березовский как-то сказал в интервью, что ему и нескольким его приятелям принадлежит две трети России. Газеты быстро придумали этой группе красивое название: «семибанкирщина» (звучало похоже на «семибоярщину» – так называлась команда, правившая Россией, пока Иван Грозный был маленьким). Хотя сплоченной эта группа не была. Трое из семи банкиров поучаствовали в залоговых аукционах и теперь отлично себя чувствовали (Ходорковский, Потанин и Березовский). Четверых других туда не пустили (Фридман и Авен из «Альфы», Гусинский из «Моста», а также Смоленский из «Столичного банка»).

Русский капитализм озадачивал. На то, что показывают в американских киношках, похож он не был. О том, чтобы в экс-советской России возник новый класс капиталистов-собственников, речь не шла. Потому что большая часть собственности перешла в рукине нового класса, а всего нескольких банкиров. Именно этим людям принадлежало две трети русской экономики. А также почти вся русская пресса и телевидение. Березовский контролировал Первый и Шестой телеканалы, журнал «Огонек» и газету «Коммерсантъ». Гусинский – канал НТВ. Остальные олигархи – медиа попроще.

В стране впервые появилась свобода слова. Телевизор показывал серьезных дядек-аналитиков в модных очечках, которые объясняли населению, что происходит в стране. «Да! – говорили они. – Пока что всем нам живется не очень. Но зато мы стали свободными людьми! Зато теперь мы можем говорить то, что думаем!»

Аналитики были предельно честны и говорили то, что действительно думали. Еще бы они думали иначе, получая такие гонорары от владельцев своих телекомпаний! Именно в эти годы (а вовсе не в советские времена) зрители уяснили: все, что говорит русское телевидение, есть наглая ложь.

Газеты и телеканалы, принадлежащие семерым банкирам, сыграли решающую роль в переизбрании Ельцина. Личной дружбы между этими банкирами не было, и объединяло их лишь то, что все семеро давали деньги на предвыборную кампанию президента. Причем деньги были серьезные: больше миллиарда долларов США. И после того, как Ельцин победил, власть стала всячески демонстрировать бизнесу свою признательность. Дошло до того, что двое из этих семи банкиров (Потанин и Березовский) даже вошли в состав правительства. Пятеро других не вошли – скорее всего, просто не захотели.

Сегодня любого миллионера в России любят называть словечком «олигарх». Хотя вообще-то это слово означает не просто богача, а человека, который богат настолько, что даже может влиять на политику и диктовать власти свои условия. Изначально так называли не всех русских мультимиллиардеров, а именно этих семерых. Банкиров, которые помогли президенту Ельцину переизбраться на второй срок и теперь считали, что в качестве благодарности власть тоже чем-нибудь им поможет.

В Советском Союзе в состав высшего руководства страны входило приблизительно двадцать человек. Столько же теперь определяли политику России. Только раньше все они носили скучные серые пиджаки, а теперь половина государственной элиты нарядилась в костюмчики от Versace. В новой России называться все стало немного иначе, но суть осталась той же самой. Как и прежде, страной рулила единая и сплоченная команда. Бюрократы разделились на тех, что остались работать в госаппарате, и на тех, что ушли в бизнес, но сути дела это не меняло.

Накануне президентских выборов власть передала бизнесу огромную часть бывшей советской собственности. Взамен бизнес поддержал власть деньгами и обещал, что, если будет нужно, он даст еще. Возникало ощущение, что, как ни мудри, построить в России многополярное общество все равно не выйдет. Все норовили объединиться: чиновники, банки, музыкальные продюсеры, бандиты и даже политические партии.

В конце 1980-х громоздкую и неповоротливую Компартию Горбачев разделил пополам. Вместо одной партии в стране появилось две: одна для тех, кто хотел кое-что в стране поменять («Демократическая Россия»), а вторая – для тех, кто менять ничего не собирался («Коммунисты России»). Теперь из того же самого материала было нарезано еще несколько предвыборных блоков. К середине 1990-х в России появились такие партии, как КПРФ и «Наш дом – Россия». Одно было плохо: настоящих партий за всеми этими названиями так и не появилось. Все это были по-прежнему лишь осколочки бывшей Компартии, заточенные под вкусы определенных избирателей.

В Европе или в США политические партии – это канал, с помощью которого население общается с властью. Очень просто: если власть делает что-то не так, то население голосует за другую партию, и курс государства меняется. Но в России народу и в голову не приходило общаться с властью. Зачем? За долгие века русской истории жители России раз и навсегда усвоили: дергайся не дергайся – изменить все равно ничегоне получится. Тем более что менять «Демократическую Россию» на КПРФ – как шило на мыло: у этих людей даже лица и то совершенно одинаковые. В результате многопартийную систему в России строило

ненаселение, желающее общаться с властью, а сама власть.

К середине 1990-х политическая система в основном сложилась. Для каждой группы избирателей была специально зарегистрирована собственная партия. Для тех, кто молод и хотел бы делать карьеру, – президентская партия власти. В наше время это «Единая Россия», а до нее было еще несколько. Для людей старшего поколения – КПРФ. Коммунистами руководство этой партии никогда не было: их задача не готовить мировую революцию и не строить коммунизм, а ностальгически вздыхать – эх, братцы, здорово все-таки жилось в СССР! Для националистов специально сформировали ЛДПР.

Националисты в любой стране составляют от трех до семи процентов избирателей. Это относится даже к таким старым демократиям, как Франция (где существует партия Жана-Мари Ле Пена) или Голландия (националистический блок Пима Фортайна). Задумка состояла в том, что в России такие избиратели тоже должны получить собственную партию. Формирование ее было поручено Владимиру Жириновскому. Однако очень скоро Жириновский махнул рукой на маргиналов-националистов и стал ориентироваться на совершенно иных людей. Его партия стала объединять новую региональную элиту, тех, кто где-нибудь в Сибири оттер от собственности иностранных жуликов.

Эти люди были состоятельны. Они действительно очень нуждались в том, чтобы отстаивать свои интересы во власти. Жириновский предоставлял им такую возможность, а они взамен спонсировали его партию.

В 1999 году по спискам Жириновского в Государственную Думу был избран 34-летний депутат Сулейман Керимов. В том созыве Думы богатых людей было достаточно, однако наиболее состоятельным из всех стал именно Керимов. 3

В Москве Керимов появился в первой половине 1990-х. Ему было около двадцати пяти. Позади осталось детство, проведенное в старинном и прекрасном городе Дербент, окончание школы (с золотой медалью), служба в армии (с грамотой за победу в соревнованиях по гиревому спорту) и институт (с дипломом по специальности «бухгалтерский учет»). Впереди лежала Москва, безжалостная к проигравшим, но отдающая всю себя тем, кто оказался силен.

Поучаствовать в разделе бывшей советской собственности Керимов не успел. Когда правительство и олигархи проводили залоговые аукционы, он только-только делал первые шаги в большом бизнесе. Новое поколение русских миллиардеров (Керимов, Абрамович, Дерипаска и еще несколько) шло совершенно другим путем. В состав «семибанкирщины» они не входили и вообще следовали немного иным правилам игры.

Например, «старшие» олигархи, типа Ходорковского или Потанина, с детства впитали привычку к скромности. Сколько ни ищите, даже в самой желтой газете выне отыщете ни одного скандальчика, связанного с их личной жизнью. Сплошная умеренность и аккуратность! А более молодое поколение хотело жить весело, и кто мог им это запретить?

К началу XXI века бизнес Керимова был отстроен. В его распоряжении находились 6 % акций Сбербанка (стоимость пакета – приблизительно полтора миллиарда долларов) и 4,5 % акций Газпрома (около 5 миллиардов долларов), несколько активов помельче и приблизительно на три миллиарда долларов недвижимости – в Москве, Подмосковье и за границей. А уж посвятив делу время, можно, наверное, и устроить потеху, а?

Вечеринки Керимова очень быстро получают репутацию самых развеселых в Москве. Пусть Прохоров считается куршевельским чемпионом по развлечениям, зато в столице конкурентов у Керимова не было! Хоп! – и выступить на его частной party прилетает певица Шакира. Хоп! – и на следующую вечеринку личный самолет Сулеймана Абусаидовича привозит в Москву уже Кристину Агилеру. Гонорар обеих красоток составил по миллиону долларов за

сорокапятиминутное шоу. И пусть потом другие столичные богачи пытались переплюнуть это достижение, пусть Потанин привез к себе в поместье Джорджа Майкла и заплатил ему целых полтора миллиона, а Андрей Мельниченко привез ту же самую Агилеру, чтобы та спела у него на свадьбе, – все это ровно ничего не значит! Потому что Керимов первым придумал возить в Москву красавиц и привез их больше всех! Говорили, что, если бы нетрагедия в Ницце, на новый, 2007 год он собирался порадовать гостей выступлением мегазвезды Бритни Спирс, – кто, кроме него, на такое способен, а?!

Для таблоидов Керимов был настоящим кладом. Вообще-то он женат и является любящим отцом троих детей. Но слухи все равно появлялись. Газеты все равно писали, что рядом с ним постоянно видят самых красивых женщин страны, всех до единой самых красивых женщин страны! Пресс-служба депутата и мультимиллиардера отказывалась обсуждать личную жизнь патрона, и вообще, насколько все это правда, сказать невозможно. Но сам список впечатляет.

Сперва газеты настойчиво связывали его имя с певицей Натальей Ветлицкой. Уверяли даже, что эта платиновая блондинка является гражданской женой мультимиллиардера. Потом стали появляться слухи о том, что, не прерывая отношений с Ветлицкой, Керимов начал встречаться также и с балериной Волочковой. Впрочем, Волочковой таблоиды постоянно приписывали романы с богатыми мужчинами. Писали даже, что именно она увела жениха (банкира Вячеслава Лейбмана) у светской львицы Ксении Собчак. Ее отношения с Керимовым если и существовали, то продлились недолго. Последнее время того стали замечать в обществе другой красавицы: певицы Жанны Фриске. Однако в Ниццу Керимов уехал даже и не с ней, а другой девушкой... совсем с другой девушкой. 4

1990-е годы для России стали самым развеселым временем за всю ее историю. Рок-н-ролльные концерты проводились прямо на Красной и Дворцовой площадях. Наркотики можно было заказать на дом по телефону, указанному в газете бесплатных объявлений. Страна веселилась и хваталась за все, чего была лишена в предыдущие десятилетия.

Именно в эти годы в России начал складываться собственный средний класс. Это была очень важная революция. В США и Европе к среднему классу принадлежит большинство населения. Хотя так было тоже не всегда. Современное устройство западных обществ появилось только после Второй мировой. Приблизительно к 1960-м там сложилось то общество, которое мы знаем: десять процентов богатых, десять процентов бедных и приблизительно восемьдесят процентов среднего класса.

Главное, что можно сказать об этом классе, — эти люди никому не создают проблем. Они занимаются тем, чем положено заниматься «просто людям»: ходят на выборы, платят налоги, покупают товары, потребляют культуру, много работают. Их жизнь придает обществу стабильность. А главное, эти люди небедны. Бедный не выгоден государству, потому что именно государству придется дать ему то, чего получить сам он не в состоянии. Бедного нужно накормить, дать ему пособие, озаботиться его жильем и обучением детей. Представителя среднего класса кормить не нужно, он не только зарабатывает достаточно для себя и своей семьи, но и платит налоги.

У нас общество устроено совершенно не так, как на Западе. Богатыми у нас является крошечная прослоечка в доли процента. Катастрофически бедными – около сорока процентов населения. А остальные – это просто бедные, а также не очень бедные.

Богатыми русские не были ни до революции 1917-го, ни в советские времена. Нищета — это вовсе не изобретение 1990-х годов. Всего шестьдесят лет назад жители советских деревень, бывало, умирали от голода. Только при Хрущеве средняя зарплата в странесравнялась с прожиточным уровнем. Но даже и в очень благополучные годы Брежнева треть страны жила (по сегодняшним меркам) за чертой бедности: 50миллионов жителей СССР зарабатывали

меньше 80рублей в месяц, а еще 25 миллионов – меньше 50 рублей в месяц.

Однако основная претензия к Советскому Союзу состояла не в том, что жизнь тогда была бедной (к этому русские как раз привыкли), а в том, что советская жизнь была невыносимо скучна. Больше всего она напоминала армию. Все работали на государство, а взамен получали гарантированное жилье и пропитание. Теперь появилась возможность работать на самого себя и получать не просто еду, а ужин в хорошем ресторане. И не просто место для ночлега, а квартиру, оформленную так, как хочется тебе самому. Это воспринималось как невиданная революция. Впервые почти за столетие русские получили возможность ездить за границу и смотреть, как живут другие европейские народы. В крупных городах появились первые магазины действительно модной одежды. И чтобы эту одежду можно было как следует показать, сперва в Петербурге, а потом и в Москве стали открываться ночные клубы. Короче, жизнь удалась.

Все это было еще немножечко невсерьез. Новорожденный русский средний класс выглядел довольно смешно. Средняя зарплата в России даже сегодня раз в десять – двенадцать меньше, чем зарплата среднего американца. И в три-четыре раза меньше зарплаты среднего корейца. А уж в 1990-х по уровню доходов на душу населения Россия шла сразу после Перу. Но это было не важно. Русский средний класс появился и принялся наверстывать упущенное. Люди хотели повеселиться, а веселье в России всегда происходило по принципу: вчера тещу хоронили – два баяна изорвали.

При Горбачеве власть пробовала побороться с традиционным русским пьянством. Теперь все запреты были сняты. Потребление алкоголя в России сразу же побило все мировые рекорды. Даже сейчас, когда эта волна пошла на спад, от алкогольных отравлений в стране умирает семь человек в час. Каждое лето десять тысяч человек, хлопнув водки, идут купаться и тонут. Каждую зиму четыре тысячи пьяных насмерть замерзают на улицах.

Ну, а где водка, там и барышни! В советские времена Россия занимала первое место в мире по количеству абортов. Средняя русская женщина в течение жизни своими руками убивает двух-трех собственных детей. При этом есть и такие, кто отправляется на аборт ежегодно в течение всей жизни. В девяностые годы количество абортов достигло фантастического уровня: три миллиона только официально убитых детей в год.

Кроме того, к середине 1990-х массовым явлением стала проституция. В небольших русских городах семь процентов девушек выбирают в качестве профессии облизывать мужские члены. То есть в каждом выпускном классе средней школы три-четыре девушки не поступают в вуз и не выходят замуж, а сразу отправляются в сауны и на обочины дорог.

Многопьющие мужчины и постоянно делающие аборты женщины. От такой жизни треть жителей России не могут иметь детей. А от тех детей, что все-таки рождаются, родители отказываются в одном случае из десяти. Количество беспризорников в России — самое большое в мире: около миллиона детей, живущих на улице без родителей. При этом если каждая седьмая семья в Европе или США воспитывает усыновленного ребенка, то у нас усыновители — одна семья из четырех тысяч.

В девяностые годы о нравственности и сострадании вспоминали редко. Жизнь пошла, конечно, веселая, но больно уж бессмысленная. Деньги появились, да и развлечения тоже, а вот счастья как не было, так и нет. Не понимая, как жить дальше, приблизительно десять тысяч человек в месяц решают покончить с собой. И что тут можно поделать? По идее, противопоставить такой жизни хоть что-то должна была церковь, да только у русской церкви дела в 1990-е шли тоже не очень.

Западные церкви (и католическая, и протестанты) всегда были четко отделены от государства. В этом есть несколько минусов, но есть и один огромный плюс. Если

государство вдруг начнет рушиться, независимые от него церкви не рухнут вместе с ним. В России дела обстояли совсем иначе. У нас церковь всегда была жестко встроена в государственный аппарат. Даже в советские времена руководство церкви было не независимой силой, а просто очень высокопоставленными государственными чиновниками. И теперь, когда все государственные институты развалились, могло ли осколками не задеть и церковь тоже? 5

21 ноября 2006 года было подписано распоряжение о создании в Москве «Объединенной гостиничной компании». Новой структуре должны были принадлежать двадцать дорогущих столичных отелей: «Националь», «Метрополь», «Балчуг». Контрольный пакет переходил в собственность компании «Нафта – Москва». Стоимость пакета равнялась нескольким миллиардам долларов. Подписав все необходимые документы, владелец «Нафты» Сулейман Керимов облегченно вздохнул и решил, что теперь самое время отдохнуть.

25 ноября в три часа дня его личный самолет приземлился в аэропорту французского города Ницца. Выйдя из здания аэропорта, Керимов и его спутница сели за руль черного автомобиля «Ferrari» со швейцарскими номерами. Автомобиль принадлежал товарищу Керимова, бизнесмену Александру Штудхалтеру. В Ниццу депутат прилетел ненадолго, только перевести дух после сделки. Тащить свою машину ему не хотелось, и Штудхалтер просто отдал ему ключи от собственного «Ferrari». Керимов любил все самое лучшее, в том числе и автомобили.

«Ferrari Enzo» назван в честь своего основателя Энцо Феррари. В 2003 году было принято решение о выпуске эксклюзивной серии в количестве всего 349 штук. Через какое-то время выпустили еще пятьдесят, а затем и последний, четырехсотый экземпляр, который подарили лично папе римскому.

Позже, уже после аварии, один из владельцев точно такой же машины рассказывал журналистам: «По сути, это не просто автомобиль, а гоночный болид "Формулы-1", одетый дизайнерами в яркую, но солидную одежду. Размер вашего счета — вовсе не основание для того, чтобы владеть этим произведением искусства. Все они делаются под заказ, и ждать приходится около двух лет. При этом каждый владелец этого автомобиля является личным другом президента "Фиат «Луки ди Монтедземоло. Компания сама выбирала себе покупателей, причем задолго до того, как первый болид был продемонстрирован на автосалоне в Великобритании. А если кто-то из владельцев решил бы избавиться от машины, компания сама выкупит этот раритет".

История, конечно, красивая, но не совсем соответствует реальности. Купить «Ferrari Enzo» можно, хотя это и обойдется вам в копеечку. Отпускная цена у производителя составляет приблизительно 650 тысяч евро, а за миллион двести тысяч такую машину можно купить даже в России. По крайней мере, так позже писали спортивные обозреватели. А вот что является полной правдой, так это необычная даже для спортивных машин мощь «Enzo». До ста километров автомобиль разгоняется за две с половиной секунды. До трехсот пятидесяти – за семь секунд. По слухам, таким автомобилем владеет даже прославленный гонщик Шумахер, но на улицу на нем он предпочитает не выезжать: рискованно.

Керимов за руль сел не раздумывая. Автомобиль направился в сторону Ниццы. Рядом с водителем сидела красивая брюнетка. Кем она была, спорить об этом газеты будут еще год.

Первые сообщения информагентств называли имя телеведущей Тины Канделаки. Такая красавица вполне могла сидеть в машине Керимова. В 2005-м Канделаки была признана самой сексуальной телеведущей России, а в 2006-м стала обладательницей главной русской ТВ-премии «ТЭФИ» в номинации «ведущий ток-шоу». Сразу после вручения этой премии Канделаки и вылетела на Лазурный берег. Утверждалось, что во время аварии она почти не пострадала. У нее были обожжены бедра и ладони. После оказания первой помощи

Канделаки вылетела назад в Москву.

Проверить эти сообщения папарацци не могли два дня подряд. Телефон Канделаки не отвечал. На канале сообщали, что Канделаки ни в какой Ницце не была, а вылетела в Киев снимать новые выпуски передачи «Самый умный». Потом журналистка «Комсомольской правды» наконец дозвонилась. Состоявшийся диалог потом цитировали все до единой русские газеты:

- Ну что вы растерялись?! Ну спрашивайте, как я жива-здорова? с ходу бросилась в атаку Канделаки, когда поняла, что звонит журналист.
- Как вы себя чувствуете, Тина?
- Чудесно! Если хотите заразиться свинкой, то приезжайте ко мне в гости!
- Спрошу прямо, вы были с Керимовым в момент аварии?
- Какая авария? Вы в своем уме? Если вы водите машину, то должны понимать, что после такой страшной аварии, в которую попал Сулейман, невозможно было просто выбраться оттуда без последствий. Что же это получается: я вылезла из раскуроченной машины, отряхнулась и пошла дальше? Я сижу дома и ем пельмешки! У меня свинка! Аппетит хороший. Все нормально.
- А как же вы заболели?
- У меня двое маленьких детей. Один болеет корью, а другой заразил меня свинкой. Что тут удивительного?
- Вы знакомы с Керимовым?
- Конечно знакома. В общем-то, я со многими людьми из этого круга знакома.
- Говорят, вас видели с Сулейманом Керимовым на спектакле в «Сатириконе». Утверждают, что вы вели себя, как на свидании...
- Ну и что тут такого? Да, мы были в театре!
- И еще говорят, что Керимов пригласил вас вести новогоднюю вечеринку для элиты.
- Не хочу об этом говорить. Зачем вам это?
- Просто хочется понять, кто для вас Сулейман Керимов...
- Это моя частная жизнь! Понимаете, человек сейчас находится в тяжелом состоянии. Он между жизнью и смертью... Это и его частная жизнь, а вы задаете такие вопросы! Тем более мне сейчас некогда с вами разговаривать. Я кушаю пельмени.

Была или не была? Что вообще произошло в Ницце и при чем тут свинка? Комментарии прессе начали давать самые неожиданные персонажи. Со слов «друга семьи» сообщали, что, прочитав обо всем в газетах, муж избил Канделаки и именно поэтому она не может появиться на публике. Жена одного из депутатов Думы, порноактриса Елена Бондарь, уверяла, что в машине сидела одна известная певица, но ей светиться нельзя, и поэтому Тина, как верная подруга, взяла все на себя. Позже появились сообщения, что спутница Керимова даже погибла, отсюда и вся эта таинственность.

Обозревательница журнала «Newsweek» так прокомментировала все эти события:

– Заграница умирает от зависти, а настоящие патриоты понимают: это победа. Им нас уже не

догнать. Элитный «Ferrari Enzo» за миллион долларов на Лазурном берегу – это вам не подержанный 140-й «мерседес» в Париже, цена которому и тогда-то была от силы шестьдесят тысяч долларов. На какой отстойной тачке мультимиллиардер Доди аль-Файед возил свою английскую леди Ди! Наша леди – совсем не такая! И красавец Сулейман – не чета Доди. Наш уроженец Дербента за несколько лет прошел тот путь, на который представители семьи аль-Файедов угрохали два поколения!

За всей этой шумихой мало кто вспоминал о том, что Керимов пострадал действительно очень серьезно. Обожжено у него было целых семьдесят процентов кожи. В госпитале он провел несколько месяцев, впрочем, слава богу, поправился.

После нового, 2007 года он смог вернуться в Москву. История продолжалась.

Олег Дерипаска

Четвертое место:

Олег Дерипаска (1968 года рождения).

Около \$17 миллиардов, компания «Базовый элемент»

1

Точный размер состояния Олега Дерипаски назвать сложно. Но в любом случае это очень большое состояние. Журнал «Forbes» ставит Дерипаску на второе место среди самых богатых русских, сразу после Романа Абрамовича. Отечественное издание «Финанс» с такой оценкой не согласно: этот журнал отдает первое место как раз Дерипаске. По прикидкам «Финанса», тот на целых \$200000000 богаче Абрамовича.

На самом деле биографии Дерипаски и Абрамовича чем-то похожи. Они почти ровесники (Абрамович старше Дерипаски всего на год). Оба родились вдалеке от Москвы, в очень небогатых семьях. А главное, и тому, и другому к вершинам пришлось карабкаться самостоятельно. Они не закачивали элитных вузов, им не помогали папы-чиновники. Зато результатов и Дерипаска, и Абрамович добились просто блестящих.

Дерипаска – белорусская фамилия. При этом родился Олег в Поволжье, а вырос на юге, в Краснодарском крае. После школы ушел в армию: ракетные войска, Забайкальский военный округ. После армии поступил на физический факультет МГУ. Окончил его с красным дипломом. Типичный парень из глубинки с амбициями. Из тех, что приезжают в Москву с десятью рублями в кармане, а потом работают по двадцать пять часов в сутки, но своего добиваются.

Еще учась в университете, Дерипаска создал первую собственную компанию, совсем крошечную. А с 1992 года он начал работать брокером на Российской товарно-сырьевой бирже. Профессия брокера тогда казалась невероятно экзотической и прибыльной. Казалось, что те, кто работает на бирже, купаются в деньгах, как герои мультика про Скруджа МакДака. Хотя на самом делеэто совсем не так. Брокер – довольно рискованнаяпрофессия. До восьмидесяти процентов игроков набирже разоряются, едва начав самостоятельные действия.

Олег сумел не разориться, а, наоборот, разбогатеть. Правда, на бирже он играл недолго. Всего через два года его карьера делает первый зигзаг. В ноябре 1994 года двадцатишестилетний Олег стал генеральным директором Саянского алюминиевого завода.

Когда Дерипаска и Абрамович делали в бизнесе первые шаги, бывшая советская собственность была давно поделена. Все, что можно было безболезненно приватизировать, давно перешло в частные руки. Молодым и амбициозным приходилось начинать под крылом кого-то из более взрослых партнеров. Абрамович начал бизнес совместно с олигархом Борисом Березовским. А для Дерипаски трамплином в большой бизнес стало сотрудничество с братьями Черными.

В 1994-м братья Лев и Михаил Черные обратились к молодому брокеру Дерипаске с предложением скупить для них акции Саянского алюминиевого завода. На тот момент за предприятие боролось несколько бизнес-структур. Борьба шла очень напряженная, однако Олег провел операцию без сбоев. Завод перешел к братьям Черным. Ну а в качестве благодарности управлять заводом те поставили энергичного молодого финансиста.

Из брокеров стать гендиректором гигантского завода — такой карьерный взлет мог вскружить голову кому угодно. Однако Дерипаска расслабляться не собирался. Вокруг нового гендиректора собралась профессиональная команда. Заместителем Дерипаски в то время был Владимир Эренбург, внук известного писателя Ильи Эренбурга. Работа предприятия была оптимизирована. Выплавка металла увеличилась больше чем в полтора раза. Какое-то время Олег просто управлял САЗом, как доверенное лицо владельцев. А потом, когда обстоятельства изменились, снова использовал ситуацию на все сто.

Закат империи Черных начался сразу после того, как в отставку был отправлен первый вице-премьер правительства Олег Сосковец. До отставки именно Сосковец курировал металлургические направления. Именно он определял правила игры в этом бизнесе. После отставки Сосковца дела в отрасли пошли совсем иначе. Звезда братьев Черных закатилась. Буквально за пару лет в России они потеряли почти все и сегодня живут как эмигранты в Израиле.

Черные уехали, а их собственность осталась. Теперь владельцами заводов и комбинатов стали бывшие молодые партнеры братьев, те, кто прежде находился на вторых ролях. В сегодняшний список журнала «Forbes» входит сразу четыре человека, построивших состояния на руинах империи Черных. Самое крупное из состояний принадлежит Олегу Дерипаске.

К концу 1990-х Олег стал фантастически богат. У него были дом в центре Лондона стоимостью \$25 миллионов, многоуровневая квартира в Париже, дача в Гаграх, когда-то принадлежавшая Сталину, поместье в Подмосковье, когда-то принадлежавшее графам Апраксиным, резиденция в итальянском Порто-Черво и собственная горнолыжная трасса в Хакасии. И при этом Олег все еще оставался холостяком. То есть girl-friend у него, конечно, была: говорили, что это красавица телеведущая Александра Буратаева. Неизвестно, насколько это правда, — официально Буратаева была замужем за совсем другим человеком. То есть о ее свадьбе с Дерипаской речь идти не могла. Тем не менее женить Олега Владимировича пресса пыталась чуть ли не ежегодно.

Когда он, еще совсем молодой брокер, возглавил гигантский завод, наблюдателям показалось, что все это неспроста. В марте 1997 года «Общая газета» писала, что своей карьерой Дерипаска обязан даме сердца. Дело в том, объясняла газета, что молодой человек планирует жениться на дочери могущественного вице-премьера Олега Сосковца. Информация с самого начала казалась нелепицей, однако в биографических справках на Дерипаску некоторые газеты еще долго указывали: «зять Сосковца».

Спустя год о свадьбе юного миллионера писали уже «Аргументы и факты». Только в роли невесты на этот раз фигурировала совсем другая девушка: Лиза Березовская. Борис Березовский в тот момент находился на пике могущества. Пресса прямо называла его самым богатым и влиятельным человеком России, и олигарх никогда с этим не спорил. Казалось бы,

вполне понятный ход: начинающий предприниматель вступает в брак с наследницей гигантского состояния и после этого станет вести дела на пару с умудренным тестем. Однако свадьбы не случилось и на этот раз.

Журналисты предполагали, что дело тут в разнице темпераментов. Олег Дерипаска, в общем-то, очень положительный молодой человек. Прилежно работающий. Трогательно заботящийся о своей маме. А Лиза Березовская имела репутацию беспредельнейшей тусовщицы. Знаменитый трансвестит Владислав Мамышев-«Монро» любит вспоминать, как жил у Лизы дома и как-то устроил там пожар стоимостью в миллион долларов, причем произошло это в тот же вечер, когда Влад увел у Лизы парня. Она снималась в клипах группы «Мумий Тролль», ее приятелями были фрики и диск-жокеи, а возле петербургского клуба «Грибоедов» милиционеры как-то прихватили ее с несколькими граммами кокаина.

С Лизой Березовской у Дерипаски так ничего и не получилось. Однако брак Олега Владимировича с дочерью самого влиятельного человека страны все-таки был заключен. Правда, этим человеком стал уже не Березовский. 2

Конец эпохи молодого и радостного русского капитализма можно датировать с точностью чуть ли не до часа. Апокалипсис случился 17 августа 1998 года, где-то ближе к обеду. Утром все было еще нормально, а к вечеру все понимали: произошло страшное.

В 1990-х в России была выстроена определенная финансовая модель. Можно считать ее хорошей, можно не очень, но долгое время модель работала. У олигархов был доступ к власти, у власти – доступ к деньгам олигархов. Казалось, что теперь так будет всегда. Однако колосс оказался стоящим на глиняных ногах. Когда он рухнул, обломками задело всех.

Накануне президентских выборов 1996 года в ходе залоговых аукционов правительство передало олигархам практически все стратегические предприятия страны. Крупнейшие нефтяные и металлургические заводы перешли в частные руки. Раньше деньги от продажи нефти шли в государственный бюджет. Именно из этих денег правительство платило учителям, врачам и пенсионерам. Теперь эти деньги шли лично «семибанкирщине». За какие-то пару лет после выборов бюджет оказался совсем-совсем пуст.

Нужно было срочно искать выход, но выхода не было. Кроме того, что было продано на залоговых аукционах, в России, собственно, ничто и не работало. Ну, и очень скоро дела пошли не просто плохо, а очень плохо. И тогда правительство решило пополнить бюджет с помощью так называемых ГКО (государственных краткосрочных обязательств).

Суть дела проста: ГКО – это финансовая пирамида. Государство продает желающим «обязательство», на котором написано, за какую сумму и когда оно выкупит бумагу обратно. Банк покупает «обязательство» за миллион, а правительство обещает, что через полгода (год... полтора...) выкупит ее за два (три... пять...) миллионов. Когда приходит время расплачиваться, государство печатает новую партию ГКО и из этих денег покрывает старые долги.

Вся эта схема была описана еще в книге «Занимательная арифметика» 1926 года издания. И там же было написано, что каждая пирамида непременно закончится обрушением. Деньги, поступавшие от последних вкладчиков, идут на выплаты первым, и все неплохо работает, но только до тех пор, пока пирамида не рушится. В этот момент те, кто успел вытащить деньги, фантастически обогащаются, а остальные остаются ни с чем.

Первые финансовые пирамиды появились в России летом 1993-го. Устроены они были частными жуликами и просуществовали недолго. Самой известной из всех стала пирамида «МММ». Бумаги этой пирамиды купили несколько миллионов человек. Летом 1994 года пирамида рухнула. Люди, вложившие деньги последними, как и было обещано, остались ни с чем. Несколько сотен человек покончили с собой. Несколько сотен тысяч – потеряли все, что

имели. Суды по делу «МММ» будут длиться еще пятнадцать лет.

Государственная пирамида ГКО появилась в том же году, что и «МММ». Но в отличие от частных мошенников, вовремя свернуть деятельность государство неуспело. По идее, прикрывать ГКО нужно было в 1995–1996-х. Но тогда сделать это было невозможно: в стране шли выборы. Отталкивать банкиров было ни в коем случае нельзя. А после выборов ситуация вышла из-под контроля. В этой игре крутилось уже 15 миллиардов долларов. Обрушить пирамиду было, конечно, можно, но деньги потеряли бы слишком многие. Правительство продолжило выпускать свои «обязательства». Как из всего этого выкручиваться, никто не понимал.

К весне 1998-го долг, который правительство обещало выплатить, достиг 60 миллиардов долларов. Взять такие фантастические деньги было просто неоткуда. Весь доход государства составлял только три с чем-то миллиарда — в двадцать раз меньше, чем нужно. За неделю до дефолта Международный валютный фонд перевел в Россию \$4,8 миллиарда, однако эти деньги ситуацию тоже не спасли. Более того: никто и до сих пор не знает, куда именно они делись.

Положение становилось катастрофическим. Однако первые люди государства упрямо верили, что все рассосется как-нибудь само. Накануне дефолта президент Ельцин уехал на Валдай на рыбалку, Чубайс отправился в отпуск на европейские курорты, а премьер Кириенко вылетел с визитом в Казань. Даже когда выяснилось, что расплатиться по «обязательствам» государство не сможет и игроки начали сбрасывать ГКО, а рынки охватила паника, даже тут руководству страны все еще казалось, что ничего особенного не происходит.

По большому счету придумать хоть что-то было можно. Отдельные министры предлагали варианты. Но сделано не было ничего. И август того года стал кошмаром, от которого страна не оправилась до сих пор.

Биржевая паника — событие довольно обычное. Собственно, биржа для того и существует, чтобы кто-то терял, а кто-то находил. Но обычно обрушение рынка ценных бумаг затрагивает только самих игроков. Тех, кто знал, на что идет и чем рискует. Августовский дефолт 1998 года обрушил ВСЮ русскую экономику. Пытаясь хоть как-то удержать пирамиду от падения, государство полностью опустошило бюджет. Денег в стране больше не было — вообще. Национальная валюта рубль больше не имела никакой стоимости. А население (люди, привыкшие расплачиваться рублями) потеряло все, что скопило за предыдущие годы. Полностью преодолеть последствия того августа Россия не смогла и десять лет спустя. Эти дни стали кошмаром, до сих пор преследующим любого русского, которому есть что терять.

До августа 1998-го всем казалось, будто страна строит прекрасное будущее, в котором все мы заживем наконец без бед. А оказалось, что строили всего-навсего финансовую пирамиду. Прежде над простофилями, игравшими в бумажки «МММ», можно было смеяться. Но теперь обманутым вкладчиком оказалось все население страны. Утром в понедельник, 17 августа, доллар стоил еще шесть рублей, а к обеду уже почти двадцать. Следующие три дня курс доллара побил все рекорды. К среде он возрос на 600 %. Впрочем, цена была чисто виртуальная: купить доллары за рубли было невозможно. Уже вечером в понедельник население бросилось вкладывать рубли хоть во что-то. В магазинах сметали самые залежалые товары, ведь завтра рубль не будет стоить вообще ничего! Цифры на ценниках менялись раз в два-три часа. Подобной паники страна не видела с 1920-х годов. Банки не работали. Кредитные карточки нигде не принимали. Магазины были пусты, а таможенные склады переполнены. Некоторые главы республик распорядились запереть границы. Стоит ли говорить о том, что любые виды зарплат тоже не платились?

Дума бросилась искать виноватого. Молодой тридцатишестилетний премьер Кириенко вылетел с должности. Одинокий, растерянный, он собрал личные вещи и, заперев

премьерский кабинет в Белом доме, вышел к шахтерам, пикетирующим правительство. В руках у него была бутылка водки «Кристалл». Премьер-расстрига предложил забыть старые обиды и хлопнуть по рюмашке. Шахтеры пить с ним отказались. Кириенко уехал домой, а на следующий день вылетел в Австралию понырять с аквалангом.

После этого правительства в стране не было почти месяц. Ельцин дважды предлагал Государственной Думе вернуть в кресло премьера старого доброго Виктора Черномырдина. Дума дважды ответила отказом. Если бы президент внес ту же самую кандидатуру третий раз и ее бы третий раз отвергли, то, по Конституции, после этого Думу следовало бы распустить. Но на это Ельцин не пошел. Оставить страну без денег, без правительства и плюс еще без Думы – даже для безумных 1990-х это было перебором.

Общее ощущение было апокалипсическим. Московские газеты выходили с заголовками типа «Финансовый кошмар никак не может кончиться», «Мамай в России», «Инфляция власти: президент бездействует, правительства нет». Шахтеры сидели под окнами правительства и неделя за неделей долбили касками об асфальт. В регионах жители перекрывали автомобильные и железнодорожные пути. Забурлил Северный Кавказ. По телевизору сообщали, что в Северодвинске матрос срочной службы застрелил восьмерых спящих товарищей и двое суток удерживал под контролем атомную подводную лодку с шестнадцатью торпедами на борту.

Окружение Ельцина паниковало. Хуже, чем сейчас, быть уже не могло. Пресс-секретарь Ястржембский и секретарь Совета безопасности Кокошин уверяли, что пора передавать всю полноту власти московскому мэру Лужкову. Обуздать анархию сможет только он, другого выхода нет. Обоих паникеров Ельцин, выслушав, сразу уволил.

Высшие чиновники мучительно перебирали возможные кандидатуры на пост премьера. Встать во главе страны и начать разруливать ситуацию было некому. В конце концов была предложена кандидатура Евгения Примакова, бывшего шефа внешней разведки. Поскольку других вариантов не было, 11 сентября 1998 года премьером стал Примаков. 3

Ситуация в стране была из рук вон, а взяться за исправление ситуации было некому. К 1998 году государственная власть была полностью парализована. Правительства не существовало, Дума была укомплектована вообще странными персонажами, а работоспособного президента в стране не было уже несколько лет подряд.

Сразу после президентских выборов 1996 года Борис Ельцин слег. Информацию о его здоровье доводили до населения очень дозированно. Дела обстояли так, что за предыдущий год Ельцин перенес не хухры-мухры, а целых пять инфарктов подряд. То есть страна избрала себе руководителя, который после выборов не мог не то что выполнять обязанности, но даже и самостоятельно передвигаться.

Выстояв долгую инаугурацию, Ельцин сразу же переехал в Центральную клиническую больницу. Там в ноябре 1996-го ему была сделана операция по аорто-коронарному шунтированию. После этого на рабочем месте он смог появиться только через несколько месяцев, да и то ненадолго. Остаток второго президентского срока Ельцин провел под наблюдением врачей. В Кремль он приезжал нечасто и ненадолго.

Кто именно должен заниматься текущими делами, понятно не было. Президент заниматься ими не мог, но сами дела при этом никуда не девались. Обходиться вовсе без руководства власть не умела. И пока президент болел, его обязанности стала понемногу выполнять Татьяна Дьяченко, младшая дочь Ельцина.

С Татьяной у Бориса Николаевича всегда были очень близкие отношения. Когда она родилась, Ельцину было уже за тридцать. Дочку не баловали, но она всегдаосознавала, что является папиной любимицей. В 1977-м Таня окончила школу и уехала в Москву поступать в

МГУ. Там она вскоре вышла замуж за одногруппника, родом из Башкирии, которого звали Вилен Хайруллин. У молодоженов родился сын Боря. Впрочем, брак продлился недолго. Всего через год после рождения сына, супруги расстались.

Закончив математический факультет университета, Татьяна начала работать программистом в одном из московских НИИ. По работе она тесно общалась с молодым конструктором Леонидом Дьяченко. Вскоре был зарегистрирован второй брак. Ну, а чтобы воспоминания о неудачном первом замужестве поскорее стерлись из памяти, маленькому внуку президента записали фамилию деда (Ельцин) и отчество отчима (Леонидович).

Шли годы. Борис Николаевич вслед за дочерью тоже переехал в Москву и сделал там неплохую политическую карьеру. В первые годы папиного президентства Татьяна перешла на работу в банк «Заря Урала», а ее муж занялся торговлей нефтью. У супругов родился еще один сын – Глеб. Не знаю, насколько это правда, но газеты писали, что сегодня этот малыш тяжело болен: страдает тяжелой формой аутизма.

Выполнять кое-какие поручения отца Татьяна начала еще до выборов 1996 года. Но тогда она ждала сына и полностью посвятить себя политике не могла. Зато после родов Татьяна оставила наконец работу в банкеи перешла на государственную службу. Теперь ее должность официально называлась «Советник Президента РФ».

Получить доступ к больному президенту во второй половине девяностых могли только самые близкие люди. В основном это были члены семьи Ельцина: его жена или дочь Татьяна. Именно к Татьяне стали обращаться за помощью те, кому нужно было срочно решить тот или иной вопрос. Постепенно вокруг нее сложилась группа высокопоставленных чиновников и мультимиллиардеров. Газеты называли этих людей «Семья» и обвиняли в том, что они, по сути, правят страной от лица недееспособного президента.

Самой Татьяне в тот момент было всего тридцать шесть. Она была молодой и привлекательной женщиной. Однако ее второй брак также начал давать трещины. Куда чаще, чем с супругом, она теперь общалась с людьми из правительства и бизнесменами. А ее ближайшим другом стал бывший журналист журнала «Огонек» Валентин Юмашев.

В конце 1990-х Юмашев был очень влиятельной фигурой. При этом он был почти неизвестен широкой публике. Утверждали, что в свое время его мама работала домработницей у писателя Корнея Чуковского, да и самому Валентину литературные занятия были не чужды. С Ельциным он познакомился, когда тот попросил молодого журналиста отредактировать свои мемуары. Начал Юмашев как личный литератор президента, но вскоре сделал неплохую карьеру и даже возглавил Администрацию Президента.

Дочь президента общалась с руководителем президентской Администрации довольно часто. Просто потому, что лишь они вдвоем имели почти свободный доступ к тяжелобольному Борису Николаевичу. Рабочие встречи быстро переросли во взаимную симпатию. Кроме всего прочего, у Татьяны и Валентина были и чисто житейские поводы для общения. Дело в том, что их дети вместе учились: и Борис Ельцин-младший, и Полина Юмашева закончили элитный колледж в Миллфилде (Великобритания).

Это было закрытое и очень дорогое учебное заведение. Туда отправляли своих детей многие высокопоставленные чиновники. Например, в Миллфилде учился сын Анатолия Чубайса от первого брака. Образование в колледже давали очень серьезное, и если молодые люди решали потом поступать в университет, проблем никогда не возникало. Впрочем, молодая и симпатичная Полина Юмашева, закончив колледж, не стала продолжать образование, а быстро вышла замуж. Звали ее избранника Олег Дерипаска.

Свадьба Полины и молодого мультимиллиардера состоялась в 2001 году. Дата бракосочетания почти совпала с днем покровителя влюбленных святого Валентина. Сама

церемония прошла очень торжественно. Гостями были известные и влиятельные люди. Вскоре у молодоженов родился первенец, а спустя два года еще и дочь.

Олег очень трогательно заботился о супруге. Роды проходили в Великобритании в довольно дорогой клинике «Хаммерсмит», в которой, например, рожала актриса Джулия Робертс. А всего через несколько месяцев после того, как в «Хаммерсмит» родился сын Олега Дерипаски, в ту же самую клинику приехала рожать и мачеха Полины, Татьяна Дьяченко. Вернее, к тому времени уже Татьяна Юмашева.

Несколько лет Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев старались не афишировать свои отношения. Однако в начале 2000-х они все же зарегистрировали свой брак официально. В 2002-м у супругов родилась дочка Маша. Теперь Дьяченко, Юмашевы и Дерипаски были одной большой семьей. Газеты острили на эту тему и писали, что раз Дерипаска женился на дочери Юмашева, который, в свою очередь, женился на дочери президента, то теперь молодого миллиардера можно смело называть внуком Бориса Ельцина. 4

Впрочем, все это будет позже. А пока, в 1998-м, ничто не предвещало, что дела разрешатся столь идиллически.

До выборов оставалось около года. Эпоха Ельцина заканчивалась на минорных нотах. Дефолт, экономический коллапс, пустой бюджет страны и созревшее для голодных бунтов население. Было ясно, что разбираться со всем этим придется уже следующему президенту. Причем этот следующий президент вполне мог начать с показательных расправ над окружением президентапредыдущего. Люди, сплотившиеся вокруг Ельцина, смотрели в будущее без оптимизма.

Трамплином, с которого обычно запрыгивают в президентское кресло, была должность главы правительства. То есть следующим президентом должен был стать тот, кто сегодня занимал пост премьер-министра. После августовского дефолта 1998 года пост премьера занимал Евгений Примаков.

Евгений Максимович был человеком старой, еще брежневской закалки. Даже его манера говорить сразу заставляла вспомнить неторопливые и безоблачные 1970-е. Правительство он возглавил в момент полного хаоса, и вдруг всем показалось, что выход есть и вообще ситуация еще может обернуться к лучшему.

В начале 1999-го Примаков отправился с визитом в США. Самолет премьера уже был в воздухе, когда Евгению Максимовичу сообщили, что НАТО начало бомбить Югославию. Янки давно собирались начать эти бомбардировки, и все в мире вроде бы были за, только русские были против. Сербы для русских были братьями. Ракеты, взрывающиеся в Белграде, — это все равно что бомбы, сброшенные на Москву. Однако в то же время все понимали: ссориться с Америкой ради какой-то там Югославии русское руководство не станет. Тем более после дефолта. На дворе давно не советские времена, чтобы ссориться с Америкой, от которой Россия теперь полностью зависит. И каков же был всеобщий восторг, когда, узнав о начале бомбардировок, Примаков распорядился развернуть свой уже летящий в США самолет.

Дефолт дефолтом, но национальную гордость продавать за доллары нельзя, объяснил премьер. Примаков развернул самолет и тут же стал всенародным любимцем. В стране совсем не было денег, а экономика полностью развалилась, но думали все не об этом, а о том, что первое лицо государства впервые за десять лет вдруг совершило самостоятельный поступок. Примаков развернул самолет и тем поднял Россию с колен. И пусть пока мы живем лишь на деньги американских фондов, мы все равно немножко великая держава! А раз мы великая держава, значит, все будет хорошо. Несмотря на дефолт. Несмотря на астрономические долги России. Несмотря ни на что.

Впрочем, на своей должности Примаков продержался всего восемь месяцев и один день. В

апреле он был вызван в Кремль для доклада о состоянии дел. Примаков вошел в кабинет Ельцина и достал бумаги. Однако президент слушать его не стал, а с ходу заявил, что принято решение о его отставке. Примаков спокойно убрал бумаги обратно в папку и сказал, что не согласен с этим решением. «Указ уже подписан», – хмурясь, ответил Ельцин.

До президентских выборов оставалось всего ничего. Тот, кто займет кресло премьера, станет следующим президентом. Ельцин, как и прежде, проводил большую часть своего времени в больнице, а его окружение понятия не имело, на кого делать ставку. Опять, как и после дефолта, появились разговоры о том, что премьером нужно делать московского мэра Лужкова.

Десять лет назад безвольный и нерешительный Горбачев громоздил ошибку на ошибке. А московским градоначальником тогда был молодой и энергичный Ельцин. Пришел момент, когда он просто выдернул стул из-под старого президента. Тогда победа казалась окончательной, но это было десять лет назад. Теперь история повторялась. Моложавый, энергичный московский градоначальник опять должен был смести с дороги осточертевшего президента. Только теперь президентом был уже сам Ельцин, а московским градоначальником был энергичный Юрий Лужков. То, что именно он станет следующим президентом России, было ясно с середины 1990-х.

Уже во время выборов 1996 года рейтинг Лужкова был значительно выше, чем рейтинг Ельцина. В списке наиболее влиятельных политиков России он занимал вторую строчку и опережал даже премьер-министра Черномырдина. Однако на тех выборах Лужков выдвигался только на пост московского мэра. Ему удалось добиться рекордных результатов: почти девяносто процентов голосов. Лужкову оставалось подождать четыре года, и никто уже не смог бы помешать ему стать президентом.

После дефолта Лужков понял: время пришло. В самом конце 1998 года в Колонном зале Дома союзов прошел учредительный съезд его собственной партии «Отечество». Прекрасно понимая, куда дует ветер, в «Отечество» начали вступать высокопоставленные госчиновники. Сперва робко, а потом так, что на всех не хватало членских билетов.

Лужков объяснял населению свою программу. Видели, как хорошо идут дела в новой Москве? Скоро точно так же будет выглядеть и вся остальная страна. Сильная Россия! Крепкая власть! Рыночная экономика!

Десять лет назад, когда боролись Ельцин и Горбачев, главными национальными идеями в России были антикоммунизм и рыночная экономика. За коммунистов и против капитализма мог выступить только полный маргинал. Теперь всем опять хотелось перемен. Впервые за десять лет начались разговоры о том, что у России путь собственный. Ни на кого в мире не похожий. В советские времена «американское» означало «хорошее». Прежде все верили в великую американскую мечту, а теперь в то, что русским Америка не указ.

Богатеть, конечно, нужно, объяснял Лужков, но не по американским рецептам, а по нашим собственным! В этом с московским мэром были согласны все политики страны. О том же самом говорил премьер-министр Евгений Примаков. Об этом же говорили региональные лидеры. А когда через некоторое время олигарх Борис Березовский стал создавать собственный блок «Единство», то там главным пунктом программы опять был патриотический капитализм.

Через полгода «Отечество» объединилось с движением «Вся Россия». Во главе этого блока стояли петербургский губернатор Яковлев и президент Татарстана Шаймиев. Огромные билборды с лицами лидеров блока появились по всей стране. Лужков в этом блоке представлял Москву, Яковлев – вторую столицу, а Шаймиев олицетворял регионы и национальные окраины. Глядя на эти гигантские плакаты, любой понимал: новый блок – это

сила, одолеть которую нереально. Чиновники массово бежали с тонущего корабля и в открытую присягали Лужкову.

Окружение Ельцина выглядело беспомощным, растерянным, не способным совладать с ситуацией. А Лужков производил впечатление уверенного и целеустремленного. Все, что предпринимала власть, было каким-то хаотичным и судорожным. А Лужков запросто брал все намеченные высоты. Власть продолжала тасовать премьеров. За десять месяцев после дефолта их сменилось трое. Но опереться было все равно не на кого. В том, что следующего президента России будут звать Юрий Михайлович, в 1999-м не сомневался никто.

Виктор Вексельберг

Третье место:

Виктор Вексельберг (1957 года рождения).

Около \$11 миллиардов, компания «Ренова», «Тюменская нефтяная компания» (ТНК-ВР)

1

Биография Виктора Вексельберга бедна внешними событиями. Он родился на самом западе Украины, в Львовской области. Приехал учиться в Москву, окончил Институт инженеров транспорта. Остался в аспирантуре, защитил, женился на институтской одногруппнице. В конце 1980-х вместе с институтскими приятелями начал делать бизнес: продавал насосы для нефтедобывающих предприятий. Еще за десять лет до этого один из однокурсников Вексельберга эмигрировал в США. Теперь, отыскав старого товарища, Виктор Феликсович смог наладить коммерческие связи с заграницей. В общем, дело пошло.

За следующие пятнадцать лет партнеры Вексельберга почти не изменились. Из молодых предпринимателей они превратились в матерых миллиардеров, но костяк компании и до сих пор составляют приятели-одногруппники. Единственным заметным новым лицом стал Александр Зарубин (последний муж певицы и телеведущей Лолиты). А в остальном это все та же старая институтская команда.

Первые русские миллионы ковались на торговле металлами. И Вексельберг начинал тоже с этого. Сперва он продавал на Запад медный металлолом. Потом вложил вырученные деньги в алюминиевый заводик. Пока будущие олигархи толкались и мешали друг дружке в тесной Москве, Вексельберг один из первых обратил внимание на региональную власть. На выборах он поддержал кандидата в уральские губернаторы Эдуарда Росселя. И когда тот выборы выиграл, купил несколько довольно крупных уральских предприятий.

К концу 1990-х Виктором Феликсовичем была создана вторая по величине алюминиевая империя России (первой владел Олег Дерипаска). Не останавливаясьнадостигнутом, в 1997 году Вексельберг покупает еще ипакет акций «Тюменской нефтяной компании». Нефть — это был уже совсем другой уровень. К этой стратегической области государство подпускало тольконемногих избранных. И все-таки в число великихи ужасных олигархов 1990-х Вексельберг так и не попал.

Собственных газет или телеканалов у него никогда не было. В политику Вексельберг старался не лезть. До начала 2000-х его имя вообще было мало кому известно.

Просто потом в стране начались совсем другие времена. 2

Эпоха Ельцина заканчивалась. Впереди маячил мистический 2000 год. Глянцевые журналы только и писали, что о Миллениуме, и всем казалось, будто со дня на день должна начаться совсем другая жизнь. Просто потому, что так, как было раньше, – уже невыносимо. После дефолта девяностые годы стали восприниматься как одна сплошная ошибка.

9 августа 1999 года прямо в утреннем выпуске новостей Первый канал сообщил: в стране стартует предвыборная гонка. Президент Ельцин подписал указ, в котором назначена дата выборов в Государственную Думу. А кроме того, в телеобращении президент объявил, что отправляет в отставку премьер-министра Сергея Степашина и назначает председателем правительства Владимира Путина. «Именно этого человека, – не торопясь, выговаривал Ельцин, глядя прямо в телекамеру, – я вижу своим преемником на посту президента».

Как это – преемником? – удивлялись зрители. Кто он вообще такой, этот Путин? До назначения на пост премьера Путин уже несколько месяцев занимал должность председателя ФСБ и возглавлял Совет безопасности России. Но фамилия все равно казалась абсолютно незнакомой. В том же самом выпуске новостей Первый телеканал показал и самого преемника. Выглядел тот не очень: смешной лысеющий чиновник в безликом пиджаке. Кто мог подумать, что следующие восемь лет рейтинг Путина никогда не будет снижаться ниже семидесяти пяти процентов и вообще он станет одним из наиболее популярных политиков в истории страны?

Впрочем, президентом Путину еще предстояло стать, а популярность завоевать. И простой эту задачу никто бы не назвал. Ситуация 1996 года повторялась один к одному: рейтинг Ельцина был опять почти на нуле, население опять глухо роптало и требовало перемен, причем казалось, что уж на этот-то раз протащить в президенты ставленника Кремля точно не выйдет. Тем более такого как Путин. На фоне пышущего энергией Лужкова ельцинский наследник смотрелся бледненько.

Однако все получилось. Причем получилось блестяще. На то, чтобы отодвинуть Лужкова в сторону, были брошены лучшие силы. Для начала власть, как и в 1996-м, включила информационный ресурс. Собственные программы получили аналитик Михаил Леонтьев, подзабытый репортер Александр Невзоров, а главное, лучший тележурналист страны Сергей Доренко.

Программа Доренко выходила в субботу вечером, и в эти часы улицы пустели, потому что оторваться от экрана страна была не в состоянии. В 1999-м политическое шоу Доренко имело рейтинг, который в наши дни и не снился никакому «Comedy-Club». Противопоставить хоть что-то этой всесметающей мощи Лужков не мог. О карьере президента Юрию Михайловичу пришлось забыть. В последний момент вместо президента он решил выдвигаться опять в московские мэры, но даже здесь после программы Доренко его успехи оказались куда скромнее, чем четыре года назад.

Впрочем, телевидение телевидением, но главные-то битвы шли вовсе не здесь. Пока Доренко разбирался с Лужковым, Путин занимался более серьезными противниками. Всенародным любимцем будущего президента сделала не телепередача, а маленькая победоносная война. Дело в том, что ровно в тот же день, когда Ельцин назвал фамилию своего преемника, новости передали и еще одно сообщение с пометкой «Срочно». С территории Чечни в Дагестан вторглись несколько вооруженных отрядов. Во главе нападающих стояли Шамиль Басаев и арабский воин удачи Хаттаб. 3

Двадцатый век стал эпохой распада гигантских империй. Огромные державы, населенные десятками народов и племен, перестали существовать, и на смену им пришли небольшие, компактные «национальные государства». Вместо Османской империи появилась Турция, вместо Британской империи – крошечная Великобритания. В самом конце столетия тем же самым путем прошел и Советский Союз.

Схема распада империй везде была, в общем-то, одна и та же. Сперва от метрополии отделяются гигантские далекие колонии: от Британии отделилась заморская Индия, а от Москвы – пятнадцать союзных республик. Территория страны съеживается, и нация пребывает в растерянности. Люди, привыкшие чувствовать себя гражданами великой державы, вдруг обнаруживают, что держава-то у них – самая обычная. И поэтому за последний рубеж империи теперь они готовы биться не щадя живота.

Англичане запросто отпустили Индию, но шли на огромные жертвы, лишь бы удержать Северную Ирландию. Французы оставили Индокитай, но положили несколько сотен тысяч человек, удерживая Алжир. С Чечней в России получилась точно та же самая история. Осенью 1991-го Ельцин не моргнув глазом распустил СССР, но одновременно с этим, той же самой осенью, онбыл готов ввести в Чечню войска. Потому что одно дело – расстаться с Прибалтикой и Средней Азией и совсем другое – дать независимость части России.

Чем меньше становится территория бывшей империи, тем сильнее внутри страны расцветает национализм. Крайнее проявление национализма — это взгляды, которые исповедовал бывший подданный Австро-Венгерской империи Адольф Гитлер. Однако национализм — это совсем не обязательно нацизм. Когда распалась Османская империя, к власти пришел националист Ататюрк (создатель нынешней Турции). Когда распалась Французская колониальная империя, к власти пришел националист генерал де Голль (архитектор нынешней Франции).

В России все развивалось тоже по этой же самой схеме. Бывшие коммунистические чиновники горбачевского призыва постепенно сходили со сцены. В политику приходили люди совсем иного поколения. И их идеологией был уже, как правило, национализм. Конечно, не такой, как у Гитлера, но вполне похожий на национализм Ататюрка или де Голля. Самое интересное, что среди этих новых русских политиков было огромное количество военных.

Ракеты у нас всегда являлись более весомым знаком величия страны, чем дешевые продукты. Те, кто создавал русское государство, строили его по образцу военной части. Вокруг враги, и об уюте говорить не время. Вернемся к этой теме после победы, а пока придется потуже затянуть пояса. Самыми работоспособными предприятиями у нас всегда были военные заводы. В Вооруженных силах и сегодня служит до пяти процентов населения страны – это на порядок больше, чем в США или Франции.

При этом представить, будто в России появился собственный Пиночет, – совершенно фантастическая идея. Армия в России никогда не была политической силой. После эпохи Сталина поучаствовать в политике пробовал маршал Жуков, да только штатские чиновники быстро перекрыли победоносному маршалу кислород. Потом, уже во времена Перестройки, некоторые с надеждой поглядывали на бывшего главнокомандующего группировкой в Афганистане, генерала Громова, но и его карьера закончилась не начавшись. Зато к концу 1990-х в политику пришло сразу несколько решительных и жестких генералов.

Самым известным из них стал генерал Александр Лебедь. Хриплый бас, квадратная челюсть, победоносная операция в Приднестровье. На президентских выборах 1996 года Лебедь занял третье место. Казалось, что еще немного, и он въедет в Кремль на белом танке и решительной рукой наведет порядок. Еще одним претендентом на роль спасителя отечества был генерал Рохлин. Патриотическая пресса утверждала, что в планах Рохлина было проведение чуть ли не военного путча и установление в стране жесткой диктатуры. Причем если в конце 1990-х такой путч действительно бы случился, то еще неизвестно, какова была бы реакция общества. За десять лет все смертельно устали от хаоса. Вполне возможно, что даже военная диктатура была бы встречена с радостью: людям действительно хотелось порядка и спокойствия.

А главное, точно того же самого хотелось и власти. Вечное ожидание перемен к худшему,

отсутствие стабильности, борьба всех против всех – это измотает кого угодно. Но как установишь этот порядок? С чьей помощью? Разумеется, опираться на армию штатские чиновники не собирались, но тогда на кого? Архимед говорил, что если бы ему найти точку опоры, то он перевернул бы мир. Что-то похожее пыталось предпринять и руководство страны, но уцепиться было не за что. Прокуратура, политические партии, церковь, интеллигенция, общественные организации – куда ни посмотри, везде был полный завал. Поражено было все. Здоровых органов в умирающем теле не осталось. И тогда власть решила попробовать опереться на спецслужбы. И все вдруг пошло на лад. То, что не получилось у генералов Лебедя и Рохлина, смог осуществить полковник КГБ Владимир Путин. 4

Британская империя распалась и лишилась колоний, но это происходило на фоне резкого экономического подъема. В распавшейся Османской империи, наоборот, царила нищета, зато турки на всех фронтах разбили вторгшихся на их землю врагов. А вот когда развалился СССР, население не только обнаружило себя нищим, оно еще и лишилось любых поводов для национальной гордости. Наши танки ушли из Европы, корабли вернулись с Тихоокеанских атоллов, а вдобавок русская армия позорно проиграла Первую чеченскую войну. Военная машина, еще вчера на равных противостоявшая янки, не смогла справиться с бородатыми горными партизанами. Продажные генералы и необученные тощие новобранцы – вот что такое была армия в 1990-х. Более униженными русские не ощущали себя еще никогда. И именно в этот момент во главе страны встал Путин.

Первым был решен вопрос с национальной гордостью. Это было и дешевле, и эффективнее. Новые военные действия в Чечне шли весь октябрь и ноябрь 1999 года. И теперь, в отличие от Первой чеченской, войска добивались поставленных целей быстро и почти без потерь. При Ельцине прямо в новостях можно было увидеть, как бородатые моджахеды ножом отпиливают русским мальчишкам головы. Теперь телевидение показывало только победы. Загорелые белозубые парни, увешанные оружием, как герои иностранных киношек, верхом на могучих пропыленных БТРах въезжали в горные села, и не было силы, способной их остановить. Страна начинала заново верить в свое величие. Рейтинг премьера Путина лез вверх, как сверхзвуковой истребитель на взлете.

26 марта 2000 года прямо в первом туре голосования Путин выиграл президентские выборы. Теперь он никому не казался смешным, да и костюмы его больше не выглядели безликими.

Победа в войне была неплохим началом, но все-таки только началом. Теперь президенту Путину предстояло как-то определиться с тем, что называют «национальная идеология». При Ельцине целых десять лет никто не пытался четко проговорить, каким же является Российское государство, возникшее на обломках СССР. Националисты тянули одеяло в свою сторону, либералы – в свою, а население об этом особенно и не задумывалось. Казалось, что мы живем все в том же Советском Союзе, только теперь он стал маленький и бедный. Дальше такую неопределенность терпеть было нельзя. За поиск национальной идеи взялись люди из Администрации Президента.

На самом деле большого простора для маневра здесь не было. Предложить жителям России какую-нибудь интернациональную идеологию (например, разновидность коммунизма, как в Китае или на Кубе) – после семидесяти лет СССР это была бы воистину глупая затея. Попытаться объединить общество на религиозных идеях (как в католической Польше или исламском Иране) тоже вряд ли бы вышло. Православие в России никогда не играло политической роли, а после большевиков и вовсе стало этнографической диковинкой. Значит, оставался национализм в духе все тех же де Голля и Ататюрка. Но и тут нужно было соблюдать осторожность. В стране, где русские составляют меньше шестидесяти процентов населения, а остальные сорок процентов поделены между 132 народностями, никакой великорусский шовинизм не прокатывал. И в результате национальная идеология при Путине стала выглядеть как микс – коктейль сразу из нескольких компонентов.

Что-то осталось от коммунистического прошлого. Парады теперь могли проводиться под красными знаменами. Кое-где на площади вернули памятники вождям. Не была забыта и религия. Большие официальные мероприятия теперь редко обходятся без пары митрополитов. В одном из субъектов РФ эксперимента ради батюшкам разрешили преподавать в школе Закон Божий. А чтобы русским мусульманам не было обидно, по телевизору стали транслировать не только Пасхальное богослужение, но и молитву на Курбан-байрам. Но главным компонентом этого коктейля стала гордость за достижения страны в XX веке и особенно за победу в Великой Отечественной войне.

На самом деле строить государственную идеологию вокруг Мая 1945-го — идея, появившаяся задолго до Путина. Старшее поколение, заставшее ту войну, еще помнит, что ни при Сталине, ни при Хрущеве Великая Отечественная вовсе не была поводом для гордости. Это была просто жуткая и кровавая война, которая принесла стране слишком много боли. Бездарные ошибки советского руководства в первые дни войны. Миллионные жертвы среди солдат и мирных жителей. Страшные сталинские заградительные отряды, стрелявшие по своим. Воюющая на стороне немцев Русская Освободительная армия. Концлагеря для тех, кто попал в плен, а главное, непонятная послевоенная судьба самих победителей... Короче, вспоминать все это было слишком мучительно. И первые годы война воспринималась не как идеологическое оружие, а просто как национальная трагедия.

Все изменилось только в 1965-м. Накануне празднования 20-летия Победы ЦК комсомола первым предложил строить воспитание молодежи именно на примерах героизма отцов и дедов. Потому что Победа — это праздник, искупающий все. Сегодня у нас не идеальная страна, зато наши деды воевали и выстояли. Руководство Компартии инициативу поддержало, а дальше все пошло уже само. 9 Мая постепенно становился главным государственным праздником. Треть советских фильмов должна была рассказывать про войну. В каждой советской школе должен был появиться Зал боевой славы. А вечные огни зажглись на центральных площадях всех городов страны, даже где-нибудь в Сибири, куда война добраться ну никак не могла.

Ломать неплохую традицию сотрудники Администрации Президента не стали. Идеология новой России не очень сильно отличалась от той, что разработал еще советский комсомол. Хватит плевать в собственное прошлое! Нам, жителям многонациональной России, есть чем гордиться! И в прошлом (победой в Великой Отечественной), и в настоящем (видели наших солдат в последних теленовостях?). Пусть сегодня в стране невсе хорошо, но мы выстояли раньше – выстоим и теперь!

При Ельцине главным государственным праздником пытались сделать (как в США) День независимости, а гимном была дореволюционная мелодия Глинки. При Путине стране вернули День Победы и давно знакомый советский гимн. Впервые после распада СССР русские перестали чувствовать себя нацией второго сорта. За это президенту Путину страна могла простить все. 5

Разобравшись с национальной гордостью, можно было понемногу браться и за проблему нищеты. Однако с этим делом Путин не спешил. Потому что проблема бедных в России напрямую упиралась в проблему сверхбогатых.

Самые первые русские появились в списке «Forbes» в 1997 году. Тогда в сотню богатейших людей планеты американские эксперты включили шестерых граждан Российской Федерации. Это были олигархи Борис Березовский, Владимир Гусинский, Владимир Потанин и Михаил Ходорковский, а также нефтяной магнат Вагит Алекперов и председатель правления «Газпрома» Рэм Вяхирев. Именно с этими людьми Владимир Путин теперь планировал обсудить проблему обнищания жителей России.

Первым делом президент объявил, что привычные правила игры будут изменены. Больше

олигархи не смогут влиять на политику. Бизнес – сам по себе, правительство – само по себе. Не важно, сколько у тебя денег, для государственного чиновника ты такой же гражданин, как и прочие сто сорок миллионов русских. Олигархи только усмехнулись. За десять лет все давно привыкли, что деньги – это золотой ключик, способный открыть любую дверцу. Усмехнулся и Путин. Он лучше других знал: Россия – это такая страна, в которой слово государственного чиновника весит куда больше, чем любые деньги. И никакие десять лет тут ничего не изменят. Ты можешь раздавать взятки всем вокруг и верить, что купил себе счастье, но потом в твою дверь обязательно позвонятся те, кто за эти самые взятки тебя и арестует.

Перемены происходили медленно, но все же происходили. Во власти начали появляться новые и непривычные люди. Путин стал президентом слишком неожиданно. Обзавестись собственной командой он просто не успел. И теперь расставлял на ключевых позициях тех, с кем был знаком по предыдущей работе. А до поста президента Путин занимал пост председателя ФСБ.

Людей Путина газеты быстро окрестили «питерскими». По сравнению с ельцинской командой все они были довольно молоды, спортивны, немногословны и почти все до прихода во власть были офицерами спецслужб. Решать вопросы так, как было принято раньше, эти люди отказывались. Олигархи немного растерялись. Как вести себя в новых условиях, никто из них не понимал.

Вообще-то первым сформировать команду из бывших спецслужбистов еще в 1999-м попробовал премьер Примаков. Гражданские чиновники безбожно воровали и были неспособны ни к какой нормальной работе. На их фоне бывшие офицеры КГБ являли чудеса неподкупности и работоспособности. Со временем выяснилось, что и эти люди вовсе не ангелы, но начало было положено.

Очень быстро после того, как Путин стал президентом, сменилось руководство «Газпрома». Создатель гигантской компании Виктор Черномырдин был сослан послом на Украину, а бывший директор Рэм Вяхирев отправлен на пенсию. Управлять «Газпромом» стал Алексей Миллер. В контрразведке прежде он не работал, но с Путиным знаком был давно. В те годы, когда Владимир Владимирович еще трудился в петербургской мэрии, Миллер был его подчиненным.

Переподчинение «Газпрома» прошло без особых скандалов. Но дальше действовать так же тихо не получилось. Когда власть предложила поделиться остальным олигархам, те просто отказались. Им объясняли: ваше богатство создано трудом всей страны. Нельзя объявить государственный завод своим и просто махнуть рукой на людей, все это построивших. Олигархи пожимали плечами: никакие законы при приватизации нарушены не были. Госсобственность перешла к ним самым честным из всех возможных способов. Так что теперь претензии неуместны.

Всего через два месяца после того, как Путин стал президентом, миллиардер Владимир Гусинский был арестован и помещен в следственный изолятор. Представить подобное прежде было невозможно. На нарах оказался один из самых богатых и могущественных людей страны. Депутаты Думы и деятели культуры бросились писать письма в защиту олигарха. А беспокоиться нет повода, объясняли им в прокуратуре. Владимир Александрович, конечно, сидит, но сидит комфортно. Он занимает самое престижное по тюремным меркам место: койку на первом ярусе у самого окна. А его соседями по камере являются интеллигентные люди: казнокрад и фальшивомонетчик.

Из СИЗО Гусинский вышел через три дня и сразу же уехал в Испанию. Остатки его финансовой империи понемногу обрели новых хозяев. Спустя несколько месяцев из страны уехал и еще один фигурант того, самого первого, русского списка «Forbes» – Борис Березовский. Было время, и вся политика России определялась тем, в каких отношениях друг

с другом пребывают Гусинский и Березовский. Теперь оба они были беженцы, со смешным по русским меркам состоянием в жалкие сотни миллионов долларов.

К 2003-му из шести олигархов, упомянутых «Forbes», в строю осталась только половина. Последним отказался принимать новые правила игры Михаил Ходорковский. Но руки дошли и до него. Скандал вокруг «дела ЮКОСа» стал самым громким за все время правления Путина. Зато после того, как Ходорковский получил свои девять лет тюрьмы, никаких вопросов у оставшихся олигархов больше не возникало. Русские мультимиллиардеры стали один за другим брать на себя повышенные социальные обязательства.

Роман Абрамович добровольно взялся обустраивать Чукотку. В регион было вложено больше двух миллиардов долларов. Богом забытый край расцвел на глазах. Теперь на Чукотке самая благоприятная по стране жилищная ситуация, а уровень компьютеризации и вообще один из самых высоких в мире. Уже два раза Абрамович просил освободить его от поста чукотского губернатора, однако власти считают, что бизнесмен может еще многое сделать для развития региона.

Олег Дерипаска добровольно взял на себя расходы по подготовке к сочинской Олимпиаде-2014. Он на свои деньги отремонтировал аэропорт в Адлере, а дальше собирается построить несколько очень дорогих спортивных объектов.

Сулейман Керимов вышел из думской фракции ЛДПР и вступил в «Единую Россию», которая работает в связке с президентом. И как только президент выступил на Кубанском экономическом форуме с призывом вкладываться в развитие юга России, добровольно перечислил на развитие экономики Дагестана \$100 миллионов.

И так со всеми русскими мультимиллиардерами. Кто-то строит доступное жилье для малоимущих. Кто-то взял на себя обязательство по развитию детского спорта. Кто-то вкладывает в культуру и образование. Кто-то из собственных средств платит тренеру Гусу Хиддинку, ведь достижения русской футбольной сборной тоже должен кто-то оплачивать. Было время, когда олигархом называли влиятельного политика. Но к середине нулевых это слово стало означать просто очень богатого человека. При Путине никакого отношения к политике олигархи больше не имели. Теперь олигархами стали называть людей, готовых делиться деньгами с гражданами собственной страны.

Именно в этом смысле самым типичным олигархом новой эпохи аналитики называют Виктора Вексельберга. Собственных газет или телеканалов у него никогда не было. Во власть Вексельберг старался не лезть. До начала 2000-х его имя вообще было мало кому известно. Просто потом в стране начались совсем другие времена, и Вексельберг одним из первых принял новые правила игры. Еще до того, как суд вынес вердикт по делу Ходорковского, Виктор Феликсович выкупил у западных владельцев национальное достояние России (коллекцию пасхальных яиц Фаберже и еще кое-какие ювелирные изделия, общим числом в сто девяносто наименований) и безвозмездно передал их государству. Точная сумма сделки так и осталась нераскрытой. «Но разве это важно? – улыбаясь, говорил Вексельберг вскоре после возвращения сокровищ на родину. – Главное, что все это делается для страны, а вовсе не деньги».

Вагит Алекперов		
Второе место:		

Вагит Алекперов (1950 года рождения).

Около \$12 миллиардов, нефтяная компания «ЛУКОЙЛ».

1

Для газет, пишущих о светской жизни, свадьба одной из самых известных поп-певиц России Алсу Сафиной и бизнесмена Яна Абрамова стала событием года.

Саму церемонию желтая пресса описывала так:

Москву не удивишь роскошью и блеском. Но ничего подобного свадьбе Яна Абрамова и певицы Алсу столица не видела уже давно.

Для мероприятия был арендован громадный концертный зал «Россия». Всем приглашенным были разосланы именные приглашения: родственникам и VIP-персонам – выгравированные на стекле, друзьям – билеты в виде музыкального диска с песней, которую сочинили сами виновники торжества. Тираж диска составлял всего тысячу экземпляров, и в эфир эта песня потом так и не попала. Воистину эксклюзивный подарок гостям!

Среди гостей был весь цвет русской селебрити, и чтобы веселью избранных никто не мешал, перед входом располагалось четыре кордона охраны. Пройдя по красной дорожке, гости попадали в райский сад. В холле стояли деревья с орхидеями и лилиями на ветвях, а также вазы с золотыми фруктами. Стены и даже потолок были задрапированы сиреневыми и золотыми полотнами с вензелем «ЯА»: Ян и Алсу.

Жених и невеста подъехали к концертному залу «Россия» в восемь вечера на джипе-лимузине белого цвета. Алсу была в пышном подвенечном платье цвета шампанского с трехметровым шлейфом. Фату за ней несли хорошенькие дети. Когда новобрачные вошли в зал, гости встали с мест и разразились бурей аплодисментов. Пройдя через зал, молодые воссели на троне в виде цветка фиалки.

На сцене появились ведущие вечера – телезвезды Святослав Бэлза и Елена Ханга. Для начала они объявили, что сейчас будет показан фильм о детстве Алсу и Яна. Было заметно, что больше всех во время просмотра фильма нервничал папа невесты, Ралиф Сафин. По сути, именно его заслугой было все происходившее в тот вечер.

Ралиф Рафилович долгое время занимал пост вице-президента крупнейшей нефтяной компании страны «ЛУКОЙЛ». О нем говорили, что он был вторым человеком в компании после ее основателя, Вагита Алекперова. Правда, несколько лет назад Сафин ушел из «ЛУКОЙЛа» и сосредоточился на политической карьере: стал сенатором от Алтайского края и пробовал выдвигать свою кандидатуру на пост президента Башкортостана.

А за много лет до этого, еще работая вместе с Алекперовым, Ралиф Сафин решил, что его любимая дочь будет учиться обязательно за границей. Когда Алсу было десять лет, ее отправили в Лондон, в престижнейшее учебное заведение — частный художественный колледж MPW. По слухам, рисует девушка действительно неплохо, но куда больше карьеры дизайнера ее привлекала карьера певицы. В самом конце 1990-х Алсу возвращается в Россию и начинает усиленно заниматься музыкой.

В 2000 году ее признали самой продаваемой российской исполнительницей года (премия «World Music Awards»). Кроме того, певица взяла больше дюжины отечественных музыкальных премий, была признана самой стильной певицей России и получила звание народной артистки Республики Татарстан. В ее коллекции платиновый сингл «Solo» и дважды платиновый сингл «You're My № 1». А главным достижением певицы стало второе место на престижнейшем конкурсе «Евровидение-2000». Ни Алле Пугачевой, ни Филиппу Киркорову, никому из русских поп-звезд не удалось то, чего сумела без особых усилий добиться эта хрупкая девушка.

В кульминационный момент бракосочетания молодые обменялись кольцами. Кольцо Алсу было усыпано бриллиантами. Кольцо Яна было скромным и узким, без камней. После речей гостям подали фаршированных омаров, мясо с каштанами и черную икру. Затем, по еврейскому обычаю (Ян – из еврейской семьи), молодых усадили на стулья, взяли на руки и стали подбрасывать вверх.

За столиками можно было увидеть певцов: Иосифа Кобзона, Владимира Винокура и Олега Газманова, исполнительниц Диану Гурцкую и Жасмин, мэра Москвы Юрия Лужкова, вице-спикера Госдумы Владимира Жириновского, председателя Совета Федерации Сергея Миронова, главу Федерального агентства по физкультуре и спорту Вячеслава Фетисова, мэров Баку и Бугульмы (там родились жених и невеста), а также нескольких президентов и губернаторов.

Гости оживленно беседовали, ели, кричали «Горько!» и ждали выступления зарубежных звезд. За неделю перед свадьбой появились слухи, что на торжестве выступят Дженнифер Лопес, Мэрайя Кэри и Селин Дион. Тем более что некогда ходили слухи о том, что до свадьбы Ян Абрамов ухаживал за Мэрайей Кэри. Впрочем, Кэри в Москву так и не приехала. Вместо нее гостей развлекали Джордж Бенсон, джаз-бэнд «Джи-Джи», итальянская группа «Рики э Повери». Все они выходили на подвесную сцену, укрепленную под самым потолком.

Уже после полуночи гости стали вручать подарки. Молодоженам были преподнесены: пентхаус в Москве (подарок отца жениха), загородный дом стоимостью в несколько миллионов долларов (подарок отца невесты), «бентли» (подарок друзей жениха), а также огромное количество драгоценностей. Расходиться по домам приглашенные стали только после трех часов ночи. Алсу и Ян уезжали последними, в полседьмого утра. 2

А ровно за сто сорок пять лет до свадьбы Алсу на другом конце планеты бывший железнодорожный кондуктор Эдвин Л.Дрейк обнаружил довольно большие запасы нефти. Дело происходило в 1859 году в штате Пенсильвания.

Открыть нефтяное месторождение – для того времени это была хорошая новость, но все же не настолько хорошая, как вы могли подумать. Что делать с этой черной пахучей жидкостью, в позапрошлом веке мало кто понимал. Чтобы освещать жилища, наши предки использовали китовый жир. Чтобы передвигаться по миру – конные экипажи и колесные пароходы. Добывать нефть казалось дорогим и бессмысленным занятием.

Одним из первых попробовать себя в этом бизнесе решил молодой коммерсант Джон Д.Рокфеллер. Он съездил в Пенсильванию, осмотрел месторождение и на деньги своей невесты прикупил несколько скважин и пять нефтеперегонных заводов. Из нефти Рокфеллер решил изготавливать керосин. Использовалось это топливо в основном в керосиновых лампах. Рекламные агенты Рокфеллера ездили по свету и объясняли: керосин – топливо будущего.

Например, в Китае керосинки бесплатно раздавались всем желающим. Для китайской рекламной кампании Рокфеллером был придуман самый первый в истории рекламный слоган: «Керосинка (по-китайски мэй-фу) — это волшебная лампа, приносящая удачу». Не возьмусь сказать о китайцах, но самому Рокфеллеру керосинки принесли удачу по полной. Фирма Рокфеллера называлась «Стандарт Ойл Компани». Спустя всего сорок лет после основания она стала крупнейшей монополией США и уступала только финансовой империи знаменитых миллионеров Морганов.

Впрочем, в Пенсильвании нефти оказалось немного. Очень быстро на пятки Рокфеллеру начинают наступать нефтяные компании нового поколения. В начале XX века в Техасе была основана «Техаз С°». Бурить в районе Персидского залива первой начинает «Англо-Персидская нефтяная компания». А в Баку начинают качать черное золото шведы

братья Нобели. На подхвате у Нобелей работает компания «Royal Dutch/Shell». Со временем она станет крупнейшим игроком в этом бизнесе, а начинала с того, что танкерами развозила русскую нефть покупателям.

Нефти качали все больше. Нужно было подумать и о том, куда ее девать. Все эти молодые компании ставили уже не на керосин, как Рокфеллер, а на совершенно новое топливо – бензин. Прежде бензин считался отходом производства и просто сливался в реки. Но теперь ситуация изменилась.

В 1908 году на рынке появляется первый серийный автомобиль «форд». Всего за три года в США был продан миллион таких машин. Спустя еще четыре года англичане первыми в мире освоили серийное производство танков. И если авиация еще использовала по старинке керосин (самолеты летают на керосине и в наше время), то танки и автомобили работали уже только на бензине. Тот, кто контролировал рынок бензина, контролировал мировую политику.

Понимая, в какую сторону дует ветер, британский адмирал Дж. Фишер произнес пророческую фразу: «В XX веке миром станет владеть тот, кто владеет нефтью». После Второй мировой выяснилось, что нефтью владеют в основном арабские государства Ближнего Востока. Сперва арабскую нефть делили между собой англичане и французы. Но к 1950-м бывшие колонии добились независимости, и почти вся местная нефть быстро перешла под контроль американцев. Разрабатывать скважины стали семь крупнейших нефтедобывающих компаний планеты: так называемые «Семь сестер».

Нефть к тому времени давно превратилась в позвоночник всей мировой экономики. Однако само «черное золото» стоило в те годы не очень дорого: \$2–3 за баррель. Переломным стал 1973 год. На Ближнем Востоке началась очередная арабо-израильская война. Евреи разбили арабов на всех фронтах, и, чтобы хоть как-то выкарабкаться из ситуации, те заявили, что прекращают отгрузку нефти всем израильским союзникам. Цены на бензин моментально скакнули вверх – и с тех пор уже никогда не опускались до прежнего уровня. Всего за два года цена нефти выросла в четыре раза. А через несколько лет установились на невиданном прежде уровне в \$32. Торговля нефтью становилась прибыльнее, чем торговля оружием или кокаином.

Цены взвинтили арабы, но руки на этом погрели все, у кого имелась хоть небольшая собственная скважинка. И прежде всего СССР. У нас в стране нефти было немного, и по качеству она была хуже арабской. Зато советские генсеки были куда более предсказуемыми партнерами, чем арабские шейхи и диктаторы. Именно после 1973 года нефть превратилась в фундамент всей советской экономики. При Хрущеве СССР добывал 148 миллионов тонн нефти, при Брежневе добыча выросла вдвое (до 353 миллионов тонн), а к эпохе Горбачева – еще вдвое (до 624 миллионов тонн).

Советская промышленность потихоньку умирала. Производимые русскими заводами товары были никому не нужны. Зато Запад послушно покупал нашу нефть, и на эти деньги страна могла худо-бедно жить. На развитие нефтянки страна бросала лучшие силы. Прежде учиться в нефтяном вузе никто не желал. Теперь туда даже образовался какой-никакой конкурс.

В тихом и скучном 1974-м Бакинский нефтехимический институт закончил молодой человек, которого звали Вагит Алекперов. Выбор профессии случайным для него не был. На нефтепромыслах работал его папа, и позже Вагит вспоминал, что вырос он в атмосфере, буквально пропитанной нефтью. Даже первыми развлечениями для него и для его старших братьев было покачаться во дворе на качелях, переделанных из нефтяных качалок. Так что после школы Вагит идет работать тоже на скважину. Он работает оператором бурения и одновременно поступает в институт. К моменту получения диплома Алекперов уже имел пятый, самый высший разряд бурильщика.

После вуза он покинул родные края и уехал в Западную Сибирь. Он по-прежнему качал нефть, но теперь не на теплом Каспии, а в холодной Тюмени. До должности гендиректора объединения «Когалымнефтьгаз» Алекперов дослужился всего за несколько лет. А уж став директором, оказанное доверие постарался оправдать. Именно при нем Когалым превратился в самое рентабельное месторождение Советского Союза.

В 1990 году Алекперов стал заместителем министра топлива и энергетики. Ему было всего сорок лет. Спустя год начальник Алекперова, не разобравшись в ситуации, поддержал ГКЧП – и вскоре вылетел с должности. В последние месяцы существования Советского Союза министерство возглавил уже Алекперов.

Для страны начинались новые времена. Советский Союз распался. Двое бывших подчиненных Вагита Юсуфовича возглавили гигантские нефтедобывающиекомпании: один в Туркмении, другой в Казахстане. Соседи нефтяников газовики в те годы создали крупнейший в стране концерн «Газпром». Что оставалось делать Алекперову, если не двинуться в том же направлении?

Уже в 1991-м он превращает свое министерство в государственную компанию «Роснефть». Компания объединила большинство сибирских месторождений, и только три из них были выведены в отдельную структуру. Очень рентабельные нефтепромыслы «Лангепас», «Урай» и «Когалым» были объединены в компанию, которая, по первым буквам, получила название «ЛУКОЙЛ». Ее владельцем со временем стал сам бывший нефтяной министр Вагит Алекперов.

В начале 1990-х он дал интервью, в котором сказал: «Мы хотели бы превратить "ЛУКОЙЛ "в самую крупную нефтяную компанию в мире. И по добыче, и по прибыли. У семи сестер (так традиционно называют семь крупнейших нефтяных компаний мира) должен появиться брат". 3

Вагит Алекперов стал президентом «ЛУКОЙЛа». Ралиф Сафин, в семье которого подрастала маленькая дочка Алсу, стал вторым человеком в компании. «ЛУКОЙЛ» понемногу двигался к намеченной цели: и добыча, и выручка недавно образованной структуры вплотную приближались к показателям американских компаний. И все же девяностые годы стали для нефтяников ох каким нелегким временем.

При Брежневе средняя цена за баррель нефти держалась на уровне \$30–32. А потом упала почти до \$9 и не желала подниматься десять лет подряд. Нефтедоллары обеспечивали Советскому Союзу неплохой уровень жизни. Но прокормить страну при Ельцине они уже не могли.

Свежий ветер задул только к началу 2000-х годов. Несколько громких терактов, парочка войн в нефтедобывающих регионах, паника на бирже. И вот одновременно с избранием президента Путина цена на «черное золото» начинает вновь выправляться. Вскоре она достигла и вообще рекордных показателей: \$55–60 за баррель. Сказать, что для России это было спасением, – значит, не сказать ничего.

Еще вчера казалось, будто страна навсегда отброшена на уровень Венесуэлы и Нигерии. Потеря ориентиров, пустой бюджет, распоясавшиеся олигархи, обнищавшее население и вечно шатающийся под властью стул. К концу эпохи Ельцина страна пребывала в полном тупике. А теперь сама судьба давала в руки молодого и энергичного русского президента миллиарды нефтяных долларов. И с их помощью Путин начинает заново отстраивать страну.

К началу путинского президентства реформы шли в России уже пятнадцать лет. Горбачев начал менять страну еще в 1986-м. В те годы жить как прежде никто не желал. Жизнь в СССР отравляли тысячи глупых, ненужных, устаревших запретов. Нельзя было одеваться, как хочешь, и слушать ту музыку, которая тебе нравилась. Нельзя было смотреть фильмы с

голыми девками и напиваться, когда захочется. Нельзя было ездить за границу. А главное, нельзя было богатеть. В СССР все должны были жить бедно.

Страна мечтала о совсем иной жизни, и Горбачев пообещал, что жизнь изменится. Тогда казалось, что стоит отменить советский строй, как изобилие наступит само собой. Никто не мучился скучными вопросами типа: откуда оно возьмется, это изобилие? На чем будет основано?

А действительно, на чем? Закон прост: чтобы в стране появилось много денег, для начала нужно хоть что-то на мировом рынке продать. Что может предложить Россия? Может ли она (как США и Япония) предложить высокие технологии? Вряд ли. Отставание современной России в этой области составляет несколько десятилетий. Может ли Россия (как Китай и страны Юго-Восточной Азии) предложить дешевые рабочие руки своих граждан? Тоже нет. Квалифицированных (или хотя бы непьющих) работников в России всегда было немного, а зарплаты у нас раз в десять — пятнадцать выше, чем у тех же китайцев. Часто говорят, что Россия — великая сельскохозяйственная держава и вообще до революции мы кормили полпланеты. Однако и это не является правдой. Главные нивы и пастбища Российской империи располагались не у нас, а на территории сегодняшней Украины. Сама Россия лежит слишком далеко к северу. Сельское хозяйство у нас убыточно почти на всей территории.

И что остается? Что мы можем предложить на всемирном рынке? Остается только одно: природные богатства. То, что спрятано в наших недрах: нефть, газ, цветные металлы. Именно это и стало национальной идеей новой России. 4

Первый срок своего президентства Путин занимался вопросами, которые нужно было решать срочно. Война в Чечне. Результаты приватизации. Расползающиеся по углам регионы. К 2004-му ситуация перестала быть совсем уж катастрофической. И президент все чаще начинает заговаривать о том, что стране нужна внятная программа развития. И руководство, и население должны понимать, куда мы идем и на какие средства можем рассчитывать.

Много-много лет подряд СССР пытался стать военной сверхдержавой. На военные нужды тратилось до шестидесяти процентов бюджета. Именно на этом надорвалась советская экономика. При Путине разговоры о том, что Россия все-таки станет великой, начались по новой. Только теперь величие страны будет не военным, а энергетическим. Зачем пугать врагов нашими ракетами, если мы можем просто отключить им газ?

Прежде ориентиром служили грозные империи прошлого. Видимым знаком русского величия были ощетинившиеся армия и флот, марширующие по брусчатке коммандос, ревущие в небесах бомбардировщики. Теперь в качестве ориентира предлагались совсем другие картинки. Россия будет великой, потому что станет богатой. Мы будем не штамповать танки, как сталинский СССР, а продавать нефть, как саудовские шейхи.

Саудовская Аравия – крошечное государство, которое и на карте-то отыщет не каждый. У этого государства нет ни могучей армии, ни гигантских авианосцев. Каких-то шестьдесят – семьдесят лет назад более жуткой дыры невозможно было себе представить. Нищие арабские племена воровали друг у друга верблюдов, а потом десятилетиями вели войны за их возвращение. Здесь не было ни высоких технологий, ни квалифицированных кадров, ни сельского хозяйства. Зато здесь была нефть. И когда Саудовская Аравия наладила торговлю этой нефтью, ни у кого не осталось сомнений, что на карте мира появилась еще одна великая держава.

Сегодня Саудовская Аравия – страна с одним из наиболее высоких в мире доходов на душу населения. Арабы давно утратили навыки угона верблюдов. Теперь они ездят на «кадиллаках», которых здесь больше, чем во всей остальной Азии. Еще недавно европейцы морщились от презрения, едва заслышав слово «араб». А теперь от наследника британской

короны жена, леди Диана, уходит не к кому-нибудь, а именно к арабу аль-Файеду.

Можно ли представить что-то подобное и в России? Новое руководство страны уверяло, что можно. Под управлением губернатора Абрамовича Чукотка уже превратилась в маленькую заполярную Саудовскую Аравию. Если правильно отстроить систему, то похожий фокус, наверное, можно провернуть и в масштабах всей страны – почему нет? Только систему нужно отстроить по-настоящему правильно.

Как функционировал поздний Советский Союз? Руководство страны продавало нефть, а на вырученные средства содержало население. Производительность труда была почти нулевой, управление – бездарным, квалификация работников – крайне низкой. Но все это было и не важно, потому что деньги страна получала не от промышленности, а от торговли нефтью и газом.

Потом Советского Союза не стало. На залоговых аукционах русская нефть перешла в частные руки. Сразу после этого в стране появились собственные мультимиллиардеры. Потому что деньги, которые раньше делили на всех, теперь сосредоточились в одних руках. Конец 1990-х стал кошмаром именно поэтому: кроме нефти и газа, торговать России было нечем, а нефть теперь была частной.

Понадобилось всего несколько лет, чтобы стало ясно: выстроенная система не может существовать долго. С олигархами нужно что-то делать. И после 2000-го новый президент стал понемногу разворачивать страну назад: к тому, с чего когда-то все начиналось. Жизнь в СССР отравляли тысячи глупых, ненужных, устаревших запретов – но в целом советская система была не такой уж плохой. Нужно разрешить людям носить ту одежду, которую они хотят, смотреть те фильмы, которые раньше смотреть запрещалось, и отдыхать в Турции. А саму советскую систему вернуть на место. И все будут довольны.

Наученная горьким опытом, русская власть делиться нефтяными деньгами с олигархами больше не собиралась. И не только нефтяными – вообще никакими деньгами. Власть поняла, что деньги лучше хранить во внутреннем кармане. Вместо банков Березовского, Гусинского и Ходорковского теперь, при Путине, денежки оказались сосредоточены на счетах «Газпрома», «Роснефти», «Рособоронэкспорта» и «Российских железных дорог». На смену гигантским частным состояниям ельцинской эпохи пришли еще более гигантские, но государственные компании.

Приватизированные и проданные на залоговых аукционах компании при Путине одна за другой стали возвращаться государству. Был восстановлен контроль над «АвтоВАЗом». Возвращены «ВСМПО-Ависма» (второй в мире производитель титана) и ОМЗ (крупнейшая в России компания тяжелого машиностроения). Выкуплена у иностранцев доля в проекте «Сахалин-2». А главное, вернулись нефтяные компании: Роман Абрамович добровольно продал «Сибнефть», а Михаил Ходорковский не совсем добровольно расстался с «Юганскнефтегазом». Деньги, прежде капавшие в карман бизнесменов, теперь должны были поступать в государственный бюджет. Именно на эти деньги власть собиралась кормить собственное население.

Для кого-то из олигархов новые правила игры стали трагедией. Березовский и Гусинский эмигрировали, Ходорковский сел в тюрьму. Для кого-то не стали: Потанин и Вексельберг не только сохранили свои богатства, но даже и преумножили их. Спокойно воспринял происходящее и нефтяной магнат Вагит Алекперов. Позади у него были десятилетия карьеры в СССР, с какой стати его должен был пугать come-back советских правил? Тем более что нефть интересовала путинскую команду постольку поскольку. Куда больше «питерских» интересовал газ.

Вписаться в мировую экономическую систему Россия попробовала довольно поздно. Самые

теплые места были уже заняты. Русская нефть не очень привлекала западных покупателей. Основную ставку они делали на Персидский залив, а, скажем, США предпочитали покупать топливо у себя, в Западном полушарии (в Венесуэле и Мексике). Зато на руках у России оставалсякозырь, побить который не смог бы никто: природный газ.

По запасам газа наша страна занимает первое место в мире. Причем альтернативы этому топливу нет, а значит, и через десять, и через двадцать, и через тридцать пять лет Европа с Китаем станут по-прежнему покупать газ именно у нас. Потом, через тридцать пять лет, газ кончится. Но до этого времени покупатели будут приходить к нам, держа в руках чемоданы денег, а Россия (как и подобает монополисту) сможет назначать на свой товар любую цену. Пусть наша промышленность работает не очень, пусть наша армия давно утратила боеспособность, пусть население пьет все больше — пока у России есть газ, наша страна останется великой.

Существуют так называемые «градообразующие предприятия» – заводы, вокруг которых крутится вся жизнь города. Если убрать завод, исчезнет и населенный пункт. В России начала 2000-х обнаружилось «государствообразующее» предприятие, им стал «Газпром». Уже сегодня этот гигант дает стране один рубль из каждых девяти. А дальше обещают и еще более замечательные результаты. «Газпром» – это та самая печка, от которой пляшет все остальное. Уберите его – и страна просто исчезнет.

Когда игрок четко понимает, что за карты у него на руках, его дальнейшие ходы становятся понятны сами собой. Как только страна поняла, что именно теперь является ее национальной идеей, для нее тут же прояснились многие прежде туманные вопросы. Сможет ли Россия стать такой же могучей, как СССР? Вряд ли, ведь выручка от проданного газа не сможет покрыть совсем уж огромный военный бюджет. А может ли Россия распасться на несколько более компактных государств? Тоже вряд ли: наших запасов газа худо-бедно хватает на одну Россию, но точно не хватит на пять-шесть мини-россий. Хорошо ли, если Россия широко распахнет объятия западному бизнесу? Не факт: если бы в 1990-е русский газ перешел в руки иностранных компаний, то на какие бы деньги все мы сегодня жили? Но должна ли Россия жестко вести себя с соседями, так, как в советские времена? Тоже нет: лучше всего для торговли сырьем подходит мирная и доверительная обстановка.

Хаос и бесконечные метания остались в прошлом. Россия постепенно понимала, каково ее место в мире. Мечты об империи остались в прошлом, зато появились надежды на спокойное и обеспеченное существование. Ко второму президентскому сроку Владимира Путина страна была уже совсем не та, что еще несколько лет назад.

Роман Абрамович

Первое место:

Роман Абрамович (1967 года рождения).

Около \$19 миллиардов, до середины 2000-х – компания «Сибнефть».

1

Осенью 2006 года британский таблоид «News Of The World» опубликовал статью, которая называлась «Ирина Абрамович планирует устроить самый крупный развод в истории». Статья стала неожиданностью для всех. Прежде казалось, будто положение в семье самого богатого русского бизнесмена безоблачно. Таблоид уверял, что это не так.

Образцовый брак русского миллиардера Романа Абрамовича дал трещину. Абрамовичи изо всех сил старались скрыть разрыв их отношений, но многие люди это заметили. Последней каплей, толкнувшей семью к разводу, стали отношения Романа с 23-летней брюнеткой Дарьей Жуковой, экс-невестой теннисиста Марата Сафина.

Владелец «Челси» до сего момента если и гусарил, то лишь на футбольном рынке. Что касается амурных похождений, то, несмотря на относительную молодость (Роману тридцать девять лет), чукотский губернатор в ловеласах не числился. Пятнадцать лет подряд он хранил верность белокурой супруге Ирине. Та тоже доверяла мужу и без разговоров терпела его длительные поездки, которых требовали футбол и бизнес. Она не могла летать за мужем по всему миру вместе с пятью детьми и командой нянек. Во время одной такой поездки Абрамович и познакомился с Дарьей.

Говорят, знакомство произошло в феврале прошлого года в Барселоне, где в рамках 1/8 финала Лиги чемпионов «Челси» бился с «Барсой». Олигарх и светская красотка (к тому моменту, кстати, официально еще не расставшаяся с Сафиным) встретились на послематчевой вечеринке в отеле «Хилтон». С тех пор Даша и Роман неразлучны: якобы девушка регулярно наблюдает за домашними матчами «Челси» из личной ложи олигарха и летает с ним на его самолете по всему миру. Теперь, в результате этой связи, Абрамович рискует потерять половину своего состояния, которое оценивается почти в \$20 миллиардов. Ирина Абрамович начала консультации с адвокатами по вопросу развода и раздела имущества. Речь идет об океанах наличных денег, компаниях, яхтах, домах и суперавтомобилях, которые, возможно, будут разделены.

Жена миллиардера Абрамовича редко попадает на обложки журналов и в сводки новостей. Однако при этом ее имя было включено в список десяти самых влиятельных блондинок Великобритании. Помимо Ирины Абрамович в список попали самая богатая блондинка королевства Кристина Грин, певица и актриса Сиенна Миллер, супермодель Лили Доналдсон, супруга лорда Вестминстерского Наталья, подружка принца Гарри Челси Дейви и супруга принца Чарльза Камилла Паркер-Боулз. А первое место рейтинга досталось дочери медиамагната Руперта Мердока Элизабет. Жена Романа Абрамовича замыкает десятку рейтинга. Издание «Tatler» охарактеризовал ее как «женщину с железным характером, которая обосновалась в списке надолго».

По появившейся информации Ирина Абрамович обратилась за юридической помощью в одну из лучших адвокатских контор Великобритании «Sears Tooth». О том, что собой представляют эти акулы юриспруденции, берущие за работу не меньше 500 фунтов в час, красноречиво говорят их профессиональные прозвища — Рэймонд Тут по кличке Jaws (Челюсти) и Николас Мостин, прозванный Mr. Payout (Мистер Выплата). Они, в частности, помогали разводиться Шерил Бэрримор с комиком Майклом, а Сэди Фрост — с голливудским актером Джудом Лоу. Кроме того, одного из адвокатов нанимал сэр Пол Маккартни, когда разводился с Хизер Миллс.

Николас Мостин не так давно вел дело некоей Мелиссы Миллер, которая решила расстаться со своим мужем. После рассмотрения ее дела суд отдал ей девять миллионов из тридцатимиллионного состояния ее мужа! И это при том, что супруги Миллер прожили вместе всего три года и не имеют общих детей. Напомним, что Роман и Ирина прожили вместе пятнадцать лет и имеют пятерых детей.

Абрамович занимает 11-е место в рейтинге самых богатых людей планеты. Ирина – вторая супруга миллиардера, вышла замуж за него в 1991 году. Если адвокаты смогут отсудить у Абрамовича половину состояния, Ирина получит самую крупную в истории выплату по разводу – приблизительно десять миллиардов долларов. До сих пор самой крупной суммой, выплаченной по итогам бракоразводного процесса, был 1 миллиард фунтов стерлингов. Именно столько в 2002 году заплатил своей бывшей жене американский медиамагнат Самнер

Редстоун. 2

Роман Абрамович рано остался сиротой. Его мама скончалась в результате неудачной операции, когда сыну только-только исполнился год. Спустя несколько месяцев погиб отец Романа. Он работал на стройке, и там произошел несчастный случай: на него обрушилась плохо закрепленная на кране бетонная плита.

Маленького Романа взял на воспитание его дядя. Жил тот в маленьком городе Ухта. До шестнадцати лет ребенку ничего не говорили о том, что произошло с его родителями. Папой и мамой Роман называл дядю и его супругу. Через несколько лет из Ухты Абрамович перебирается к бабушке в Москву. Там он заканчивает школу. Одноклассницей Романа была будущая певица Наталья Штурм, позже записавшая песню «Окончен школьный роман». Кокетничая и отводя глаза, Наталья многократно говорила, что в те годы ей нравился совсем другой одноклассник, нынешний актер Максим Суханов, и вообще, к Роману Аркадьевичу ее «Школьный роман» отношения не имеет. Впрочем, Наталья говорила это так, что сразу становилось ясно: на самом деле еще как имеет!

Что уж там было на самом деле, ведомо только самим бывшим одноклассникам. После школы Абрамович провалился на вступительных экзаменах в вуз, уехал обратно в Ухту, поступил в местный индустриальный институт, но через полгода бросил его и ушел в армию. Демобилизовавшись, некоторое время размышлял, в какую сторону идти дальше. Как-то в интервью Абрамович рассказал о тех годах: «После армии я какое-то время работал в строительно-монтажном управлении. Должность называлась "начальник сварочного агрегата". Работа такая: утром пришел, включил. Вечером еще раз пришел – выключил".

Через некоторое время двадцатилетний Абрамович женился. Супруга была старше его на три года, и у нее к тому времени уже была дочь. Абрамович удочерил ее и, хотя времени постоянно не хватало, много с ней возился. Именно тогда он затеял первый в своей карьере бизнес: на деньги, вроде бы занятые у родителей жены, открыл кооператив «Уют». Занималась эта структура производством резиновых игрушек и женской бижутерии.

Разумеется, серьезным этот бизнес не был. Игрушки и бижутерия – все это смешно звучало даже для самых первых лет кооперации. Зато, будучи директором кооператива, Роман познакомился с несколькими молодыми людьми, которые как раз окончили Московский институт нефти и газа имени Губкина, и решил сменить профиль деятельности. Через несколько лет бывшие институтские приятели уже работают в западносибирской нефтянке, а Абрамович, забыв об игрушках, заключает первые контракты на поставку нефтепродуктов.

Работа была такая, что приходилось постоянно перемещаться: из Москвы в Сибирь, оттуда в США, на обратном пути нужно заскочить в Лондон, а потом, быстро переодевшись в Москве, опять мчаться в Сибирь. Говорят, во время одного из таких полетов Роман и познакомился с блондинкой-стюардессой Ириной. Всего через месяц с небольшим прежний брак Абрамовича был расторгнут и заключен новый. Впрочем, мама Ирины уверяла в интервью, что все было не так. И познакомилась ее дочь с будущим мужем вовсе не в самолете, и период ухаживания длился почти год.

Стюардесса Ирина Маландина стала женой начинающего бизнесмена Романа Абрамовича. Вскоре у них родилась дочь, а через десять лет детей было уже пятеро: две девочки и трое мальчиков. Первая супруга Романа также вскоре нашла свое счастье. Она вышла замуж за музыканта, пианиста из аккомпанирующего состава Авраама Руссо и Лаймы Вайкуле. Иногда бывшая супруга богатейшего бизнесмена страны подрабатывает тем, что за деньги дает интервью иностранным изданиям. По слухам, ее откровенный рассказ о Романе стоит 30 тысяч долларов. 3

В 1995 году бизнесмен Борис Березовский обратил свое внимание на нефтяную отрасль.

Прежде он делал деньги в основном на торговле автомобилями Волжского автозавода и на операциях со счетами авиакомпании «Аэрофлот». Но теперь все это для самого богатого и влиятельного предпринимателя России было уже мелковато. Березовский планировал развернуться по-настоящему.

Вообще-то государство расставалось с нефтянымипредприятиями очень неохотно. В частные руки было передано несколько месторождений и перерабатывающих предприятий. Вагит Алекперов создал свой «ЛУКОЙЛ», Виктор Вексельберг – компанию «ТНК». Но остальное государство хотело бы сохранить за собой. До эпохи залоговых аукционов доступ к торговле нефтью для частных лиц был категорически закрыт.

Газовые богатства страны были сосредоточены в гигантском концерне «Газпром», а нефтяные переданы в руки тоже государственной компании «Роснефть». «Газпром» был крупнейшей по величине русской компанией, а «Роснефть» занимал вторую строчку. Именно эти две компании давали стране большую часть ее бюджета. Менять такое положение вещей смысла не было. Однако в 1995-м оно все-таки было изменено. Теперь никто уже не в состоянии сказать, как так получилось, но Борис Березовский уговорил-таки власть поделиться нефтяными денежками.

Сам Борис Абрамович специалистом в нефтянке не был. Чтобы разобраться, как в этом бизнесе все устроено, ему был необходим человек, знающий отрасль изнутри. Таким человеком и стал Роман Абрамович. Ему было всего двадцать девять, но последние несколько лет он занимался как раз операциями с нефтью.

Вскоре президент Ельцин подписал указ о создании компании «Сибнефть». На первых порах Абрамович занимал в ней скромную должность главы московского представительства. Но время шло, и все менялось. По ходу создания компании Абрамович познакомился с несколькими высшими государственными чиновниками. Он был действительно очень приятным в общении молодым человеком. Вскоре деловые связи переросли в чисто человеческую привязанность. Утверждали, что с главой президентской Администрации Валентином Юмашевым Абрамовича связала настоящая дружба. В общем, дела начали развиваться.

В 2000-м Борис Березовский перешел в жесткую оппозицию новому президенту Путину. Вскоре ему пришлось и вообще уехать из страны. Активы, оставшиеся в России, Березовский решил продать. Покупателем стал Абрамович. Именно после этого предприниматель превратился в самого богатого бизнесмена России и одного из двадцати самых богатых людей планеты. 4

Роман был совсем молод. Чем еще заниматься и в какую сторону двигаться, понятно не было. Если бы в рейтинге «Forbes» он занимал вторую строчку, можно было, напрягая силы и сжимая волю в кулак, бороться за лидерство. Но он и был лидером. Он и был номером один. Ему было только тридцать четыре. А он уже стоял на самой вершине.

В 2000 году Абрамович выставляет свою кандидатуру на выборах губернатора Чукотки. И побеждает с результатом девяносто процентов голосов. Журнал «Forbes» утверждал, что на главной витрине музея в Анадыре хранится два моржовых клыка: на одном вырезан Ленин с чукчами, а на втором – точно такого же размера губернатор Абрамович со своими избирателями. «Абрамович здесь как бог, – писал журналист. – Люди его обожают».

Еще через несколько лет он купил себе футбольный клуб «Челси». Теперь его обожали не только чукчи, но и англичане. Для развлечения Роман Аркадьевич купил три гигантские яхты и заключил контракт на постройку еще одной – самой большой в мире. Приобрел парочку дворцов и вроде бы даже приценивался к замку графа Дракулы в Трансильвании. Но все равно веселее на душе не становилось.

Абрамовича начинают все чаще видеть на вечеринках. Прежде он был категорически непубличен. Он настолько тщательно избегал внешних контактов, что даже первую фотографию бизнесмена журналисты сумели отыскать лишь спустя несколько лет после того, как услышали фамилию Абрамович. А теперь он танцевал, пил вино, болтал с девушками, ходил на концерты и ездил развлечься в Куршевель. Где-то на вечеринке он и познакомился с красавицей Дарьей Жуковой.

Позже было высказано несколько версий на предмет того, где они встретились впервые: на вечеринке Дашиного отца в Нью-Йорке, на послематчевой party самого Абрамовича в Лондоне, на танцульках в горнолыжном курорте. На самом деле вероятен каждый из вариантов. Жизнь Дарьи Жуковой состояла из бесконечных вечеринок, и встретить самого богатого мужчину страны она могла на любой из них.

На тот момент Дарье было двадцать два. Ее отец в свое время открыл одну из первых в стране фирм по продаже компьютеров, а потом пробовал делать бизнес на транзите нефти через Одессу. С Дашиной мамой он довольно быстро развелся. Та, забрав маленькую дочь, уехала жить в Калифорнию. Какое-то время они прожили в городке Санта-Барбара, а потом Дарья переехала в Лондон. Там у ее отца был собственный пентхаус в районе Кенсингтон, да и вообще — жизнь была куда веселее, чем на американском Западном побережье.

К девятнадцати годам молодая красавица Жукова стала одной из главных светских львиц в кочующей с курорта на курорт русской тусовке. Ее подружками были Полина Дерипаска (дочь Валентина Юмашева и супруга мультимиллиардера Олега Дерипаски), Ксения Собчак (дочь первого петербургского мэра Анатолия Собчака и крестница президента Владимира Путина), а так же Шахри Амирханова (girl-friend Бориса Ельцина-младшего, внука первого президента России). Позже, уже после того как газеты стали раздувать скандал вокруг ее отношений с Абрамовичем, один из журналистов писал:

В жизни Даша выглядит куда свежее, чем на фотографиях. И главное, в ней совершенно нет вульгарности. Большинство московских красоток выглядят как содержанки, но не она! Дарья Жукова – состоятельная девушка, и ей незачем заискивать перед богатыми мужчинами. Она совершенно не желает себя подать. Одевается она в винтажные вещи и никак не педалирует свою природную сексуальность. При взгляде на нее ты сразу понимаешь, что перед тобой девушка из хорошей семьи и с хорошим вкусом. Кроме того, ты убеждаешься, что хорошим вкусом обладает и сам Роман Аркадьевич.

Впервые о Жуковой газеты заговорили, когда она стала встречаться со звездой русского тенниса Маратом Сафиным. К 2002 году Сафин вплотную приблизился к тому, чтобы занять первую строчку в мировой теннисной классификации, и тогда же в его жизни появилась Дарья.

Газеты писали:

Клубы, пьянки-гулянки, россыпь девчонок – похоже, все это для Марата уже в прошлом. Если во время финала Australian Open-2002 за Сафина болела целая бригада красоток-блондинок, то в нынешнем году в Мельбурне Марат блеснул не свойственным ему ранее постоянством – в объективы телекамер регулярно попадала привлекательная брюнетка по имени Дарья Жукова.

До появления юной Даши Марат славился как ловелас, непостоянный и ветреный, который меняет девушек чуть ли не каждую ночь. Даша Жукова была первой, кого он официально назвал своей подругой. Эффектная брюнетка ответила ему взаимностью и сейчас, похоже, проводит больше времени не в США, где она учится, а на трибунах самых престижных теннисных стадионов.

Год назад в Австралии она фигурировала лишь как друг семьи. На трибунах Дарья сидела

рядом с мамой Марата. Однако вскоре после финала-2004 Сафин уже официально представил Дарью как свою подругу. Впервые он появился с ней на людях в одном московском ресторане на праздновании тридцатилетия Евгения Кафельникова.

Компания в тот раз поделилась на две половины: на соратников по спорту и приятелей-болельщиков. Они так и сели за столом: слева спортсмены, справа – дочь Ельцина Татьяна Дьяченко, ее муж Валентин Юмашев, помощник президента Сергей Ястржембский со спутницей, поющая чета Агутин – Варум и композитор Игорь Крутой.

Сафин вел себя так, что скоро гости забыли, у кого вообще сегодня юбилей: у Кафельникова или все-таки у Марата. Он приставал к Агутину с просьбой написать песню, мешал юбиляру произносить тосты, то и дело встревая с уточнениями и дополнениями. А потом и вовсе, раздухарившись, стал дергать Кафельникова за брюки, отчего Евгений краснел и даже сбился с мысли, скомкав спич о друзьях подлинных и мнимых.

Необычно приподнятое настроение Сафина тусовка объяснила приятными переменами в его личной жизни. Марат впервые пришел на банкет с Дашей Жуковой. Он не выпускал ее руку из своей, уверял, что влюбился и даже подумывает о женитьбе. А еще какое-то время спустя, в Мельбурне на церемонии награждения, Сафин во всеуслышание поблагодарил свою возлюбленную за поддержку. Выйдя, чтобы получить приз, он вдруг повернулся к трибуне и громко сказал: «А вот здесь сидит моя девушка, Даша. Она тоже причастна к этой победе. Я очень ей благодарен».

Предыдущая биография Марата чем-то похожа на судьбу самой Жуковой. Он родился в Москве и начал заниматься теннисом с пяти лет. Как и Дарья, он родился в очень хорошей семье. Мама Марата сама играла в теннис, входила в топ-десятку СССР, а отец работал в теннисном клубе. Чем еще в детстве мог заниматься сын таких родителей? В десять лет талантливого ребенка увезли в США. Там вместе с Анной Курниковой Сафин учился в Теннисной академии в Цинциннати. Курникова после учебы осталась делать американскую карьеру, а Сафин в четырнадцать лет уехал в Испанию. Еще через несколько лет Марат взялся за покорение теннисного олимпа: Кубок Кремля, пятнадцать турниров «Большого шлема», победа на открытом чемпионате США, еще одна — на открытом чемпионате Австралии.

За свою карьеру Сафин заработал почти \$12000000. Красивый, почти двухметровый, богатый и холостой. Разумеется, девушки ездили за ним по чемпионатам целыми фанатскими автобусами. Таблоиды не успевали отслеживать все, что с Маратом происходило. Одна из газет даже уверяла, что как-то спортсмен за деньги сдал донорскую сперму. А потом он встретил Дарью и очень быстро изменился.

О свадьбе Сафина и Жуковой говорили все настойчивее. Говорили, что она произойдет осенью 2004-го... или летом 2005-го... хотя, может быть, и сразу после нового, 2006-го... а потом вместо Даши Сафин стал все чаще брать с собой на вечеринки солистку группы «Другие правила» Алену Селезневу. Да и сама Жукова, утратив интерес к теннису, вдруг заинтересовалась футболом. Чем дальше, тем чаще ее стали замечать вместе с Романом Абрамовичем. И вместо слова «свадьба» газеты стали связывать с ее именем слово «развод». 5

О том, что жена богатейшего жителя России подает на развод, написали все до единой отечественные газеты. В статьях на эту тему звучала даже гордость: а что? сделали-таки западных звезд! актер Кевин Кестнер заплатил бывшей супруге \$53 миллиона, режиссер Стивен Спилберг – \$67 миллионов, а наш Абрамович может отдать матери своих детей аж девять миллиардов!

Авторам этих статей было не важно, что, по сути, Роман Аркадьевич давно уже не был

русским предпринимателем. За несколько лет до скандала с разводом он перевел свои активы за границу и в России теперь появлялся лишь время от времени. В Лондоне у него был бизнес. Там же он за \$14 миллионов купил себе дом. Там играла его команда «Челси», и там же (всего в десяти минутах ходьбы от его особняка) жила семья Жуковых, к которым можно было заскочить если что. Весной 2007-го Абрамович оформил официальный развод, и последняя ниточка, связывающая его с Россией, была порвана.

Абрамович стал далеко не первым миллионером, перебравшимся на жительство в британскую столицу. История русских богачей началась, как я уже писал, с Артема Тарасова, который еще в 1987-м выступил в нашумевшей программе «Взгляд». После той программы прошло всего несколько лет, и Тарасов очутился в Лондоне. Его русский бизнес перешел в иные руки, а самый первый русский миллионер теперь был просто британским гражданином. Вслед за Тарасовым в Лондон уехал Березовский. Разбогател он тоже у нас в стране, а жить стал тоже в Великобритании. Последним туда же перебрался и самый богатый русский – Роман Абрамович.

Речь не о том, почему все они уехали, — это как раз понятно. Речь о том, почему все они уехали именно в Лондон? Русские никогда не мечтали уехать в богатую Японию. Или в тихую Австралию. Или в перспективный Шанхай. Но уехать в Лондон и вести там жизнь британского эсквайра — такой выход никакого удивления не вызывает. В Британию бежали дворяне пушкинской поры. Демократы, современники Герцена. Политические эмигранты XX века. И вот теперь — опальные русские бизнесмены.

Россия всегда глядела на Европу со смешанными чувствами. Так дети рабочих смотрят на мальчика со скрипкой под мышкой, возвращающегося из музыкальной школы. Хорошо бы, конечно, носить такие же чистые рубашки и начищенную обувь. Но раз все это нам не светит, может, хорошенько треснуть ботанику по очкам?

Наша страна вывела танки из Восточной Европы, но взамен никто так и не предложил России вступить в Евросоюз. Русские искренне верили, что могут стать частью «цивилизованного мира», а в ответ слышали лишь обидные упреки и поучения. В 1980-х в голливудское кино верили почти как в Бога. К 2000-м хорошим тоном стало ругать США и презрительно кривить губы при слове «Макдоналдс». Стало ясно, что дальше все равно придется жить самим. Не как часть Европы, а опираясь лишь на собственные силы. Но КАК ИМЕННО жить, никто так и не объяснил.

Если Россия не стала членом Евросоюза, значит ли это, что и сами европейские ценности нам не подходят? Значит ли это, что мы должны вернуться к вечной русской модели: всемогущий центр, громадная армия чиновников и милиционеров плюс равнодушное ко всему на свете население? Может быть, это и устроило бы всех. Да только – после всего, что случилось со страной в XX веке, какой-то очень важный рубеж в отношениях власти и населения оказался перейден.

В том столетии с карты мира одна за другой исчезали гигантские империи, объединяющие десятки народов и племен. На смену империям везде приходили «национальные государства»: компактная территория, один народ, сплоченное общими целями общество. Последней павшей империей стал Советский Союз. Но вокруг чего может сплотиться русское общество, сегодня мало кто понимает.

Внутренней политики в России никогда не существовало. Потому что политика подразумевает обсуждение. Давайте все вместе сядем и поговорим: в какую сторону жить дальше? Вместо этого власть во все времена пыталась не уговорить, а заставить подданных выполнять приказы. Население отвечало власти тем же самым: русские бунты всегда были бессмысленны, беспощадны и, конечно, не подразумевали никакого обсуждения насущных проблем.

У нас в стране власть редко способна различить отдельного гражданина. Когда власть говорила, что собирается «сделать что-то для страны», это вовсе не означало «сделать жизнь людей лучше», скорее наоборот! Любая победа у нас покупалась ценой огромных жертв. Любое достижение — множеством искалеченных жизней. Причем те, кто платил эту цену, редко пользовались плодами победы. Выигрывая войны, осваивая необъятные просторы и с утра до вечера работая в нечеловеческих условиях, население даже и не мечтало, что в результате заживет лучше. И к началу XXI века что-то будто сломалось.

Кто теперь поверит в абстрактные цели, ради которых нужно приносить вполне конкретные жертвы? Вкалывать на благо страны, а уж тем более за нее умирать — многие ли в сегодняшней России на это готовы? Если уж вкалывать, то ради собственного блага. Если уж умирать, то ради чего-то понятного. К 2000 году стосорокамиллионная страна превратилась в сто сорок миллионов отдельных, ничем друг другу не обязанных людей. Часть из которых к тому же потихоньку перебирается на жительство в Лондон.

Жизнь дома всегда была похожа на армейскую службу. Отдельный человек у нас стоил недорого. Поколение за поколением русские все отдавали своему государству, а оно взамен снабжало население прожиточным минимумом. Государство в России было всем. К нему обращались за помощью, если что-то не ладилось. Его винили во всех бедах и благодарили за все достижения. В него верили, его боялись и ненавидели, ему приносили жертвы и не представляли, как можно жить без него, такого любимого и ненавистного.

В Европе жизнь устроена совсем не так, как у нас. Если в России о государстве люди говорят «они», то в Европе – всегда «мы». Среди европейцев (как и среди нас) есть хорошие, плохие, богатые, бедные, честные, жуликоватые, лысые, толстые, одноглазые – всякие. Они вообще очень похожи на нас. Но вот правила, по которым они живут, совсем иные. Европа похожа не на армейский лагерь, а скорее на студенческое общежитие. Там во всех своих бедах ты был виноват сам. И всеми своими достижениями тоже обязан только себе самому. Кто-то, конечно, руководит жизнью и в этих обществах, но команды там отдаются вовсе не рявкающим басом. И жить вот так – для очень многих русских это всегда казалось сбычей мечт.

Всего на протяжении XX века из России в Европу уехало приблизительно четырнадцать миллионов человек. Еще около ста сорока миллионов остались. Какое-то время казалось, что оставшиеся вскоре будут жить по тем же правилам, что и уехавшие. За те годы, что прошли между выступлением Артема Тарасова в программе «Взгляд» и разводом Романа Абрамовича, в России начался и закончился большой экономический эксперимент. Собственность попробовали перераспределить, а политику поменять. Однако серьезных изменений так и не случилось.

Эксперимент показал, что единственная возможная модель для России — это единый центр, всесильные силовые ведомства и послушное, дисциплинированное население. Такой страна была при царях. Такой же осталась при большевиках. Ничего не изменилось в ней и за последние двадцать лет. Население (сто сорок миллионов оставшихся) последнее время стало жить куда богаче, чем прежде. Власть (в советские времена — четыре миллиона чиновников, а теперь — почти семь миллионов) тоже не бедствует. Но какие-то фундаментальные вещи в России совсем не изменились. Да и вряд ли когда-нибудь изменятся. Уж такая она, моя неторопливая, молчаливая и неулыбчивая Родина.